

Л. Р. Кызласов

Издательство
Московского
университета

ИСТОРИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ ИЗВЕСТИЯ

О ДРЕВНИХ ГОРОДАХ

СИБИРИ

1993

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Л.Р. КЫЗЛАСОВ

П И С Ъ М Е Н Н Ы Е И З В Е С Т И Я
Д Р Е В Н И Х Г О Р О Д А Х
С И Б И Р И

Спецкурс

Издательство Московского университета
1992

Рецензенты:

доктор исторических наук А.С.Хорошев,
доктор исторических наук Ю.Л.Шапова

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Кызласов Л.Р.

К98 Письменные известия о древних городах Сибири. Спецкурс. -
Изд-во Моск. ун-та, 1992. - 136 с.
ISBN 5-211-02709-4

В настоящем спецкурсе рассматриваются многочисленные сообщения письменных источников, а также сведения народных исторических преданий о древнейших городах коренного населения Сибири. Собранный автором материал неопровержимо свидетельствует о том, что автохтонные народности Сибири развивались по тем же историческим законам, что и остальное человечество.

Для студентов, преподавателей и всех читателей, интересующихся отечественной историей.

077(02) - 92 - заказное

ББК 63.3(2)41

ISBN 5-211-02709-4

© Московский государственный
университет, 1992

"Развалины разрушенных городов в дикой Татарии заслуживают, чтоб их исследовали. Лежат они адали от людей".

Н.Витсен, 1710

ВВЕДЕНИЕ

Это первая книга, повествующая о древних городах Сибири. О городах неизвестных, давно покинутых и забытых. Даже мертвые их руины далеко не всегда сохранились в земных недрах. На раскрытых вами страницах приведены сведения о тех многочисленных городах, упоминания о которых остались в мимолетных и скудных сообщениях письменных источников, в исторических преданиях сибирских аборигенов или в словарном составе их языков.

В последующей второй книге пойдет рассказ и о городах безымянных, никем не упомянутых, как бы начисто вычеркнутых из прошлой истории человечества. Благодаря счастью и удаче археологов, в результате длительных, многотрудных поисков и долготелных кропотливых раскопок, они теперь воскресли для науки. Ныне важной темой археологии становится, таким образом, история древних и средневековых городов Сибири, проблема городской цивилизации в истории ее коренного населения. Открытия последних лет показали, что, в Сибири почти повсеместно, за исключением может быть узкой полосы зоны тундры, в древности или с эпохи раннего средневековья существовали самобытные городские центры.

И все же "Древние города Сибири" — в науке тема неожиданная. Еще недавно историки и археологи и не предполагали искать древнесибирские города. В исторической науке господствовали традиционные, окостенелые представления о застойной архаичности и консервативности социально-экономических отношений у аборигенных народностей Сибири.

В первооснове этих взглядов лежит старая европоцентристская теория о "неисторических" народах, о "дикой Татарии". Ее приверженцы не сомневались, что на просторах Северной Азии испокон веков обитали полудикие люди. Обосновывалось мнение о том, что к востоку от Урала издревле жили лишь бродячие лесные охотники, рыболовы-рыбоды и оленеводы, а также степные кочевники — скотоводы, не знавшие ни оседлости, ни земледелия. Эти племена так и

не перешагнули, якобы, непроходимого для них порога между застойным первобытнообщинным строем и цивилизацией классового общества.

Такое мнение способствовало бытованию среди европоцентристских по своему воспитанию историков и литераторов столь же несправедливого, сколь и предвзятого представления о том, что государств с цивилизацией городского типа в Сибири в сущности и быть не могло. Поразительно, насколько живучей оказалась столь ошибочная традиция, искажавшая историческое прошлое огромного региона Северной Азии.

Историю Сибири принято было начинать со времени ее завоевания и русской колонизации в XVI-XVII вв., то есть с постепенного присоединения этой огромной страны к Российскому государству. Известно, что в XVIII в., в первой "Истории Сибири", ее автор Г.Ф.Миллер "выразил свое отношение к сибирским народам, как "неисторическим", обреченным вечно пребывать в состоянии оцепенения. Исходя из концепции Миллера, Сибирь получила свое историческое развитие и стала объектом истории лишь со времени русского продвижения и присоединения" (I, с.148; 2).

Этот взгляд прочно утвердился в русской историографии. Спустя сто лет, в 30-х годах XIX в., П.А.Словцов обосновывал тот же тезис: "История Сибири для нас выходит из пелён samozабвения не ранее, как по падении ханской чалмы с головы Кучумовой" (3, с.XX). В результате ученые не занимались историей дорусской Сибири и она вплоть до советского периода оставалась неисследованной.

Первым эту заповедь нарушил профессор Иркутского университета В.И.Огородников, выпустивший в 1920 г. книгу "История дорусской Сибири" (4). Но не историки, а прежде всего, археологи, развеяли миф о "неисторических" народах, населявших древнюю и средневековую Сибирь. Благодаря их исследованиям аборигенное население Сибири и его история воистину вышли из "пелён" забвения. Мы имеем в виду, прежде всего, широко известные работы С.А.Теплоухова, С.В.Киселева, М.П.Грязнова, С.И.Руденко, Г.П.Сосновского, М.М.Герасимова, А.П.Окладникова, Л.А.Евтюковой, В.П.Левашевой, Л.Р.Кызласова, В.И.Матющенко, М.Ф.Косарева и других.

Из крупных историков только С.В.Бахрушин в 1928 г. заявил: "На первом месте тут стоит, конечно, изучение истории местного населения Сибири. Впервые став в равноправное положение с рус-

скими и получив возможность свободно развивать свою национальную самобытность, народы Сибири с законным правом стремятся узнать свое прошлое, а та роль, которая предстоит им в будущем в сибирском строительстве, оправдывает это стремление" (5, с.258).

Но в официальной советской историографии, не без влияния того же традиционного взгляда, продолжало иметь место принижение уровня социально-экономического развития аборигенных народов Сибири и пренебрежительное отношение к пройденному ими сложному историческому пути. В период подготовки первой, выпущенной в советское время, пятитомной "Истории Сибири", об исконной застойности и неразвитости общественных отношений у коренных сибиряков много писал специалист по истории феодальной России, представитель академических кругов В.И.Шунков.

В разных изданиях он постоянно выдвигал тезис: "едва ли подлежит сомнению, что до конца XVI в. у большинства народов Сибири первобытнообщинный строй был еще господствующим".

Не затрудняя себя исследованием противоречивого исторического пути, пройденного предками аборигенного населения Сибири, начиная от архантропов и неандертальцев вплоть до русского завоевания в XVI-XVII вв., В.И.Шунков высказывался и более определенно. В одном из докладов им было заявлено: "... точнее было бы определить социальный строй Сибири накануне присоединения ее к России как господство родовых отношений в стадии их разложения, а для некоторых народностей в последней стадии разложения". Причину подобного искажения истории сибирских аборигенов можно вполне увидеть в следующих словах В.И.Шункова: "Понимание сравнительных итогов исторического развития народов Сибири и русского народа, а также выяснение причин замедленных темпов социально-экономических процессов у народов Сибири важны для исследования ее дальнейшей истории, в частности для правильной оценки присоединения этого края к России" (6, с. 251-252; 7, с. 225, 229, 252).

Вот она, эта "правильная оценка": "Сибирь - неотъемлемая часть территории России, вовлеченная в общий с ней ход исторического процесса и уже с XIII в. населенная преимущественно русскими. Русь феодальная определила пути развития феодализма в Сибири; рост русского капитализма означал вовлечение сибирского края в капиталистические отношения; победа Великой Октябрьской социалистической революции в России была также победой революции в Сибири. Отнесение Сибири к великорусским районам свидетельствует

не только о принадлежности этого края к России, но и о его русском характере" (7, с. 223-224).

При такой концепции не нужны ни коренные народы Сибири, ни их история — все затмила история России и русского народа. Эта, с позволения сказать, "научная методология", со спекулятивными отсылками к "благоприятным итогам" исторического процесса, что было характерно для историков сталинского периода, отразилась в полной мере в "Истории Сибири". Одним из главных редакторов издания и редактором тома "Сибирь в составе феодальной России" являлся В.И.Шунков (8, с. 9-22, 25, 26 сл.).

Поражает степень безразличности некоторых авторов сего "ученого" труда. В "агрессии" (это в ХУП-то веке! — Д.К.) ими были обвинены не царские воеводы и воинские люди, завоевывавшие и разграблявшие коренные земли сибирских народов, а, напротив, местные "киргизские и бурятские князцы". Как раз те самые, которые в упорной борьбе защищали собственные земли от завоевателей, не поддаваясь злой воле царских сатрапов (8, с.44).

Один из соавторов того же труда, историкограф Сибири В.Г.Мирзоев, в 1970 г. писал, что русские люди, начав колонизацию "одной из величайших стран, которую когда-либо осваивал человек за всю свою историю..." застали в ней, "...тяжелый нередко губительный климат, неизмеримые пустынные пространства, редкое первобытное население" (!) (9, с.3).

Однако к части авторов из числа археологов и этнографов (и редактора тома "Древняя Сибирь" А.П.Окладникова), отметим, что первый том "Истории Сибири" содержит и главы, в которых излагается, хотя и не до конца последовательно, история феодальных государств VI-XII вв. у средневековых тюркоязычных и тунгусоязычных народностей Сибири и Дальнего Востока (10, с. 266-352).

Необъективные мнения официальных историков накладывали отпечаток и на построения ученых смежных специальностей. Так, например, географ Л.А.Никольская, говоря о дорусской средневековой Сибири, не задумываясь, пишет: "Сибирь в ту пору представляла собой экономическую пустыню ..." (11, с.63).

Исследователи архитектуры, стараясь принизить значение вновь открытых в степях памятников оседлого монументального зодчества, придумали для них обезличивающий ярлык: "кочевая архитектура". Поразительно по "изворотливости" заключение Д.Н.Ткачева: "Для кочевого феодализма, достигавшего в пульсирующем режи-

ме своих подъемов и падений довольно развитых хозяйственных форм уже в предмонгольский период, мобильные и стационарные формы организации среды не противоречили друг другу и все вместе составляли кочевую архитектуру" (12, с.44).

К сожалению, вирус необъективности и тенденциозности в подходе к истории коренных народов Сибири порастил многих авторов и едва ли следует продолжать здесь приводить тому примеры. Скажем только, что специалисты по истории русских городов Сибири конца XVI-XVIII вв. до сих пор не стыдятся заявлять, "что в конкретно-историческом плане урбанизация Сибири в массе своей начинается с нуля, в стране, которая до прихода русских не знала таких форм поселений, как города" (13, с.44).

Все, о чем говорилось выше, относится к разряду явных и нередко преднамеренных искажений, которые позволяли историкам упускать из сферы научных интересов многие бесспорные факты о существовании самобытных городов у коренного населения Сибири. По этой причине никто в отечественной науке до нас не избирал для исследования тему настоящего труда.

Но на территориях соседних с Сибирью работы такого рода производились уже давно. Еще в 1947-1957 гг. С.В.Киселевым было положено начало выявлению древних городов Центральной Азии (14). В 1965 г. вышел обобщающий труд коллектива авторов: С.В.Киселева, Л.А.Евтюховой, Л.Р.Кызласова, Н.Я.Мерперта, В.П.Левашевой "Древнемонгольские города". В 1950 г. опубликована обзорная работа А.Х.Маргулана, посвященная древним городам Казахстана, к сожалению, преимущественно южных его районов (15). Новые сведения о городах кимаков на Иртыше и в Восточном Казахстане собрал Б.Е.Кумеков (16). Позже вышла в свет обобщающая монография В.Л.Егорова "Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв." Этим трудом был подведен итог многолетнему выявлению полного списка монгольских городов, существовавших в XIII-XIV вв. в Причерноморье, на Северном Кавказе, в Поволжье и (лишь в небольшой части) - в Сибири (17).

Таковы успехи изучения древних городов в обширных областях, прилегающих к Сибири, причем в географическое понятие последней всегда входила и северная полоса Казахстанских степей, с которыми смыкается на юге Западно-сибирская равнина, а на востоке - Саяно-Алтайская горная страна.

В Сибири исторические и археологические поиски городищ русского населения начались еще во времена Г.Ф.Миллера, но особенно интенсивно — с конца XIX в. Сообщения русских источников о древних и средневековых городах Сибири за период времени с XII до XVIII в. предварительно уже обобщены в статье Л.Р.Кызласова (18). Более подробно они изложены в соответствующем разделе этой книги.

Что касается археологических раскопок городищ, относящихся к бронзовому, раннему железному веку и средневековому периоду, то даже для простого перечисления их понадобилось бы слишком много места. Материалы этих довольно многочисленных раскопок в большинстве своем не только еще не изданы, но даже в достаточной степени не обработаны. В обобщающих трудах им уделено мало внимания (19), а специальное тематическое изучение выявленных памятников и их историческая оценка — это дело будущего.

Все же нельзя не отметить опыты предварительных обобщений полученных данных. Речь идет, прежде всего об исследованных остатках городов Сибирского юрта, среди которых выделялся Искер или Кашлык (1400–1582 гг.) (20), о разновременных городищах в долине среднего и верхнего течения р. Оби (21), в Прибайкалье (22), в Забайкалье и Туве (23). Однако, о работе в двух последних странах необходимо рассказать подробнее.

Дело не только в том, что на этих территориях древние и средневековые города оказались лучше всего изученными, но и в том, что именно здесь у исследователей впервые возникла мысль о разработке темы "Древние и средневековые города Южной Сибири", которая, естественным образом должна была перерасти в тему "Древние города Сибири" (23; 24; 25).

В 1956–1962 гг. Л.Р.Кызласовым предприняты первые раскопки ряда городищ на территории Тувы. Выявлены были города двух хронологических этапов: 1) крепости периода уйгурского каганата VIII–IX вв. (17 прямоугольных и квадратных городов с глинобитными стенами, 2 глинобитных бастиона) (23; 26, рис.4); 2) 6 древне-монгольских городов XIII–XIV вв. (24; 27, с. 56–63, 138–170; 28).

В 1957 и 1959 гг. С.В.Киселевым и Л.А.Евтюховой были произведены раскопки двух древнемонгольских городов в Восточном Забайкалье — городищ Хирхира и Кондуй (24).

В 1959 и 1971 гг. Л.Р.Кызласовым открыты древние и средневековые города Хакасии (29; 30, с.296), исследования которых Л.Р.Кызласов и И.Л.Кызласов начали в 1972 г. и продолжали (с не-

которыми перерывами) до 1989 г. (31, 32). В то же время разворачивалось изучение горных каменных крепостей – убежищ Хакасии, начатое еще в 1958 г. (29; 33; 34; 35).

В 1959, 1983, 1988, 1991 гг. нами также раскапывались Знаменское и Троицкие кольцевые городища–крепости (с глубокими рвами и стенами, сложенными из сырцовых кирпичей), находящиеся на левом берегу р. Емба и Тесь в Боградском районе Хакасии и относящиеся к периоду нашествия центральноазиатских гуннов (II–I вв. до н.э.) (29; 36). Собственно гуннские города, существовавшие также в досредневековом периоде, остаются за пределами настоящей книги.

Любая проблема должна быть обсуждена со всех возможных точек зрения для выявления и установления истины, хотя бы и приближенной. Поэтому параллельно с полевыми исследованиями южносибирских аборигенных городов происходили поиски, сборы и изучение письменных сообщений разноязычных авторов, сборы этнографических, фольклорных и языковых данных у коренных народов Сибири о древних и средневековых городах (18; 25; 37). Настоящая книга, представляющая собой собрание сведений, извлеченных из письменных источников, предваряет второй труд на ту же тему, который будет целиком основан на археологических источниках. Работа продолжается и дальнейшее изучение проблемы городских цивилизаций древнего и средневекового населения Сибири увлекательно и бесконечно. Сведения о городах аборигенного населения дорусской Сибири должны быть не только как можно более полно выявлены, но и комплексно исследованы. Изучение древних городов, этапов их возникновения и развития, причин и смысла их существования, географической локализации и других важных историко–бытовых особенностей, позволит приблизить время воссоздания подлинной, неискаженной истории населения Сибири с древнейших времен и до наших дней.

Настоящее исследование сложилось на основе специальных курсов, читаемых автором в течении ряда лет студентам исторического факультета Московского университета.

Примечания

Введение

¹ М и р з о в В.Г. Историография Сибири (XVIII век). Кемерово, 1963.

² М и л л е р Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.; Л., 1937; Т. II. М.; Л., 1941.

- 3 С л о в ц о в П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886.
- 4 О г о р о д н и к о в Вл.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Ч.1: История до-русской Сибири. Иркутск, 1920.
- 5 Б а х р у ш и н С.В. Задачи исторического изучения Сибири // Научные труды. Т.3. ч.2. М., 1955.
- 6 Ш у н к о в В.И. Генезис феодальных отношений в Сибири // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969.
- 7 Ш у н к о в В.И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974.
- 8 История Сибири. Т.2: Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968.
- 9 М и р з о е в В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970.
- 10 История Сибири. Т.1: Древняя Сибирь. Л., 1968.
- 11 Н и к о л ь с к а я Л.А. Хакасия: Экономико-географический очерк. Красноярск, 1968.
- 12 Т к а ч е в В.Н. Архитектура Китая и его северных соседей - кочевников в эпоху феодализма: проблема культурного взаимодействия // 14-я научная конференция "Общество и государство в Китае": Тезисы и доклады. Ч.2. М., 1983.
- 13 Р е з у н Д.Я. Урбанизация и история Сибири конца XVI - XVIII вв. // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. Вып.3. Новосибирск, 1989.
- 14 К и с е л е в С.В. Монголия в древности // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т.IV. № 4. 1947; О н ж е. Древние города Монголии // СА. 1957. № 2.
- 15 М а р г у л а н А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.
- 16 К у м е к о в Б.Е. Города кимаков // Вестник АН Казахской ССР, 1969. № 1; О н ж е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.
- 17 Е г о р о в В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985.
- 18 К н з л а с о в Л.Р. Сообщения русских источников о древних и средневековых городах Сибири // Русский город (исследования и материалы). Вып.8. М., 1986.
- 19 Ч е р н е ц о в В.Н., М о ш и н с к а я В.И., Т а л и ц к а я И.А. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35.

М., 1953; К о с а р е в М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984; Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988; Финно-угры и балты в эпоху средневековья: Археология СССР. М., 1987.

²⁰ П и г н а т т и В.Н. Искер // Ежегодник Тобольского музея, вып.25. Тобольск, 1915; Л е в а ш е в а В.П. О городищах Сибирского юрта // СА. Т.ХIII. М., 1950; З н к о в А.П. Раскопки городища Искер // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.

²¹ Т р о и ц к а я Т.Н., М о л о д и н В.И., С о б о л е в В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980; У м а н с к и й А.П. К вопросу о датировке и этнической принадлежности верхнеобских городищ-"кокуев" // Вопросы археологии Сибири. Новосибирск, 1972. (Научные труды Новосибирского ГПИ, вып.38).

²² Р ы г д ы л о н Э.Р. Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области // СА. Т.22. М., 1955.

²³ К ы з л а с о в Л.Р. Средневековые города Тувы // СА. 1959. № 3.

²⁴ К и с е л е в С.В., Е в т ю х о в а Л.А., К ы з л а с о в Л.Р. и др. Древнемонгольские города. М., 1965.

²⁵ К ы з л а с о в Л.Р. Городская цивилизация тюркоязычных народов Южной Сибири в эпоху средневековья // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата, 1987; О н ж е. Городская цивилизация тюркоязычных народов Южной Сибири в эпоху средневековья // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.

²⁶ К ы з л а с о в И.Л. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века // СА. 1979. № 3; К ы з л а с о в Л.Р. Культура древних уйгур VIII-IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Серия: Археология СССР. М., 1981.

²⁷ К ы з л а с о в Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.

²⁸ К ы з л а с о в Л.Р. Городище Оймак на Улут-Хеме // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.

²⁹ К ы з л а с о в Л.Р. Хакасская археологическая экспедиция 1959 года // Уч. зап. ХНИИЯЛИ. Вып.9. Абакан, 1963.

³⁰ Кызласов Л.Р. Каменные "старушки" Хакасии // АО 1971 года. М., 1972.

³¹ Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Исследования на территории Хакасии // АО 1972 года. М., 1973; О н и ж е. Раскопки средневекового здания в Хакасии // АО 1973 года. М., 1974; О н и ж е. Архитектурные сооружения и курганы средневековых хакасов // АО 1974 года. М., 1975; О н и ж е. Раскопки средневекового замка в Хакасии // АО 1975 года. М., 1976; О н и ж е. Исследование замка в дельте Уйбата // АО 1976 года. М., 1977; О н и ж е. Святилище Уйбатского города // АО 1977 года. М., 1978; О н и ж е. Изучение древнехакасских крепостей и замков // АО 1978 года. М., 1979; О н и ж е. Раскопки колонного зала в Уйбатском городе // АО 1979 года. М., 1980; О н и ж е. Работы в средневековом Уйбатском городе // АО 1980 года. М., 1981; О н и ж е. Завершение раскопок монументальных зданий Уйбатского города // АО 1981 года. М., 1983.

³² Кызласов Л.Р. Средневековые архитектурные сооружения Хакасии // Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов ...). Ч.3. Киев, апрель 1975 г.

³³ Кызласов Л.Р. Хакасская археологическая экспедиция 1958 г. // Уч. зап. ХНИИЯЛИ. Вып.8. Абакан, 1960.

³⁴ Кызласов Л.Р. Древние крепости Хакасии // АО 1968 года. М., 1969.

³⁵ Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Работы в Северной Хакасии // АО 1984 года. М., 1986.

³⁶ Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новые материалы о происхождении культуры чаатас // АО 1983 года. М., 1985; О н и ж е. Ранние свидетельства кирпичного строительства в Южной Сибири // Палеоэтнология Сибири. Тезисы докладов... Иркутск, 1990.

³⁷ Кызласов Л.Р. Восточные источники о средневековых городах Южной Сибири // Всесоюзная археологическая конференция "Достижения советской археологии в XI пятилетке". Тезисы докладов. Баку, 17-21 мая 1985 г.; О н ж е. Античная традиция о благословенном городе в центре Азии // Археология Средней Азии. Тезисы докладов. Ташкент, 1990.

ПИСЬМЕННЫЕ ИЗВЕСТИЯ О ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ГОРОДАХ СИБИРИ

I. АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ О БЛАГОСЛОВЕННОМ ГОРОДЕ В ЦЕНТРЕ АЗИИ

Да, здесь есть города с населением
— кто бы поверил?

Овидий Назон "Скорбные элегии",
начало I в. н.э.

Как ни покажется странным, но исследование свидетельств о
неизвестных древних городах Сибири следует начинать с обращения к
традиции, непосредственно восходящей к античной культуре. А вся-
кое обращение к античности, как известно, начинается с изучения
великих творений Гомера и Гезиода. Именно у Гомера красочно опи-
сано сотворение Гефестом для Ахилла круглого изукрашенного щита,
который являлся моделью мира, ибо на нем была изображена вся
вселенная:

"Щит из пяти составил листов и
на круге обширном
Множество дивного бог по замыслам
творческим сделал.
Там представил он землю, представил
и небо, и море,
Солнце, в пути неистомное, полный се-
ребряный месяц,
Все прекрасные звезды, какими венчается
небо..."

(Илиада, ХУШ, 481—485) (I, с.300).

Далее рассказывается, что посреди великолепной вселенной
на щите Ахилла были весьма искусно "выкованы два града: один
мирный, благоденствующий, где вершится правосудие (ХУШ, 490—
508), другой воюющий, осажденный врагами, где рыщут и злоба, и
омота, и страшная смерть (ХУШ, 509—540)". Несомненно, что проти-
вопоставленные друг другу на фоне вселенной добродетельный (доб-
ро) и страшный (зло) города являлись космическими символами.

"Тезиод в "Трудах и днях" также сопоставляет два государства: в одном царит правосудие, а с ним и процветание — нет войн, земля обильно родит, потомство многочисленно; в другом государстве, где и царь и суд — неправые, голод, чума, дети не рождаются, войны гибнут, рушатся стены города, тонут суда" (2, с. 225—247).

Филологи-классики отмечают также, что "через всю греческую трагедию проходит мотив "благочестивого города", неизменно находящегося в состоянии процветания. Такой город, как правило, имеет соответствующего "благочестивого царя", в котором и воплощается" (2, с. 361, 564).

Вершиной античной традиции, заключающейся в устойчивой мечте о "благочестивом городе", являются построения великих древнегреческих философов Платона (428—347 гг. до н.э.) и Аристотеля (384—322 гг. до н.э.). В своих произведениях-диалогах "Государство" и "Законы" Платон воссоздал картину идеального, наилучшего, наиразумнейшего города — государства, управляемого мудрыми философами. В этом городе, план которого состоял из вписанных друг в друга правильных колец застройки, все гармонично, все разумно устроено. Население города постоянно (3, с. 89—454).

В словаре учеников Платона приведено общее определение: "Город, — место обитания множества людей, подчиняющихся общим постановлениям; масса людей, живущих по одному и тому же закону" (4, с. 434).

Аристотель выдвигал более гибкую, приспособленную к жизни планировку кварталов "идеального города". Он разработал его внутреннюю структуру, исходя из широкой эстетической концепции, которая сложилась в результате философского обобщения окружающей действительности и представления о месте "благочестивого города" в окружающем мире (5, Т. IV).

Эта античная традиция, в особенности ее утопический аспект, оказали значительное влияние на последующее развитие представлений средневековых ученых об "идеальном городе", как о модели мира. После походов Александра Македонского в Азию вплоть до Индии и создания эллинистического мира, местоположение утопического благочестивого города перемещается на север.

Следует сказать, что утопические представления, мечты об идеальном мире, исполненном изобилия разнообразных плодов и о справедливом равноправном их распределении, возникли, по-видимо-

му, вместе с человеком. Так позволяют думать древнейшие памятники мифологии, выросшие из устной фольклорной традиции.

Примером тому являются древнейшие сказки. Так, в древнеегипетской "Сказке о потерпевшем крушение" говорится, что спасшийся после кораблекрушения египтянин попал на остров, на котором он нашел фиги и виноград и всякие прекрасные овощи и "нет такого яства, которого там не было". Это изобилие в чужой стране сверхъестественно, — оно не создано руками человека (6, с.34).

В Двуречье страна Утопии — цветущий рай, помещалась на острове Бахрейн в Персидском заливе. По-шумерски остров назывался страной Дильмун. Вот как он описывается в шумерском мире "Энки и Нинхурсаг":

В Дильмуне ворон не каркает,
Птица "иттиду" не кричит,
Лев не убивает,
Волк не хватает ягненка...
Вдов здесь нет...
Голубь не прячет голову,
Нет таких, которые бы говорили:
"У меня болят глаза",
Нет таких, которые бы говорили:
"У меня болит голова",
Нет старухи, которая бы говорила:
"Я стара".
Нет старика, который бы говорил:
"Я стар"....
Пересекающий реку (смерти?)
не произносит....
Вокруг него не ходят с рыданиями
жрецы,
Певец не возносит жалоб,
У стен города он не сетует
и не плачет"

(7, с. 56-57).

Как видим, даже в самых ранних утопиях город уже присутствует.

Древнейшие восточные сказки были переиспользованы античной мифологией: "По мифу, Эдип находит смерть в могильном царстве, имя которого — Курган. Эта блаженная страна, доброконная, вечно

цветущая, не знает ни ветров, ни зимы; обильны цветами, зеленью и плодами ее сады, сладко поют соловьи, а воды ее рек бессонны, дожди чистые... Что это за страна — ясно: это утопический край изобилия, блаженства и красоты, каким рисуется мифологический рай" (2, с.350).

Те же древнейшие фольклорные корни питали утопические мечты ранних христиан об идеальной для людей жизни на земле в будущем. Христианский автор Ириней, в своей книге "Против ересей", привел рассказ проповедника Папия о царстве божием на земле и наступившем бы при нем изобилии: "На земле будут расти целые виноградные деревья по 10 тысяч лоз каждое, и на каждой лозе по 10 тысяч прутьев и на каждом прутье по 10 тысяч ягод и, когда святой захочет сорвать лозу, другая будет громко просить сорвать ее, так как она лучшая. И пшеница будет по 10 тысяч зерен в колосе, и все животные будут послушны людям. Именно это изобилие увидят люди, "которые достигнут тех времен" (6, с. 33-34).

А как схожи с шумерскими представлениями вдохновенные пророчества Библии: "Тогда волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицей, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому, и младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи" (Исаия, II: 6-8). Люди "перекут мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать" (Исаия, 2: 4; Микей, 4: 3).

Литературоведы полагают, что "Греческие мифы о стране блаженства, расположенной на дальнем севере, не меняя своей локализации, получали теперь новую окраску, превращаясь в христианский рай, расположенный за океаном" (8, с.ХХУП).

Последующие мыслители Запада и Востока в эпоху средневековья в своих построениях опирались на один и тот же мощный первоисточник — античную философию и, прежде всего, на идеи и труды древнегреческого философа Платона. Они разносились по свету не только в переводе на латинский язык, но и благодаря бурному развитию арабской культуры, которая освоила античное наследство и передала его другим народам Европы и Азии.

Наибольшее значение имела деятельность основоположников арабоязычной философии ал-Кинди (801-866) и ал-Фараби (873-950),

которые явились не только переводчиками-истолкователями Платона и Аристотеля, но и оригинальными философами, создателями законченной философской системы арабского средневековья (9).

Ал-Фараби в специальном труде "Трактат о взглядах жителей добродетельного города" подробно прокомментировал социальную утопию Платона и развил ее применительно к своей эпохе. "И город и дом нужно сравнить с телом человека", — писал ал-Фараби, уподобляя нормальное функционирование общества жизнедеятельности "совершенного, здорового тела", но тут же он предостерегал от буквального восприятия такой аналогии (9, с. 98-127; 10, с.157).

Анализ творений мыслителей средневекового мира показывает, что античная идея воплощалась учеными того периода в современных для них, вполне реальных географических представлениях. В средние века мир раздвинул свои границы. Эта была эпоха пробуждения интереса к загадочным, почти неизвестным еще просторам азиатского материка, и в том числе к Северной Азии, которую целиком занимает могучая Сибирь. Эта страна уже тогда дразнила воображение жителей более южных областей. Благодаря поэтапной торговле, она поставляла миру бесценную пушнину, золото, серебро, драгоценные камни, а также бивни ископаемых мамонтов.

Полностью раскрыть затронутую здесь проблему невозможно. Для нашей темы достаточно сопоставить мысли двух современников, двух великих писателей Запада и Востока, живших в XII веке. Так, знаменитый азербайджанский поэт Низами Гянджеви в своей поэме "Искендер-наме" описал город — "подобие рая" и благословенную "страну Хирхиз" на далеком севере, в верховьях Енисея, придав ей черты утопического государства всеобщего благоденствия, равенства, братства и счастья (II, с. 670-675):

"И помчавшись, лугов миновал он простор,
И сады, и ручьев прихотливый узор.
И увидел он город прекрасного края.
Изобильный, красивый, — подобие рая.
К въезду в город приблизился царь. Никаких
Не нашел он ворот, даже признака их.
Он увидел нарядные лавки; замков
Не висело на них, знать, обычай таков!
Горожане любезно, с улыбкой привета,
Чинно вышли навстречу Властителю света.
И введен был скиталец, носивший венец,

В необъятный, как небо, лазурный дворец.
Пышный стол горожане накрыли и встали
Пред столом, на котором сосуды блистали".

По Низами, в "страхе Хирхиз" в далекой Сибири существовало идеальное общество, совершенное в отношении морали, культуры и социальной организации. Оно изумило "вечного скитальца" Искендера, обошедшего почти весь мир и только на склоне лет, в далекой северной стране познавшего истину праведной жизни:

"В мире благо живет. Ты о благе радей.
К миру благо идет лишь от этих людей...
Если правы они, ложь свою ты пойми!
Если люди они, нам ли зваться людьми?
Если бы ведать я мог о народе прекрасном,
Не кружил бы по миру в стремленье напрасном...
Сей страны мудрецов я проникся бы нравом,
Я бы мирно дышал в помышлении правом".

Оказывается сила жителей утопического города и "древнехакасского государства" не в вере, пророком которой являлся Искендер, а в новой общественной этике, в особом социальном устройстве их жизни. У них нет ни царя, ни правителей, ни насилия, ни рабства, ни частной собственности, ни стражи, ни воров. Люди счастливой страны все равны в правах и богатстве. Их общество зиждется на коллективном труде, дающем им всеобщее благосостояние. У них общественные пашни и, очевидно, общие орудия труда. Отношения между членами этого идеального общества основаны на братской взаимопомощи, верности долгу, правдолюбию и полном отсутствии обмана и лжи (12).

Вероятно, восхождение к общему первоисточнику делает утопию Низами такой близкой к представлениям его далекого современника исландского ученого и поэта Снорри Стурлусона (1179-1241).

С.Стурлусон разделяет мир на три части: Африку, Европу и Азию. Автор, с большим знанием реальной географии, близко к духу Низами описывает Азию: "С севера на восток и до самого юга тянется часть, называемая Азией. В этой части мира все красиво и пышно, там владения земных плодов, золото и драгоценные камни. Там находится и середина земли. И потому, что сама земля там во всем прекраснее и лучше, люди, ее населяющие, тоже выделяются всеми дарованиями: мудростью и силой, красотой и всевозможными знаниями. Вблизи середины земли был построен град, снискавший

многоличайшую славу" (13, с.10).

Интерес к "середине земли" — к центру Азии проявлялся в цивилизованном мире и в последующие времена. Известно, что в XIII—XV вв., в Центральной и Средней Азии, в Китае и Индии побывали европейские путешественники Плано Карпини, Вильгельм Рубрук, Марко Поло, Джованни Монтекорвино, Джованни Мариньолли, Журден де Саверак, Афанасий Никитин и др.

Центр Азии, как прекрасная страна совершенных людей с вечным городом мудрецов — этот утопический миф долгое время волновал умы человечества. Блаженную страну размещали то в Южной Сибири, то в Индии, то между ними. О прекраснейших людях на земле, живущих в Южной Сибири, писали в XIV в., со слов мусульманских купцов, египетский географ ал-Омари ("... нет ... красивее их телом и лучше их по белизне. Фигуры их совершенство создания по красоте, белизне, и удивительной прелести; глаза у них голубые") и живший в Индии ученый Бадр ад-Дин ("Люди там ловкие, красивые и красавицы") (14, с.5). Д.Мариньолли, побывавший в Китае и Индии в середине XIV в., описал рай, обнаруженный им, якобы, на о. Цейлон (15, с.200).

В XV в. утопическая мысль фиксируется в Древней Руси. Индии посвящен литературный памятник того времени "Слово о рахманах и о весьма удивительной их жизни". В нем рассказывается о необыкновенном человеческом обществе: "... живут они совершенно без стяжания. У них нет ни храмов, ни риз, ни золота, ни серебра, ни вина, ни едания мяса, ни соли, ни царя, ни купли, ни распрей, ни драк, ни зависти, ни вельмож, ни воровства, ни разбоя, не стремятся к пресыщению" (16, с.175).

В XVII в. европейски образованные ученые, побывавшие в Китае, много сделавшие для установления прямых связей Запада и Востока, продолжали особо подчеркивать роль и значение Азии. Вот что писал, например, выдающийся молдавский ученый, состоявший на русской службе и ездивший, как посол России в 1675—1676 гг., в столицу Китая г. Пекин, известный Н.Г.Милеску Спафарий: "... и не токмо величиною Азия есть больше иных частей света, но и обилием всяким, что человеку надобно, наипаче же древностью превосходит все части, потому что в Азии рай сотворен был от бога, также и первозданные наши праотцы Адам и Ева тут же созданы были, и тамо род их пожил и до потопа. Также же и после потопа из Азии разделилися все языки и жилия во иные части света: В

Азии началась вера, обычаи гражданские, грады строить, письмо и учение оттуда началось... и оттого по достоинству иных частей света благороднейшая Азия есть..." (17, с.162).

Как видим, автор особо подчеркнул "азиатское начало" в строительстве городов.

Любопытно, что интерес к центру Азии не угас до сих пор. Он проявился в поисках блаженной страны - "Белогорья" русскими староверами в Саяно-Алтайском нагорье, Забайкалье и вплоть до "Пятиречья" в Дунбее; в поисках экспедиции Н.К.Рериха на просторах от Алтая до Гималаев; в мечтаниях Рериха о Шамбале - символическом городе-государстве с храмом счастья и мудрости. Наконец, в г. Кызыле, - столице Тувинской АССР, - на берегу Енисея (Улуг-Хема), образуемого при слиянии рек Каа-Хем и Пий-Хем, воздвигнут знак - обелиск с надписью: "Центр Азии".

Для нашей темы наибольший интерес представляет удивительная утопия великого Низами, которая, как выясняется, опиралась на многотысячелетние мечтания человечества, четко сформулированные античными философами. Низами знал не только исходные традиции науки, но опирался и на прекрасное знание географии всего Востока и, в том числе, - ландшафтных особенностей стран Южной Сибири и Центральной Азии (12). Это было отмечено одним из первых исследователей творчества поэта В.В.Григорьевым (1835): "Как ни баснословной кажется сначала повесть Низами, из нее можно извлечь много исторического" (18, с.287).

Хотя в Сибири никогда "золотого века" не было, но раздел поэмы Низами, где описана "страна Хирхиз" (хак. "Хыргыс") в верховьях Енисея, наполнен такими конкретными подробностями, что для историков Сибири эта поэма по праву должна служить первоисточником. Едва ли могут быть сомнения в том, что Низами знал подробности о современных ему городах Южной Сибири. Один из них вероятно столичный город (Орду-балык) "страны Хирхиз", поэт идеализировал и провозгласил "подобием рая на земле".

Почему Низами избрал для описания идеальной утопической страны и идеального города лежавшую на севере в Сибири страну кыргызов-хакасов и ее столицу? На этот сложный вопрос можно ответить только одно: вероятно у поэта были для этого большие и влиятельные основания. Для нас, к сожалению, они остались неизвестными.

Так реальные знания средневековых ученых о современных им городах далекой Южной Сибири объединились с древней античной традицией, с общечеловеческой фольклорной и литературной мечтой о благочестивом мирном городе, населенном справедливыми, мудрыми и счастливыми людьми, живущими в обществе полной социальной гармонии в свободной Азии.

Как видим, с глубокой древности культурные достижения и духовные ценности передавались не только через огромные расстояния от одних племен и народов к другим, но и от предков к потомкам. Слабые ручейки знания, сливаясь, со временем образуют поток общечеловеческой культуры. Очевидно, что историческое развитие человеческого рода и его культуры едино и неделимо.

Примечания

- ¹ Гомер. Илиада. М., 1960.
- ² Фрейденоберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978.
- ³ Платон. Сочинения. В 3 т. Т.3. ч.1. М., 1971.
- ⁴ Платон. Диалоги. М., 1986.
- ⁵ Аристотель. Политика // Сочинения. В 4 т. Т.4. М., 1984; См.: Кошеленко Г.А. Градостроительная структура "идеального" полиса (По Платону и Аристотелю) // ВЦИ. 1975. № 1; Ср.: Rosenau Н. The Ideal City. Its Architectural Evolution in Europe. L. - N.-Y., 1983.
- ⁶ Апокрифы древних христиан. Научно-атеистическая библиотека. М., 1989.
- ⁷ Гуторов В.А. Античная социальная утопия: Вопросы истории и теории. Л., 1989.
- ⁸ Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Т.1. Иркутск, 1932.
- ⁹ Шаймухамбетова Г.Б. Арабоязычная философия средневековья и классическая традиция. М., 1979; Аль-Фараби. Философские трактаты. Алма-Ата, 1970.
- ¹⁰ Григорьян С.Н. Из истории философии Средней Азии и Ирана VII-XII вв. М., 1960.
- ¹¹ Низами. Искендер-намэ / Перев. К.Липскерова. М., 1953.

I² К и з л а с о в Л.Р. Низами о древнехакасском государстве // СА. 1968. № 4.

I³ Младшая Эдда. Л., 1970.

I⁴ К и з л а с о в Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.

I⁵ После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. М., 1968.

I⁶ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века / Под общей редакцией Л.А.Дмитриева и Д.С.Лихачева. М., 1982.

I⁷ М и л е с к у С п а ф а р и й, Николай. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960; У р с у л Д.Т. Николай Гаврилович Милеску Спафарий. М., 1986.

I⁸ (Г р и г о р ь е в В.В.) // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1835.

2. ГОРОДА СЕВЕРНОЙ АЗИИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТРАДИЦИИ ВОСТОЧНЫХ ГЕОГРАФОВ

Затем мы пришли к городам (лежавшим) в развалинах и шли по этим местам еще 20 дней. Мы спросили о причине такого состояния городов, и нас оповестили, что это города, в которые проникли йаджуд и маджудж и разрушили их.

Салам ат-Тарджуман, 847 г.

В Южной Сибири и Центральной Азии города и городская культура появились еще в эпоху Тюркского каганата (VI–VIII вв.). В известных древнетюркских "рунических" памятниках на р. Орхоне (эпитафии Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тонькуку) употреблены собственно тюркские термины: "балык" – город, "балыкдакы" – горожане, "барк" – здание. В хрониках Танской эпохи упоминаются построенные тюрками храмы (684 г.) и столичный город Хэйшачэн ("Город Черных песков"), который по-тюркски вероятно назывался Каракум-балык (682 г.). О строительстве в ту эпоху городов на Енисее сведений нет, но оседлые поселения там в это время, несомненно, существовали (I, с. 233, 266; 2, с. 162, 461; 3, с. 92). Широкое внедрение городской культуры было предпринято правителями Уйгурского каганата (VIII–IX вв.). Древние центральноазиатские уйгуры построили на Орхоне и Селенге города Орду-балык, Хатун-балык, Бай-балык и др. Начатое еще при кагане Моюн-чуре (Боян-чуре) в 750–752 гг. в бассейне Верхнего Енисея крупное строительство городов, крепостей, укреплений в виде длинных глинобитных стен продолжалось и после уйгурско-хакасской войны 758 г. Некоторые длинные об уйгурских городах содержат рунические памятники древнеуйгурских каганов и вельмож. Еще в 750 г., как сказано в тексте его памятника, уйгурский каган Моюн-чур в завоеванной им земле чиков, то есть на территории современной Тувы, "распорядился устроить свой беловатый лагерь и дворец с престолом, заставил построить крепостные стены..." (3, с. 40–43).

О средневековых городах в бассейне Енисея и в Западной Сибири сообщают также арабо- и персоязычные источники IX–XIV вв. Самое раннее сведение о "городе царя кимаков" на Иртыше, о столице и деревнях центральноазиатских уйгуров, содержится в описа-

нии путешествия араба Тамима ибн Бахра ал-Муттазави, совершенного из города Тараза на р. Таласе до столичного города уйгуров Орду-балык на р. Орхоне.

Путешественник ехал, вероятно, с низовий Таласа и Чу, через Моюн-кумы и пустыню Бетпак-Дала, в верховья рек Ишима и Иртыша. В верховьях Иртыша в VIII-IX вв. проходила западная граница Уйгурского каганата. Поездка Тамима ибн Бахра была совершена в конце VIII или в начале IX в. до 820 г. — точная ее дата не выяснена (4; 5, с. 48-49).

Важно сообщение Тамима ибн Бахра, что он, где-то на юго-западном Алтае, близ оз. Зайсан, "... видел следы древнего города (выделено мною — Л.К.). Я не нашел среди тюрков никого кто бы знал о том, кто построил его, кем были его жители и когда он был разрушен...". Это, видимо, древнейшее письменное сообщение о древних городах Южной Сибири, уже к началу IX в. прекративших свое существование.

Далее, тот же Тамим ибн Бахр пишет, что спустя сорок дней пути после выезда из Тараза "... он прибыл в город царя. Он рассказал, что город большой, укрепленный, а вокруг него хорошо возделываемая земля и деревни. Город имеет двенадцать железных ворот огромных размеров. В городе много жителей, теснота, много базаров и товаров, в большинстве принадлежащих безбожникам (зиндигам)", то есть не мусульманам. Еще "он сказал, что перед прибытием в город (царя) за 5 фарсахов, он видел шатер царя, из золота. На крыше его дворца вмещается 100 человек".

В то же время наш автор сообщает, что "дорога кимаков от Тараза" такова, что ведет "... к двум деревням, населенным и цветущим, в местности называемой Кавакиб, расположенной в 7 фарсах от Тараза. Из этой местности до города царя кимаков (на Иртыше — Л.К.) расстояние в 80 дней для быстро скачущего всадника, везущего с собой запас продовольствия".

Для характеристики культурного уровня, на котором находилось государство центральноазиатских уйгуров VIII-IX вв., ценно признание Тамима ибн Бахра, что "... он отправился в страну хакана тогузгузов (то есть кагана уйгуров — Л.К.) на почтовых лошадях, которых хакан тогузгузов дал ему. Он проезжал за день и ночь три перехода (три смены лошадей — Л.К.) самым быстрым ходом и ехал двадцать дней по степи, а в ней — источники и пастбища. Но нет ни деревни, ни города, кроме обслуживающего персонала до-

люди, а они живут в палатках" (4; 5).

Как видим из этих сообщений, в Уйгурском каганате VIII–IX вв. существовали государственные тракты с хорошо разработанной системой почтовых станций, регулярной гоньбой перекладных лошадей со сменными кучерами. Следовательно (задолго до монголов), для населения государства существовала "ямская" повинность.

Здесь нельзя не сказать о сложившейся в средневековые легендарной арабской традиции, проявившейся в повествованиях о далеком севере. Она попала в Коран и была канонизирована. Речь идет о страшных народах яджуджах и маджуджах (библейские "Тоги и Мигтоги"), представление о которых возникло из знакомства арабских ученых, отчасти с древнееврейской литературой, отчасти, – с полуисторическими романами эллинизированного Египта об Александре Македонском (6, с. XXXI).

В арабской географической литературе легенда получила определенную локализацию: свирепые яджуджи и маджуджи обитали, якобы, на далеком севере, между Уралом и Алтаем, вплоть до "моря Мрака" – Ледовитого океана. Согласно Корану яджуджи и маджуджи помещены где-то на дальнем севере, за высокими горами, "в седьмом климате" (гл. XVI, XVIII, XXI).

"По другому преданию, известному уже из Иосифа Флавия и Псевдо-Каллисфена, слившемуся с первым и также занесенному в Коран, они сидят там как бы в заключении, за крепкой стеной с железными воротами, построенными Зу-л-Карнейном, то есть Александром Македонским, для ограждения народов прочих стран от их страшных вторжений. Они силятся разрушить стену и выбраться на свободу, но будут находиться там до тех пор, пока Богу не будет угодно перед кончиной мира открыть им путь ... у яджуджей и маджуджой по четыре глаза, два на лбу; два на груди; их тело покрыто шерстью, у некоторых уши свисают до плечей; они не говорят, но издают своим голосом звуки, похожие одновременно на змеиное шипение и птичий свист" (6, с. XXXI).

Исходя из этой традиции, последующие арабские географы отмечают на севере Западной Сибири, то "великую крепость", то "башню". Например, путешественник Масалак-ал-Абсара писал: "Из этой страны кущи проникают в Югру, которая находится на крайнем севере. За нею нет никаких следов жилья, кроме великой крепости, построенной Александром, за которой же нет ничего кроме мрака". Египетский географ ал-Омари (XIV в.) указывал: "... кущи чулы-

манские ездят до земель югорских, которые на окраине севера. Позади их (уже) нет поселений, кроме большой башни, построенной Искендером (Александром) на образец высокого маяка; позади ее нет пути, а (находятся) только мраки" (6, с. 44-45).

Древние города, "лежавшие в развалинах", видел в Западной Сибири (вероятно в южном Зауралье) путешествовавший по ней араб Саллам ат-Тарджуман, который в период правления халифа ал-Васика (842-847 гг.) проехал через Тифлис-Аланию-Хазарию - Западную Сибирь и, вероятно, Алтай, в Туву. Оттуда, через Восточный Туркестан - Самарканд - Бухару - Термез - Нисабур - Рей, он вернулся в Ирак. Путешествие заняло 28 месяцев и несколько дней, а результаты его были настолько удивительны, что описанные подробности этой поездки не вполне разъяснены до сих пор.

Вот часть текста из книги знаменитого географа Ибн Хордадбека (820-912 гг.), лично записавшего рассказ Саллама-путешественника: "Мы остановились у владыки хазар на одни сутки, чтобы он отправил с нами пять проводников. Мы шли от них 26 дней и достигли черной земли с неприятным запахом. Прежде чем вступить на эту /землю/, мы запаслись уксусом и нюхали его, чтобы отбить скверный запах, и шли /так/ 10 дней. Затем мы пришли к городам, /лежавшим/ в развалинах, и шли по этим местам еще 20 дней. Мы спросили о причине такого состояния городов, и нас оповестили, что это города, в которые /когда-то/ проникли йаджуд и маджуд и разрушили их.

Затем мы достигли крепостей, /построенных/ рядом с горой, по ущельям которой проходила стена. В этих крепостях /живет/ народ, говорящий по-арабски и персидски. Они спросили нас, откуда мы явились. Мы сообщили им, что являемся посланцами эмира верующих. Они подошли /к нам/, были поражены /услышанным/ и /пере/спросили: "Эмир верующих?". Мы сказали: "Да". Тогда они спросили: "Стар он или молод?" Мы говорим: "Молод". Они снова очень удивились и спросили: "Где он проживает?". Мы говорим: "В Ираке, в городе, называемом Сурра ман ра'а". Они сказали: "Мы об этом никогда не слышали".

/Расстояние/ между каждой из этих крепостей от одного до двух фарсахов, меньше или больше ... Затем мы достигли города, называемого Ика. Он занимает площадь равную /квадрату/ со стороной 10 ф. /Город/ имеет железные ворота, вокруг него имеются пашни, а в городе есть мельницы. Это тот самый город, где посе-

нилоя Зу-л-Карнайн со своим войском. Между /городом/ и стеной расстояние в три дня пути. /На всем протяжении пути от города/ до стены, которую достигаешь на третий день, расположены крепости и селения. /Эта стена наподобие/ горы округлой формы. Говорят, что йаджудж и маджудж обитают здесь. Их два вида. Говорят /также/, что йаджуджи ростом выше маджуджей - с разницей от одного до полутора локтя, меньше или больше этого.

Затем мы достигли высокой горы, на которой возвышались крепость и стена, построенная Зу-л-Карнайном. Там между двумя горами есть ущелье, ширина которого 200 локтей. Оно является дорогой, через которую вышли и рассеялись по земле /йаджуджи и маджуджи/. Фундамент стены заложили на глубине тридцать локтей с помощью железа и меди и /возводили ее/ таким образом, пока не достигли земной поверхности. Затем поставили две опоры с обеих сторон ущелья, ширина каждой опоры - двадцать пять локтей, высота - пятьдесят локтей. Вся эта постройка состоит из железных плит, покрытых медью. /Размер/ одной такой плиты полтора локтя. Толщина плиты четыре пальца. Между этими двумя подпорками расположена железная притолока длиной сто двадцать локтей, толщиной десять локтей и шириной пять локтей; установлена на обеих опорах.

Над притолокой - здание из тех же железных плит, покрытых медью, что возвышаются до вершины горы, высота которой - насколько охватывает взгляд. Это здание возвышается над притолокой примерно на шестьдесят локтей. Над /зданием/ железные террасы. По краям каждой террасы два рога, которые загибаются друг на друга. Длина каждой террасы пять локтей, а ширина четыре локтя. Над притолокой тридцать семь террас.

Железные ворота имеют две, прикрепленные /к ним/ створки. Ширина каждой створки пятьдесят локтей, высота семьдесят пять локтей, толщина пять локтей. Обе стойки при вращении соразмерны с притолокой. /Это сооружение так построено/, что ветер не может проникнуть ни через ворота, ни со стороны гор, оно будто сотворено самой природой. На воротах запор длиной в семь локтей, а в обхвате - один ба'а. Его не смогут обхватить два человека, и он отстоит от земли на двадцать пять локтей. Пятью локтями выше запора висит задвижка - длиннее, чем сам запор. Каждая из двух /замочных/ задвижек - по два локтя. Торчащий в замке ключ имеет длину в полтора локтя. /Этот ключ/ имеет двенадцать зубцов, каждый из зубцов как пест ступки. Обхват ключа четыре пяди;

он прикреплен к цепи, припаянной к двери. Длина цепи восемь локтей, она имеет четыре пяди в обхвате. Кольцо, прикрепляющее цепь к двери, подобно кольцу катапульты. Порог двери, не считая частей, оставшихся под двумя косяками, имеет ширину десять локтей и длину сто локтей. Выступающая часть /двери/ равна пяти локтям.

Все /размеры/ "зира" исчисляются /мерой длины/, называемой "зира'ас-сауда".

Около ворот есть две крепости, каждая площадью двести кв. локтей. У ворот этих двух крепостей растут два дерева. Между двумя крепостями есть пресный источник. В одной из крепостей /сохраняются/ орудия, служившие для постройки стены, в том числе железные котлы и железные ковши. На каждом треножнике размещено четыре котла подобных котлам для /варки/ мыла. Там находятся остатки железных кирпичей /из которых/ была сооружена стена. Из-за ржавчины они прилипли один к другому. Комендант /раис/ этих крепостей каждый понедельник и четверг отправляется верхом /к железным воротам/. Они (раисы) эти ворота получают по наследству, подобно тому как халифы наследуют халифат.

Он верхом является /к воротам/ вместе с тремя сопровождающими, на шее у каждого из них /висит/ пест. К воротам /приставлена/ лестница. Он взбирается на самую высокую ступень и ударяет о запор один раз на рассвете и слышится им звук наподобие /гула/ потревоженного пчелиного улья, затем /звуки/ приглушаются. К полудню ударяют /по запору/ еще раз. /Раис/ прикладывает ухо к воротам: второй звук оказывается сильнее, чем первый. Затем звуки опять /приглушаются. Когда наступает послеполуденное время, ударяют еще раз. Появляется тот же шум. Он остается здесь до захода солнца и только после этого уходит.

Цель удара о запор в том, чтобы он /раис/ услышал есть ли кто за воротами, а /если есть/, то чтобы знали, что охрана здесь. И чтоб /люди в крепости также/ знали, что те не предпримут против ворот никаких действий.

Недалеко от этой местности находится большая крепость, размером 10 ф. на 10, т.е. площадь ее 100 кв. ф.

Сказал Саллам: "И я спросил одного из присутствовавших жителей крепости: "Имеют ли эти ворота какой-либо недостаток?" Они ответили: "Никакого, кроме этой трещины. Трещина эта проходит по ширине словно тонкая нитка". Я спросил: "Вы /хоть/ немного опасаетесь за ворота?" Они ответили: "Нет! Эти ворота толщи-

ною в пять локтей в локтях ал-Искендара". один локоть ал-Искендара равен полутора локтям ас-сауда".

Сказал /Саллам/: "Я подошел к /воротам/, извлек из своей обуви нож, стал скоблить место трещины и вытащил оттуда кусок размером в половину дирхема, завязал его в платок, чтобы показать Вавилу би-ллаху. На правой створке ворот — сверху — на древнем языке железными (буквами) написано: "А когда придет обещание Господа моего, он сделает это порошком; обещание Господа моего бывает истиной".

Мы осмотрели сооружение, которое большей частью состояло из полос: один ряд желтый — из латуни, другой черный — из железа. На горе вырыто специальное место для литья ворот, место для котла, в котором перемешивают медь, и место, где варят олово и медь. Эти котлы из желтой меди. Каждый котел имеет три ручки. Там есть цепи и крюки, при помощи которых медь поднимали на стену. Мы опросили тех, кто был там: "Видали ли вы хоть одного из этих Маджуджэй и маджуджэй?" Они припомнили, что видели один раз некоторое их количество на горе. /Тогда/ подул страшный ветер и бросил (Маджуджэй и маджуджэй) в их сторону. Рост их на глаз — пядь с половиной. Гора с наружной стороны не имеет ни плоскогорья, ни склона, и нет на ней ни травы, ни дерева и ничего другого. Это гора высокая, стоит /вся/ гладкая и белая" (7, с. 43-46, 129-133).

Таково описание крепостей и необычайной по инженерной конструкции для IX в., железно-медной стены с воротами, запиравшей проход через узелъ между двух гор. Все это Саллам-переводчик, говоривший на тридцати языках (7, с.129), "увидел", скорее всего в Южной Сибири, по нашему мнению, на территориях современной Тувы и на юге Хакасии, по выходе Енисея из Саянских гор (ср. 8).

Такое мнение должно быть в будущем серьезно рассмотрено в специальной работе, где критическому разбору должен быть подвергнут и рассказ Саллама. Нельзя не сказать, что в фольклоре саяно-алтайских народов фигурируют железные дворцы и дома (жилища), железные или бронзовые мосты, столбы, коновязи, огромные котлы и чаши из железа, бронзы и меди, а в сказаниях шорцев упоминается о целом железном городе.

Ж Ж Ж

Обратимся теперь к сведениям последующих по времени арабов и персоязычных путешественников, географов и ученых X-XII вв. Если Ибн Хордадбеж прямо указал, что "Рассказал мне Саллам ат-Тарджуман эту историю в общем, затем продиктовал ее мне из послания, которое было написано для ал-Васика би-ллаха" (7, с.133), то последующие ученые только пересказывали ее в разных вариантах. Об удивительном путешествии Саллама писали: Ибн Русте, ал-Мукаддаси, ал-Идриси, ал-Гарнати, Закарийа ал-Казвини, Ибн ал-Варди, Йакут, ан-Нувайри и др.

По данным ал-Идриси (XII в.) "Опустошенная земля" (Билад ал-хараб) со следами разрушенных городов, о которых упоминал и Саллам, находилась к западу и северо-западу от области обитания кыпчаков, то есть в Западной Сибири (к западу и северо-западу от верховьев Ишима и Тобола) (9, с.15). Это же повторил Ибн Халдун в XIV в. (9, с. 95-96).

А до всех вышеупомянутых авторов арабский путешественник Абу Дулаф (начало X в.) писал, что он и его спутники "ехали землей (хирхизов) месяц, спокойно и безопасно". На среднем Енисее они посетили большой храм для богомоления. В одновременном анонимном персидском сочинении X в. Худул-ал-алам говорится о границах "городов тогузгузов и хирхизов" Енисея, о том, что "в каждой области (этих стран) много городов", что в земле хирхизов "находится город, который называют Кемиджкет (то есть "Енисейский город" - Л.К.), там живет Хирхиз-хакан". Отмечается также, что городом Пенчул "владеют хирхизы" и что у кимаков на Иртыше есть один город.

Другой автор X в. ал-Макдиси разделял тюркоязычные народы на кочевых и оседлых. К оседлым он относил "племя хирхиз" в Сибири, так как "у них имеются посевы и деревья" (очевидно, плодовые). Махмуд Кашгарский (XI в.) сообщал: "Я несколько лет объезжал города, зимовья и летовки турков, туркмен, огузов, чигилей, ягмо и киргизов..." (10, с.34; II, с. 37, 39, 41, 43, 44; 12, с.306; 13, с.92). По данным того же автора, по-тюрки "город" звучит как "балык" или "кэнд".

Наибольшие сведения о городах народов Южной Сибири содержат труды испанского географа араба ал-Идриси (XII в.): "Все города страны киргизов расположены на территории, пространство которой измеряется 3 днями пути. Их четыре, большие, окруженные стенами и фортификационными сооружениями и обитаемые трудолюбивыми,

храбрыми и мужественными народами, которые особенно должны опасаться предприимчивости короля кимаков". На карте, созданной ал-Идриси, обозначены 5 городов под названиями Хакан Хирхир, Даранд Хирхир, Намран, Хирхир (дважды). Все они расположены на двух сливающихся реках (Абакан и Енисей?), впадающих в "Море Мрака". По ал-Идриси, "город, в котором живет государь киргизов, очень укреплен, окружен стенами, рвами и траншеями" (5, с.121; 14).

Этот же автор сообщил о 16 хорошо укрепленных городах кимаков, центром страны которых являлось верховье Иртыша. Город "хакана кимаков" был окружен стеной с железными воротами. В нем имелись храмы и базары. В горах были расположены кимакские замки-крепости, окруженные рвами с водой (5, с. 98-108; 14).

Великий поэт Низами Гянджеви (XII в.) в своей поэме "Искендер-наме", описывал благословенную "страну Хирхиз" в верховьях Енисея, отметил столичный "город прекрасного края. Изобильный, красивый, - подобие рая" (15, с.670). Там же, "в дальнем Северном крае", по рассказу Низами, солидарном с повествованием Саллама, Александр Македонский построил от яджуджей длинный "невиданный вал".

Необходимо упомянуть и о сообщениях арабоязычного автора XII в. Тахира Марвази, описавшего города и городские кварталы в земле живущих по сибирскому берегу Ледовитого океана "береговых людей". О последних сказано: "за (страною) Юра (находятся) береговые люди, они плавают в море без нужды и без цели, а лишь для прославления самих себя..." (16, с.68). Юра или Югра - так называли обитающих по Нижней Оби обских утров, с которыми арабы и персоязычные купцы испокон веков вели выгодную для себя "немую" меновую торговлю.

В XIII-XIV вв., по данным Рашид-ад-дина, в областях по верхнему и среднему течению Енисея располагалось "много городов и селений", а в районе впадения Ангара в Енисей стоял наиболее селенный город Кикас, который "... принадлежит к области киргизов" (17, с. 102, 150). Тот же автор сообщает, что в XIII в. в долине реки Селенги (ныне - в Западном Забайкалье) находились две меркитских крепости с тюркскими названиями Дайкал-курган и Караун-Кипчал, что столицу западного улуса Джучи-хан основал на Иртыше и что в 1235 г. великий хан Угедей "отправил царевичей и эмиров и Дашт-и-Кипчак (куда входил юг Западной Сибири - Д.К.), Мачин и в другие местности и приказал всюду построить высокие здания,

какие строят в городах, и кушки" (18, т. I, кн. 2, с. 149; т. II, с. 35 и 78). Рашид-ад-дин неоднократно упоминает "область Ибир-Сибир" к западу от Енисея (18, т. I, кн. I, с. 73, 150).

Располагая большой совокупностью арабско-персидских источников, и в том числе трудами Рашид-ад-дина, о средневековых городах Сибири сообщал и знаменитый историк XVII в. хивинский хан Абул-Гази (1603-1664 гг.). Еще в раннем издании его трудов, в переводе Д. Языкова (Санкт-Петербург, 1825), говорится про "кергизов" Енисея, которые покорились Чингизхану: "у них было два города Камкамчут, которые недалеко один от другого стояли между двух больших рек, Селенги и Икран-мурана, и еще два города на границах, которые оба назывались Апручир; что они последнюю рекою отделялись от одного татарского племени, и по смерти Чингизхана достались меньшему сыну его Таулаю" (19, с. 287, примечание 73).

В другом месте Абул-Гази сообщает, что река "Айкара-муран протекает посреди киргизских владений ... При устье реки, на берегу моря стоит большой город; селений около него много, стада и табуны пасущегося скота многочисленны. ... Этот город они называют Алакчин. Близ него есть серебряные рудники: у тамошних жителей котлы, чашки, блюда делаются все из серебра" (20, с. 40).

Абул-Гази хан знал также, что задолго до монголов на территории Монголии проживали древние тюркоязычные уйгуры, создавшие в Центральной Азии городскую цивилизацию. Он писал: "Среди этих гор протекает в одном месте десять рек, в другом девять: все они большие реки. На этих реках были жилища древних уйгуров; жившие на десяти реках назывались ун-уйгур; живших при девяти реках звали тукуз-уйгур. У них было много городов, деревень и пахотных земель: их всех было сто двадцать волостей" (20, с. 36).

ж ж ж

Из дальневосточных письменных источников для нашей темы имеют значение два сочинения: "Записки о путешествии на Запад праведника Чан-Чуня" (1228 г.) и "История династии Юань" (Юань ши), предоставляющих ценный материал о городах, построенных монголами в XIII в. на восточном Алтае и в Тувинской котловине. В "Записках..." говорится о "Чжэньхай балгасуне" - "городе Чинхая", построенном после 1211 г. где-то на восточном Алтае и заселенном десятками тысячами молодых китайцев обоего пола, занимавшимися ремеслом и земледелием. "Станционные сказывали, что на севере этих

снежных гор стоит Балгасун Тянь Чжэньхая; Балгасун, по нашему, значит город; в нем есть хлебные магазины; посему он называется также Цан тоу (магазин - Д.К.). 7-й лунь 25-го числа (года синь-сы) (14 августа 1221 г. - Д.К.) живущие здесь ремесленники и рабочие из китайцев: толпой вышли на встречу учителю; все они были в восторге, восклицали и кланялись ему и пошли наперед его с разноцветными хоругвями, цветными зонтами и душистыми цветами". На другой день посетил учителя и сам Чинхай - управитель города и сподвижник Чингисхана (21, с. 293-294).

Об этом городе говорится и в Юань ши: Чинхай "было приказано обрабатывать землю с помощью поселенцев в А-лу-хуань, основать (там) город Чжэньхай и охранять его" (22, с.159).

Наконец, в той же Юань ши, в рассказе о подчиненных князьям из рода кыргыз пяти административных областей, созданных монгольскими властями на Енисее в XIII в., упоминается о городах Кянь "Енисейск" - Д.К.) и Илань ("Змеиный" - Д.К.), центрах префектур Кяньчжоу на Енисее (Удуг-Хеме) и Иланьчжоу на р. Элегесте. Указано, что Кяньчжоу получило название по имени реки Кянь (то есть Кем - Енисей - Д.К.), что живут там несколько тысяч семей монголов и уйгуров. Есть несколько ремесленных мастерских, в которых работают потомки китайцев, переселенных на Енисей еще при основании монгольской династии (23, с.437).

Когда в 1270 г. император Хубилай назначил своим правителем - наместником пяти "кыргызских" областей чиновника Лю Хао-ли, тот учредил свою резиденцию в городе Илань на р. Элегест. Именно в это время здесь были созданы склады и зернохранилища, устроены почтовые станции и учреждены управления. Тогда же вновь были присланы пленные ремесленники, которые обучили, якобы, население обеих префектур (центральная часть Тувинской котловины - Д.К.) "гончарному делу, плавке металлов, изготовлению лодок" и т.п. (возможно по китайскому образцу и технологии; 24, с. 60-61).

Таковы известные нам сведения о древних и средневековых городах, существовавших в Сибири (23), которые сохранили до нас точные источники.

- 1 Б и ч у р и н Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. М.; Л., 1960.
- 2 Liu Mau-tsal. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (Türkür). Wiesbaden, 1958.
- 3 М а л о в С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.
- 4 Minorsky V. Tamim ibn Bahr's journey to the Uyghurs // Bulletin of the School of Oriental Studies. Vol.12. Pt.2, 1948.
- 5 К у м е к о в Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972; О н ж е. Страна кимаков по карте ал-Идриси // Страны и народы Востока. Вып.10. М., 1971; О н ж е. Сообщение ал-Идриси (XII в.) о странах кимаков и карлуков // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981.
- 6 А л е к с е е в М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Т.1; XIII-XIV вв., Иркутск, 1932; Ср.: О б р а з ц о в А.В. К интерпретации традиционных сюжетов у Ахмеда // СТ. 1988. № 1.
- 7 И б н Х о р д а д б е х. Книга путей и стран. Баку, 1966.
- 8 К ы з л а с о в Л.Р. Низами о древнехакасском государстве // СА. 1968. № 4; К ы з л а с о в И.Л. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века // СА. 1979. № 3; К ы з л а с о в Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI-IX вв. // Степи Евразии в эпоху раннего средневековья. Серия: Археология СССР. М., 1981; О н ж е. Культура древних уйгур (VIII-IX вв.) // Там же.
- 9 К у м е к о в Б.Е. Арабские и персидские источники по истории кипчаков VIII-XIV вв. Алма-Ата, 1987; О н ж е. Средневековые кипчаки по данным "Китай ал-ибар..." Ибн Халдуна (XIV в.) // Информационный бюллетень МАИКА. Вып.13. М., 1987.
- 10 Г р и г о р ь е в В. Об арабском путешественнике Абу-Долефе и странствовании его по Средней Азии. СПб., 1872.
- 11 МИКК. Вып.1. М., 1973.
- 12 Б е й л и с В.М. Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара ал-Макдиси (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-восточной и Центральной Европы. Т.2. М., 1969.

- 13 Хасанов Х.Х. Среднеазиатский географ-филолог XI в. // Известия Узбекистанского филиала Географического общества СССР. Т.5. Ташкент, 1961.
- 14 Geographie D'Edrisi, traduite de l'arabe en français par P.A. Jaubert. Т.І.Р., 1836.
- 15 Н и з а м и. Искендер-наме / Перев. К.Липскарова. М., 1963.
- 16 Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.2. М., 1967.
- 17 Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.І, кн.І. М.:Л., 1952.
- 18 Там же. Кн.2. М.:Л., 1952; Т.П. М.:Л., 1960.
- 19 Путешествия к татарам. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях. СПб., 1825.
- 20 Абуль-Гази. Родословное древо турков / Перев. и предисл. Г.С.Сабдукова. Казань, 1906.
- 21 "Си ю цзи" или описание путешествия на Запад // Тр. членов Российской духовной миссии в Пекине. Т.4. СПб., 1866.
- 22 Мункув Н.Ц. Основные китайские источники по истории Монголии (XIII-XIV вв.) // Современная историография стран зарубежного Востока. Вып.І. М., 1963.
- 23 Schott W. Über die ächten Kirgisen // Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu. Berlin, 1865.
- 24 Кычанов Е.И. Сведения в "Юань ши" о переселениях киргизов в XIII веке // Известия АН Киргизской ССР. Серия общественных наук. Т.5, вып.І. Фрунзе, 1963.
- 25 Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.

3. САМОБЫТНЫЕ ГОРОДА И КРЕПОСТИ СИБИРИ В СВЕТЕ РУССКИХ ИСТОЧНИКОВ XII-XIII ВЕКОВ

Есть же по тем рекам многие грады
каменные и великие полаты по степным
местам, а все пусты, а ныне от дав-
ных лет осыпалися, а какие люди ста-
лись никто о сём не весть ...

Хронограф XIII в., не ранее 1645 г.

Живейший интерес русских людей к соседней громадной, богатой, "неведомой" Восточной земле, к ее населению, возможностям торгового и культурного общения с ним возник очень давно, задолго до присоединения Сибири к Русскому государству и до появления в русских документах самого термина "Сибирь". Известно, что под 1096г. в "Повести временных лет" помещен рассказ новгородца Гюраты Роговича о народе "югра", живущем в Уральских горах и нуждающемся в железе. По мнению летописца этот народ загнан "на полуношные страны в горы высокие" еще Александром Македонским. Ярко описан немой обмен железа на пушнину, происходивший, якобы через в просеченное в горе "малое оконце" (I, с. 224-225). Гюрата Рогович сказал: "Послах отрок свой в Печеру, люди, яже суть дань дающе Нову городу; и пришедшу отроку моему к ним и оттуда иде в Югру. Югра же людье есть язык нем и сядят с Самоядью на полуношных странах" (Лаврентьевская летопись, 107).

К XII в. с уральскими уграми-югрой русские люди были не просто близко знакомы, но взаимодействовали и даже смешивались. Есть прямые сведения, что возникавшая в то время Северо-восточная Русь или независимое Ростово-Суздальское княжество, зарождалась, благодаря политике русских князей, как многоэтничное государственное образование. Чтобы создать сильный центр в противовес Киеву, князья опирались на всех окружающих инородцев, в том числе и на сравнительно далеко живущих поволжских турков-болгар, финноязычную мордву и урало-сибирских угров.

Так, в рукописи Российской Академии Наук (Ф.17, о.17, л.11) читаем: "Великий князь Юрий Владимирович (Долгорукий, 1125-1157), пришед в Суздаль и видя лишенна себя Русские земли, заложи в отчине своея грады Юриев в поли, Переяславль у Ключина (Клешнина) озера, Володимер на Клязьме и другие многие города теми же

имяны, иже в Руси суть, хотя тем утолити печаль свою, иже лишися русские власти и нача тии города населяти, созывая люд от всюду, дающе ссуду многу и приходяду многи от болгар, мордвы и югров, селяхуся по градом его" (2, с.4, прим.1).

Этот источник весьма важен. Как известно, волжские болгары и мордва в XII в., как и русские, проживали в условиях феодального строя и имели большой опыт городской жизни в собственных довольно развитых городах. Едва ли князь приглашал к себе на житьельство во вновь строящиеся города не ремесленный и мастеровой люд, а бродячих лесных охотников и рыболовов, каковыми до сих пор слыхнут среди некоторых ученых средневековые угры Сибири. Очевидно, что в XII в. "угры", по уровню своего социально-экономического развития и производственным навыкам, были вполне подготовлены к городскому строительству и жизни, так же как болгары и мордва. Благодаря длительным связям и контактам с народами, живущими к западу от Уральского хребта, угры в XII в. являлись полнокровным элементом восточноевропейской экономической жизни.

Вступая в экономические и политические договорные взаимоотношения с русским князем, "многи угры", очевидно, по праву получали статус горожан в Ростово-Суздальской земле. Потому-то князь Юрий давал им ссуду, очевидно, не только на строительство домов и дворов, но и на обзаведение надлежащим хозяйством. Все это заставляет предполагать наличие собственных городов в Угорской земле. И, действительно, источники приводят многие тому свидетельства.

С конца XII в. Новгородская феодальная республика стала активно осваивать восточные и северо-восточные земли. Новгородские воеводы, направляемые на покорение богатых угорских земель, с целью обложения их данью, не раз убеждались, что Югра в XII в. имела сильное войско. Например, при попытке собрать дань, печорскими и угорскими "данниками" в 1187 г. было убито 100 именитых новгородских воинов (3, с.229). По тем временам это было страшным поражением. В другом из летописных рассказов сообщается, что когда новгородцы в 1193 г. совершили военный поход на Югру, то они встретили здесь организованное сопротивление: "В то же лето идоша из Новгорода в Югру ратью с воеводою Ядреем; и придоша в Югру и възяха город, и придоша к другому граду, и затворишася в нем, и стояша под городом 5 недель...". При этом впервые упоминают "князь Угорский", который хитростью и военными вылазками

("вылезыше из града, и съсекоша вся") победил войско новгородцев — "осталось их 80 муж". Только в следующем 1194 г. летопись сообщает: "и тогда придоша из Югре избыток живых" в Новгород (З. с. 40—41 и 232—234).

Так впервые в русских источниках упомянуты собственно сибирские города. Хотя в последующих грамотах XIII в. "Югорская волость" называлась уже в качестве одного из новгородских "владений" (4. с. 9), но карательные походы в Сибирь по-прежнему продолжались. В единственном известии о походе новгородцев на Обь в 1364 г. подробности отсутствуют. Сказано лишь: "Той зимы с Югры новгородци приехаша, дети боярские и молодые люди, и воеводы Александр Абакунович, Степан Ляпа, воевавшие по Обе реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша" (I, IV, 1848, с. 64—65). Итак, почти за 300 лет, Новгород не смог покорить Югорское княжество.

Новгородский цикл первоначальных известий о Сибири, содержащийся в Никоновской, Ипатьевской, Новгородской четвертой (а отчасти и в первой) летописях, завершается выдающимся литературным памятником "О человеках незнакомых на Восточной Стране и языках разных". Знаменательно, что в этом сочинении, восходящем к XIV в., русский автор не знает еще названия Сибирь и называет ее Восточной страной. Тем не менее ему известны названия речных путей и урочищ; он приводит сведения о товарах и торговле с народами Западной Сибири. Исследовавший этот памятник Д.Н.Анучин справедливо назвал его "чем-то вроде краткого путеводителя" (5, с. 234—235).

Эти ценные сведения были получены русскими от "самоеды". В них рассказывается и о торговом пути, ведущем с севера в Южную Сибирь. Там в верховьях Оби, оказывается, располагался большой город — центр торговой фактории того времени. В нем можно было купить все, что только захочется. Несомненно, самоеды совершали тогда торговые походы на далекий юг. Вот этот древний текст: "Вверх тоя ж реки великия Оби естъ люди ходят попод землёю иною рекою день да ночь, с огни. И выходят на озеро. И над тем озером свет пречюден. И град велик, а посаду нет у него. И кто поедет к граду тому и тогда слышити шум велик в граде том, как и в прочих градах. И как придут в него и людей в нём нет и шуму не слышити никоторого. Ни иного чего животна. Но в всяких дворех ясти и пити всего много и товару всякого. Кому что надобе. И он положив цену противу того, да возмёт что кому надобет и прочь отходят. И кто что бес цены возмет, и прочь

отидет, и товар у него погибнет и обратится паки в своем месте. И как проч отходят от града того и шум паки слышети как и в прочих градах..."

Кажущаяся сказочность изложения на деле прикрывает реальные факты. По мнению Д.Н.Анучина в этом тексте упоминаются, вероятно, Колыванское озеро и рудники Алтая, где "рудокопы ходят под землёю по светильникам". Очевидно, что этот Великий торговый город стоял на Саяно-Алтайском нагорье и являлся средоточием торговли далекого "самоедского" севера с южносибирскими степными народностями. Кому принадлежал город - можно только гадать.

В XV в. в борьбу за Югру вступило Московское княжество. В 1467 г. был взят в плен и приведен в Вятку пельмский (мансийский) Великий князь Асыка. В 1483 г. московские войска впервые перешли Уральские горы и воевали "югорских" и "кодских" князей, причем был взят в плен Великий князь югорский Молдан и "княжих Екмычевых двое сыновей". Войска проникли до Иртыша и по Иртышу на судах пошли в Обь. Следующий большой поход в 1499-1500 гг. возглавили князья Петр Ушатый и Семен Курбский. Под их командой шли более 4 тыс. ратников. Согласно их донесению, они перешли "Камень (т.е. Уральский хребет. - Л.К.) щелью, а Камени в оболочках не видеть, коли ветрено, ино оболочка раздрает, а длина его от моря до моря. Убили воеводы на Камени 50 человек самоеди, а взяша 200 оленей. А от Камени неделю до первого городка Ляпина. Из Ляпина встретили додорья (обдоряне) на оленях, а рать на собаках. Ляпин взяли и поймали 33 городы ... Да Василей же Бражник взял 50 городов..." (6, с. 137-138; 434-436). В плен попали 58 местных князьков.

Здесь, вероятно, речь идет не только о городах, но и о "городках", как их иногда называли русские источники. Это крепости, укрепленные рвами, валами и деревянными палисадами или каменными стенами. Аборигенные народы Сибири для их сооружения выбирали труднодоступные места: речные мысы, острова или сопки. Эти хорошо укрепленные крепости являлись административными центрами местного населения и убежищами на случай военной опасности. Некоторые из них были очагами местного ремесла и экономической жизни.

Следующие по времени сведения о сибирских городах относятся к началу XVI в. и происходят они из "русского дорожника", который использовал австрийский посол барон С.Герберштейн, включив его в свою книгу "Записки о Московии". Герберштейн был в Москве дважды в 1517 и 1526 гг., а книга его вышла в свет в Вене в 1549 г.

Этот автор приводит русское определение понятия "город": "городом они называют все, что окружено стеной, снабжено укреплениями или огорожено каким-либо другим способом" (7, с. 71).

Герберштейн перевел и включил в свои "Записки" уникальный русский указатель пути из Москвы в северные поморские земли и на р. Печору, дальше — к "самояди" на "Земной или Каменный пояс", как тогда назывались Уральские горы, и на р. Обь. Название "Сибирь" в указателе не упоминается и поэтому он, возможно, восходит к XIV в. Но в других разделах книги сам Герберштейн четырежды упоминает "область Сибирь", в которой "берет начало р. Яик" (то есть р. Урал). По данным автора, кроме "области Сибирь", где правил ногайский князь Шихмамай, имелось еще "царство Тюмень, государь которого татарин и на их языке называется тюменским царем" (8, с. 128, 162, 163, 179). Вероятно, область Сибирь в начале XVI в. русские называли только Южный Урал, а не всю территорию будущего Сибирского царства.

О Сибири в современном смысле этого слова в "Дорожнике" сказано следующее: "Восхождение на гору Камень занимает три дня; спустившись с нее, доберешься до реки Артавиша, оттуда к реке Сибут, от нее в крепости Ляпин, от Ляпина — до реки Сосьвы. Живущие по этой реке зовутся вогуличи. Оставив Сосьву справа, доберешься до реки Оби, которая берет начало из Китайского озера. Через эту реку, они едва переправились за целый день, да и то при быстрой езде: она столь широка, что тянется почти на 80 верст. По ней также живут народы вогуличи и югричи. Если подняться от Обской крепости по реке Оби к устью реки Иртыша, в которую впадает Сосьва, то это займет три месяца пути. В этих местах находятся две крепости: Ером и Тюмень, которыми владеют господа князья югорские, платящие, как говорят, дань великому князю /московскому/. Там водится великое множество зверей и добывается огромное количество мехов.

От устья реки Иртыша до крепости Грустина два месяца пути: отсюда до Китайского озера по реке Оби, которая, как я сказал, берет свое начало из этого озера, более трех месяцев пути. От этого озера в весьма большом количестве приходят черные люди, не владеющие общепонятной речью, и приносят с собой разнообразные товары, которые покупают народы грустинцы и серпоновцы. Эти последние получили имя от крепости Серпонов в Лукоморье, лежащем на горах за рекой Обью. Рассказывают, что с людьми из Лукоморья

происходят удивительные и невероятные и весьма похожие на басню (юпи): именно говорят, будто каждый год и точно 27 ноября, в день, посвященный у русских святому Георгию, они умирают, а на следующую весну /чаще всего к/ 24 апреля, оживают наподобие лягушек снова. Народы грустинцы и серпоновцы ведут с ними необыкновенную и невиданную нигде более торговлю.

Когда наступает время, установленное для их умирания или заморзания, они складывают товары на определенном месте; грустинцы и серпоновцы уносят их, оставив меж тем свои товары по справедливому обмену. Если те, снова возвратясь к жизни, увидят, что их товары унесены по слишком несправедливой цене, то /требуют их назад. От этого/ между ними возникают частые раздоры и войны.

Спускаясь по левой стороне от реки Оби, живет народ каламы, который переселился туда из Обионы и Погозы. В низовьях Оби до Золотой старухи, где Обь впадает в океан находятся реки: Сосва, Иррезва и Надым, которые все берут начало с горы Камень большого Пояса и примыкающих к ней скал. Все народы, обитающие от этих рек до Золотой старухи, считаются данниками государя московского. Золотая Баба, т.е. Золотая старуха — это идол, стоящий при устье Оби в области Обдора, на том берегу. По берегам Оби и по последним рекам расположено повсюду много крепостей, правители которых, как говорят, все подчинены государю московскому. Рассказывают, а выражаясь вернее, баснословят, будто идол Золотой старухи — это статуя в виде старухи, держащей на коленях сына, и там уже снова виден еще ребенок, про которого говорят, что это ее внук. Более того, будто бы она поставила там некие инструменты, издающие постоянный звук вроде труб. Если это и так, то я полагаю, что это происходит от сильно и постоянно дующего на эти инструменты ветра.

Река Коссин вытекает из Лукоморских гор, при ее устье находится крепость Коссин, которой некогда владел князь Венца, а ныне его сыновья".

Заключая, Герберштейн писал: "Все, что я сообщил доселе доположно переведено мной из доставленного мне русского дорожника. Хотя в нем, кажется, и есть кое-что фантастическое и едва вероятное, как, например, сведения о людях немых, умирающих и оживающих, о Золотой Старухе, о людях чудовищного вида и рыбе с человеческим образом, и хотя я сам также старательно расспрашивал об этом и не мог узнать ничего наверняка от какого-нибудь такого

человека; который бы видел все это собственными глазами /впрочем всеобщая молва утверждает, что это действительно так/, все же мне не хотелось ничего опускать, предоставляя другим больше свободы в толковании сих вещей. /Поэтому я воспроизвел и те же названия местностей, какие существуют у русских"/. (6; 8, с. 157-160).

Данные "Русского дорожника" довольно точно (если отвлечься от некоторых легендарных представлений, например, происхождения р. Оби из "Китайского озера") передают картину того же меридионального торгового пути, связывающего по р. Оби самоедско-угорский север с далеким югом. Перекличка здесь с предшествовавшим русским дорожником "О человеках неизвестных на Восточной стране..." довольно полная. Только вместо одного "Великого города", бывшего крупным посредническим центром международной торговли того времени, в Южной Сибири называются два - Грустина и Серпонов.

Итак, согласно "Русскому дорожнику", на севере от Сосвы до устья Иртыша, по восточному склону Урала и на Оби расположена Угорская земля с многочисленными "городами". Среди них источник выделяет крепости и города Ляпин, Коссин, Обскую, Ером и Тюмень. Эти города обозначены на карте, приложенной к книге С.Герберштейна. Карту эту, в числе других, подробно исследовал академик Б.А.Рыбаков в его труде "Русские карты Московии" (9, с.83). В Угорской земле, как отмечается в "Дорожнике", водится множество зверей и добывается огромное количество мехов. Севернее ее живут "каламы" и обдорцы, в земле которых "у устьев Оби" стоит загадочный "идол" северосибирских народностей того времени "Золотая Старуха или Баба". "Идол", в виде женской фигуры с копьем, также нарисован на карте в книге Герберштейна.

Река Обь, ширина которой, как свидетельствует источник, "тянется почти на восемьдесят верст", по тогдашним представлениям сама была подобна морскому заливу. Такую широкую, от истоков до устьев, изображали ее на картах и иностранные географы. Поэтому "Лукоморье", по тогдашним представлениям русских людей, располагалось не по берегу Ледовитого океана, а много южнее - на правом берегу Оби. А Лукоморские горы - это широтно расположенная возвышенность, называемая ныне Сибирские увалы. Именно с нее берет начало правый приток Оби река Казым (Касум по-мансийски) (10, лл. 59-60), которая у Герберштейна названа Кассима. При устье Казыма, напротив Березова стояла крепость Казым (Коссин).

Серпонов на карте Герберштейна отсутствует, но по описанию "крепость Серпонов (находится. — Д.К.) в Лукоморье, лежащем на горах за рекой Обью", т.е. где-то в Сибирских увалах, а не в приокеанской тундре. Грустина же обозначена на карте в самых верховьях р. Оби, на правом ее берегу. По краю карты написано: "Область Кумбалык в Китае", а по большому озеру, откуда вытекает Обь, сделана надпись (по-латыни): "Китайское озеро" (9, с.93).

Купцы из Грустины и Серпонова вели торговлю с темноликими чужеземцами, "не владеющими общепонятной речью", приезжавшими к устьям Оби со стороны далекого и загадочного Китайского озера. Можно вполне согласиться с предположением Б.А.Рыбакова, который пишет: "Самоцветы, жемчуг и темный цвет кожи пришельцев наводят на мысль об индийских купцах, которые могли интересоваться северной пушниной и мамонтовой костью" (6, с.419, прим.8; с. 420, 518, 519; 9, с.79; II, с. 46 и 92-95).

Проникая на север, в Лукоморье, купцы из Грустины и Серпонова вели с северными самоедами торговлю, как указывает дорожник "известным в других странах способом". Это был натуральный обмен товарами, ввиду отсутствия у северян товарно-денежных отношений. Как мы уже видели по более ранним памятникам ("О человеках обитающих на Восточной стране" и по рассказу Гюраты Роговича), такой обмен с северянами был здесь обычным и древним явлением.

Нельзя не вспомнить в этой связи более раннее свидетельство хорезмийского ученого конца X — начала XI в. ал-Бируни о торговле полжско-булгарских купцов с теми же народностями Обского северя: "Способ торговли народа Юры заключается в том, что они оставляют свои товары на границе своей страны и удаляются от них по причине их дикости и страха перед другими людьми" (12, с.210).

Города Грустина и Серпонов пока остаются загадочными. Необходимо исследовать их названия, привлекая языки разных народов и прежде всего самодийских, угорских и тюркских.

По догадке некоторых авторов грустинцы это гаустинцы (юстинцы или еуштинцы), которых путешественник Ф.И.Страленберг нашел в начале XVIII в. живущими около Томска и по р. Чулыму. Это была тюркоязычная этническая группа. Вот что писал, например, А.Х.Лерберг: "Мнение наше, что сии Еуштинцы или Гаустинцы суть Грустинцы, подтверждается тем, что мы здесь находимся в такой области, которая некогда не токмо в Сибири, но и у южных азиатцев была в великой славе, по хорошему состоянию жителей оная" (13, с.109).

Вероятно, правильно расшифровывали топоним Кумбалык, как Каанбалык (столица великого каана Хубилая, построенная на месте современного Пекина) (6, с. 85 и 420). Карта Герберштейна ошибочно указывала, что Каанбалык расположен близко к истокам р. Оби, выходящим из мифического Китайского озера.

После публикации этой карты в 1549 г. вышеупомянутые города изображались на многих иностранных картах до самого конца XVII в. Так, на карте Г.Меркатора (1595 г.) обозначены города Грустин и Серпонов. Грустин показан на берегу озера в верхнем течении Оби. На карте И.Гондиуса (1606 г.) на Оби помечены города Серпонов, Грустина и, выше его, Камбалык. У Кантелли (1683 г.) по берегам озер и рек Сибири воспроизведены многие города. На карте Г.Сансона (1688 г.) Серпонов показан на Средней Оби, а Грустина обозначена близ устья Томи; у Н.Витзена (1687 г.) Грустина — на правой стороне Катунь близ устья (14).

Судя по всем данным, большая торговая фактория Грустина (она же "Великий город" в сказании "О человецех незнаемых...") находилась или в самых верховьях р. Оби, при слиянии Катунь и Бии (р. Бия, как известно, вытекает из Телецкого озера) или на р. Чулыме к востоку от устьев Томи. В XIV—XVI вв. Грустина и Серпонов являлись крупными торговыми форпостами южносибирских тюркоязычных народов и играли выдающуюся роль в действующем меридиональном торговом пути, связывавшем охотников и оленеводов нижнеобского севера с далекими цивилизациями Индии, Средней Азии и Восточного Туркестана.

Любопытно, что о тех же двух торговых городах, расположенных на р. Оби, рассказывал в 1618 г. первому русскому послу в Китай Ивану Петлину "браткой татарин Куштак": "есть де река Каратал, велика ... А та де река Каратал впала в ту Обь, великую ... А от Каратала де по той реке стоят два города каменные, да деревни брацкие земли жылыя, а на низ пошли улусы кочевные брацкие ж. А из-за той де великие реки приездают к нам манцы (иноязычные люди. — Л.К.) со всяким товаром, меняют де с нами и саяны на оленьи кожи и на лосины и на соболи и на бобры, а нам де дают противо камки и бархаты и тафты и зендени черные, да и назад де за ту реку поедут. Да слышал де я у своих людей у брацких: бежало ж судно велико снизу, а на том де судне высоко невесть што бело (паруса? — Л.К.); да набежало де на песок, так де ево и розбило; и мы де такова судна велика и хороша на той

люди не видели и не слыхали, а того де мы не ведаем, куды то судно шло, — в Китай или в-нную землю..." (15, с.86).

Хотя остается неясным, который из больших притоков Оби имелся в то время Караталом (16) и почему Иван Петлин назвал бретоками селения тюркоязычных (в то время бурятских?) кыштымов на р. Оби, все же это сообщение свидетельствует почти о столетнем периоде существования в Южной Сибири крупных торговых городов Грустины и Серпонова. Вместе с тем оно подтверждает факт существования многовековой глубоко традиционной международной торговли северных народов с южными странами по одному и тому же обоюму меридиану. Нет сомнения, что эта торговля приводила к двухстороннему культурному обмену и взаимовлиянию, обогащая жителей Северной Азии духовно, идейно и материально.

Но еще большие торговые и культурные взаимоотношения развились у Сибири с Восточной Европой, то есть в широтном направлении. Первое сообщение об истоках реки Оби относится уже к концу XV в.: "Обь — великая река, идет из Китайские земли из озера Болыинники" (17, с.49, прим.51). На XV и на первую половину XVI в. приходится особенно интенсивное развитие русско-сибирской торговли. Ценна в этом отношении одна из царских грамот конца XVI в., в которой сказано следующее: "преж сего (подчеркнуто мною — Д.К.) приходили во все сибирские города с Руси многие торговные люди пермичи и вятчане и вымичи и пустозерцы и устюжане и усольцы и важане и каргопольцы и вологжане и о всех московских городов торговные люди со всякими товары и торговали во всей Сибирской земле, езда по городком и по волостям и по юртом и по лесом с татари и с остяки и с вогуличи и с самоедьи" (18, л. 103 оборот; Бояршинова, с.148).

Этот документ определенно подтверждает существование широчайших торговых путей и связей Руси с Сибирью, сложившихся задолго до завоевания последней. Поражает географический размах торговли, которая охватила не только почти все северо-русские города, вплоть до московских, но и все этнические группы коренного сибирского населения, все собственно сибирские города, крепости и оседлые поселения.

В ту бурную эпоху, наполненную постоянными военными стычками, практически все этнические группы сибирского населения (за исключением, может быть, жителей восточносибирской тайги) имели укрепленные города и крепости.

Еще в "Книге Большому Чертежу", основывавшейся в основном на источниках середины XVI в., говорится, что от устья р. Оби вверх идут "Обдорские города", а выше их - "Югорские", а выше Югорских городов - "Сибирь". "И те города по Сысьве и по Сосве - Югра". На "Большом Чертеже" только на северо-западе Сибири было показано более 90 городов, принадлежавших местным народам (19, с. 158-168). В XVI в. был основан мансийский город Чимген.

Учитывая большую сеть оседлых поселений и городов Западной Сибири того времени, а также предшествующую историю международной торговли ее населения, начиная, как выше было показано, с XI века, можно утверждать, что в Сибири к XVI в. издавна сложились устойчивые внутренние экономические связи. Территориальные связи осуществлялись благодаря несомненной стародавней сети внутренних торговых путей, соединявших между собой заинтересованные в товарном обмене различные государственные этнические сообщества или "княжества", как их характеризуют русские документы XII-XV вв. Устойчивость экономических связей сибирского региона использовалась пришлым торговым людом, устремлявшимся туда, чтобы поживиться драгоценной пушниной. Мы уже видели, что это было купечество Южной Сибири, Средней Азии и далекого юга, вплоть до Ирана, Индии и арабского халифата, а также торговые люди Русского государства. Таким образом, меридиональный торговый путь перекреплялся в Западной Сибири с широтным.

Нет сомнения, что развитие внутренней и международной торговли у сибирских народов способствовало возникновению и укреплению у них товарно-денежных отношений, становлению общесибирского рынка и развитию хозяйственной жизни коренного населения. Все это стимулировало возникновение и развитие в Сибири в XII-XVI вв. торговых и ремесленных городов, а также строительство опорных и охранных крепостей и факторий местного населения на старых торговых путях.

ж ж ж

Русские люди не сомневались, что древние города существовали в Сибири задолго до появления татар Сибирского юрта. По их представлениям, возникшим еще в XV-XVI вв., первоначальным населением древней Сибири являлся мифический высокоразвитый народ "чудь". Эта чужь, якобы, погибла, унеся с собой все культурное наследие древних сибиряков, в том числе и бывшую городскую куль-

туру. Легенда о гибели чудского народа сложилась уже к ХУП в. и в ранних русских сибирских летописях утверждалось вполне определенно: "А как сибирския гради имени нарицалися, и се неведамо и ни от кого же неиспытано, понеже бо прежде живяше по всей Сибирской земле чюдъ, посему и писания несть" (20, с. 32 и 38). В тех же летописях сказано: "А о начале Сибирского царства, откуда почеся и како, не веом, понеже живяху чюдъ" (20, с.178).

Судя по археологическим данным, первое тюркоязычное население в Западной Сибири появилось задолго до монгольского нашествия - в Барабинской степи в IX-X вв., на Ишиме и Тоболе в X-XII вв. (21). Вероятно, тюркоязычные предки сибирских татар тогда же обосновались на р. Туре (37, с.291). Там они жили оседло и за это были прозваны соседями "туралыг" или туралинцами, то есть городскими (оседлыми) жителями (тура (тюрк.) - город, срубный дом). Туралинцы умели строить города и, очевидно, поэтому уже к XIII в. их реку прозвали Турой. В долине ее издревле стояли города Епанчин и Чинги-Тура (22, с. 218-220).

История вхождения Западной Сибири в сменявшие друг друга различные феодальные владения, возникавшие на бывшей территории улуса Джучихана до и после смерти его сына Батухана, еще в достаточной степени не исследована (23). Известно, что в XIII - первой половине XIV в. Южное Зауралье и часть Западной Сибири (область Ибир-Сибир) по указу монгольских ханов входили во владения потомков Туга Тимура, сына Джучихана.

В конце XIV в. сложилось государство Сибирский юрт со столицей в городе Чимги-Тура (рус. Чингиден) на р. Туре. Это государство являлось владением Шейбанидов (Шибанидов) - потомков Шибана, пятого сына Джучихана. Его расцвет относится к XV в. Уездными городами являлись: Кызыл-Тура (при впадении Ишима в Иртыш), и Жанги-Тура. (Столица юрта Чимги-Тура была переименована позднее в г. Тюмень). Русские люди называли Сибирский юрт Шейбанидов (ок. 1448 - ок. 1505 г.) Тюменским ханством. В городах его чеканилась собственная монета.

В 1495 г. в южной части Сибирского юрта возникло государство Тайбутидов (1495 - ок. 1563 г.) с центром в Кызыл-Туре. Это была федерация сибирских татар и угорских князей. Хан Мамет "разрушил Чингиден" и вскоре перенес столицу в бывшую угорскую крепость Сибирь (по-татарски Кашлык или Искер). Мамет захватил земли всего Тюменского ханства (24, с.153). Однако, на юге в Сред-

ней Азии оставались узбекские Шейбаниды, отколовшиеся в 1446 г. от сибирских и ушедшие из Чимги-Туры в город Сыгнак на р. Сыр-Дарье (25). Временами они вспоминали свою сибирскую родину и совершали туда набеги за данью и пушниной.

В середине XVI в. узбекские Шейбаниды захватили Сибирский юрт (1563-1582 гг.) и поставили там правителем хана Кучума (последний сибирский хан). Шейбаниды теперь расценивали эту землю как северную окраину своих владений. Столицей Юрта оставался по-прежнему город Искер или Кашлык (бывший г. Сибирь), только он был перестроен по образцу среднеазиатских городов. Сибирское ханство представляло собою феодальную конфедерацию. Оно состояло из трех татарских улусов: Ишимского, Барабинского и Джалаирского, а также угорских: Кодского княжества хантов и Пелымского княжества манси. Кодское княжество к началу XVII в. развилось до феодального владения князей Алачевых (23; 26).

Таковым было политическое положение, сложившееся в Западной Сибири перед походом Ермака.

Многие данные о сибирских городах и крепостях содержатся в исторических источниках и трудах, посвященных русскому завоеванию Сибири.

Рассмотрим сведения о татарских городах. В период своего молниеносного похода, начиная с 1 сентября 1582 г., Ермак встретил первое сопротивление от татар, живущих "в малых крепостях по реке Туре", а 26 октября он уже взял столицу ханства г. Искер. В настоящее время установлено, что в XIII-XIV вв., то есть в золотоордынский период, из самых больших городов в Сибири существовали Чимги-Тура (Тюмень), Кызыл-Тура, Жанги-Тура, Сибирь или Искер, и Тон-Тура на р. Оми в Барабинской степи. В двух последних, при археологических раскопках, выявлены мощные культурные слои (до 2 м в толщину) и разнообразные находки золотоордынского времени (27, с.128). Города эти, значительно удаленные от современных им центров развитого градостроительства имели фундаментальные постройки, возведенные квалифицированными архитекторами. Об этом можно судить по наблюдению академика И.П.Фалька, обследовавшего городище, находившееся на Иртыше, в 20 верстах ниже устья Ишима, и видевшего здесь "развалины обрушившейся мечетной башни и большого каменного дома". Подобные остатки каменных строений неоднократно отмечались путешественниками на различных сибирских городищах (27, с.128; 28, с. 395-396). И.П.Фальк

обнаружил "каменные строения" и на городище Тон-Тура (28, с.432).

Итак, ко времени похода Ермака татарские города в Сибири имели уже более чем 200-летнюю историю. К настоящему времени археологически исследовано свыше 20 поселений Сибирского юрта, среди которых 6 крупных городов: Искер, Тон-Тура, Кучум-Гора, городища Ананьевское, I Никольское, Голая Сопка (23, с. 8-12; 29; 37). На ряде городищ расчищены не только деревянные срубные жилища, стены и башни, но и полуземлянки с глинобитными печами. Открыты также каменные и кирпичные здания с окнами из слюды. На берегу Уя, левого притока Тобола обнаружена лестница с кирпичными ступенями к воде. На городище Искер (Кашлык) выявлен, как упоминалось, мощный двухметровый культурный слой с остатками фундаментальных построек. Археологи нашли там много земледельческих орудий: железных сошников от плугов (типа татарского сабана), серпов, кос-горбуш и каменных ручных жерновов (29; 30). Сообщалось, что в 1598 г. Кучум переехал с Кулунды на берега Оби, "где у него хлеб сеен" (34, с.154). На Искере в цитадели на бугре, где находились дворцы ханов, обнаружены были остатки импортных предметов (в том числе китайского фарфора, стеклянных сосудов) и серебряные монеты с арабскими надписями. Было много находок, свидетельствующих о том, что "... Искер не был лишь военной крепостью, что он включает и непосредственно прилегающее к нему поселение, что это был город, в котором была развита торговая жизнь" (30).

Отметим, что земледелием и скотоводством занималось не только оседлое татарское население, но и отдельные группы мансеев (вогулы Епанчинского юрта, табаринские вогулы на р. Тавде и др.). В конце XVI и начале XVII в. верхотурские и косьвенские манси держали коней и коров, и имели собственные сенные покосы. Табаринские "вогуличи" разводили лошадей, на которых пахали пашни. Да и позже в 1628-1629 гг. в Табарах 70 человек из народа мансеев сидели на пашне (34, с. 88, 98, 99). По данным сибирских летописей, Ермак в восьмидесятих годах XVI в. собирал хлеб в счет ясака с угорского населения, живущего по р. Тавде. Пожалуй, самое северное дорусское земледелие в Сибири обнаружил в 1582 г. сподвижник Ермака атаман Брызга, наткнувшись на "татарские пашни" в 50 верстах севернее устья Тобола, то есть на уровне 59 параллели (26, с. 45, 101 и 215; 29, с.344). Все это свидетельствует против расхожего представления о первобытности, безкультуре и бродячем образе жизни коренного населения Западной Сибири в дорусскую эпоху.

В городах Сибирского юрта преобладали деревянные строения, как, впрочем, и в большинстве городов стран Восточной и Северной Европы того времени (XIV-XVI вв.). Всюду, где леса в те времена еще не были вырублены, города были в основном деревянными. Поэтому русские люди в XII-XVII вв., описывая в своих документах "сибирские города" или "городки", воспринимали их такими же, как и города на Руси.

Но из-за давнего проживания в них выходцев из Средней Азии и господства исламской религии, города Сибирского юрта приобрели большое сходство с городами Востока. Их украшали сводчатые каменные или кирпичные мечети, минареты и мавзолеи мусульманских святых (турбе и мазары). Мавзолеи в Искере, например, строились и из сырцовых кирпичей. Они имели округлые своды, подобно среднеазиатским гумбезам. Особенно знаменит был мавзолей шейха Айкани. Миллер сообщал о склепах из обожженного кирпича. В Сибирско-татарских источниках упоминаются 39 наиболее священных мазаров. Чаще всего они сооружались из дерева и представляли собою ограду из бревен с невысокой башенкой (23, с.10). Ханским кладбищем было Саусканское на правом берегу Иртыша. От бревенчатых срубных городских стен, башен, мостов и жилищ после многочисленных разрушений и пожаров почти ничего не осталось. Поэтому мы, вероятно, никогда не узнаем общего числа таких, а особенно небольших, татарских городов. Русские источники упоминают только те города Сибирского юрта, с которыми пришлось иметь дело казакам - завоевателям на берегах больших рек. Никакого полного описания городов сибирских аборигенов никто и не подумал составить. Известно, однако, что в "глубинке" и по окраинным пограничным местам даже скотоводы строили для себя своеобразные деревянные города с жилыми стенами. В начале 1601 г. об одном из таких городов сказано: "а поставлены де у них избы рублены в стену кругом, по сме-те де изб с полчетверта-десять; да у них же де, господине, обдернуто около изб телегами кочевными большими для крепости от приходов" (31, с.167).

О подобном временном городке царевича Алея написано в грамоте царя Федора Ивановича от 1595 г.: "Алей де собрал Оялымские волости татар 150 человек и отвел их вверх по Иртышу на Черной остров, и тут деи они на Черном острову поставили городок, и в том городке зимуют" (32, с.367).

В документах сообщается, что хан Кучум, укрепляя свое государство, строил старые и возводил новые крепости и "городки". Известны сибирско-татарские города: Сузгун-Тура, Бирик-Тура, Явлу-Тура, Кизил-Тура, Кысым-Тура, Тунус, Чуваш, Карачин, Ташаткан, Абалак; "город Кучумова брата", Зубар-Тура, "город опасный есаула Алышай, город мурзы Чангулы, Тархан-Калга (Тарханский город), Цытырлы, Ялым, Акцибар-Кале, старинный город Чубар-Тура на р. Нице (в 1624 г. — уже "Чубарово городище") и др. Упомянуты в документах "городки": Аттика, Атый мурзы, "княжев городок", "заставной город на холме Ятман", Махметкулов городок, Киныр-городок в верховьях р. Туры, Ленский (Иленский?), Черноярский, Катаргулов, Малый город, "крепкий татарский городок" на р. Аримзянке, взятый с боя казаками Ермака (33, с.166; см. 31; 32), Обухов городок (31, с.511), Черный городок и др. Мощной крепостью на степном рубеже "от калмык" служил "опасной крайней кучумовский город Куллары". О нем сказано весьма определенно: "во всем верх Иртыше крепче его нет" (26; 29; 33, с. 113, 188, 198, 199, 217). В последнем убедился сам Ермак, казаки которого пять дней безуспешно штурмовали Куллары. Понеся большие потери, Ермак был принужден отступить и уйти (33, с.200).

Нельзя не отметить, что уже к концу XVI — началу XVII в. ряд старых городов был заброшен: "Царево городище" на Тоболе, Бегешево городище, городище Тебенди, упоминавшееся выше Чубарово городище и др.

Прочие татарские города и крепости XV–XVI вв. историкам еще предстоит выявить по всем видам источников и обстоятельно изучить. Несомненно, это достойная тема специального исследования.

ж ж ж

Как упоминалось ранее, другими членами конфедерации, составлявшей Сибирский юрт, являлись: "Пелымское государство" манси и "Кодское княжество" хантов. Последнее в конце XVI в. стало феодальным владением хантских князей Алачевых, признавших себя вассалами Великого князя Московского.

Выше показано, что угры уже в XII в. имели собственные города. По данным русского указателя XIV — начала XV в., опубликованного С.Герберштейном, по восточному склону Урала и на Оби располагалась Югорская земля с многочисленными городами, "которыми владеют господа князья югорские, платящие, как говорят,

дань Великому князю (московскому)". Названы города Ляпин, Ером, Тюмень, крепость Коссин, а также "по берегам Оби и по соседним рекам расположено повсюду много крепостей" (8, с.160).

В первой половине 1557 г. Иван IV приказал произвести сбор дани в Югорской земле. В его грамоте указано, что югорские князья должны провозить русских сборщиков дани "от городка до городка и от людей до людей и берегчи наших данщиков во всем по ряду, как преж сего" (32, с.331). Из документа видно, что русским удалось собирать дань здесь и прежде, и, конечно, они были знакомы с югорскими городками и их численностью.

Источники, повествующие об остяцких и вогульских княжествах XVI-XVII вв. были изучены С.В.Бахрушиным. Этот ученый пришел к выводу, что "распад родового строя у хантов начался, по-видимому, еще до присоединения к России. Уже в XV в. они разбивались на небольшие племенные княжества, возглавлявшиеся "князьцами"". Но "первые признаки примитивного феодального строя" Бахрушин находит у "югорских" хантов еще в XII в., когда под 1193 г. упоминается "князь югорский" (34, с. 103, 104, 110, 112). Уже в XV в. население и войско обских угров были разделены на территориальные воинские единицы - десятки, сотни, тысячи, возглавляемые десятскими, сотниками и тысячниками (17, с.47). Высшее положение в старинном угорском обществе занимали князья, достоинство которых было наследственно и недоступно для людей из простого звания. В источниках нет указаний на деление обских угров на роды, нет и названий родов.

Не случайно в русских летописях княжества хантов и мансеев названы "государствами": "Кодское государство хантов" и "Пельмское государство" мансеев. Верховных князей именно этих мощных объединений источники также не случайно именуют "Великими князьями" - русские авторы приравнивали их по значению и могуществу к Великому князю московскому. Во второй половине XV в. Кодой управлял Великий князь Молдан, который заключил в 1485 г. мирный договор с русскими, а в середине XVI в. Великим князем кодским был Певгей (22, с. 201-203). В Пельме Великими князьями были Асыка и его сын Юшан (вторая половина XV в.). Иерархия княжеской власти и отмеченная военно-административная территориальная структура коренного населения Западной Сибири опровергают утверждения о его, якобы, родо-племенной организации. Таким образом, вполне можно говорить об установившихся феодальных отношениях у

сибирских народностей ко времени завоевательных походов Ермака.

Об этом свидетельствуют данные русских источников XV–XVII вв. (34, с. 100–102). Выявленное этнографами членение обских утров на территориальные группы Пор и Мось отражает, очевидно, именно их военно-административное устройство. Оно подобно правому и левому крылу обычного построения населения и войска у тюрко-монгольских народов в эпоху средневековья. Военно-административная организация того же типа была характерна не только для монголо-татар XIII–XIV вв., но и для Казанского ханства и подвластных ему народов Поволжья (мари, чувашей) и для Сибирского юрта во время правления Кучума. Все это были несомненные феодальные государства.

В "Сибирском летописном своде" содержится специальная статья "О поведении в Сибири вниз Иртыша реки и Оби остяцких городков". Говорится, что Ермак "повсеваху же многие городки и улусы по Иртышу и по великой Оби рекам, и остяцкой Нарымской городок взяша со князем их и с великим богатством. И возвратишася во град Сибирь с радостью и с великою корыстью и богатством" (35, с. 362–363). По данным документа Посольского приказа, сразу после завоевания части территории Западной Сибири в конце 80-х годов XVI в., русский царь "ясаку положил на Сибирское царство и на Конду большую и на Конду на меньшую, и на Пелымское государство, и на Туру-реку, и на Иртыш и на Иргизское государство, и на Пегие Колмаки и на Обь Великую и на все городки на обские, на девяносто на четыре города – с году на год иматъ по пяти тысяч сорок соболей, по десяти тысяч черных лисиц, да и по пяти сот тысяч белки большие сибирские и летские" (33, с. 207–208).

Помимо важного сообщения о 94 обских городах, в этом документе большой интерес представляет тот факт, что русские дипломаты называют остяцкие Пелымское и Иргизское княжества "государствами". Следует иметь в виду, что здесь не упомянуты те сибирские города, которые находились на землях по нижнему течению Иртыша и Оби, как уже обложенные государевой данью еще до 1586 г. (33, с. 208). Рассмотрим данные о собственно хантйских городах. По данным источников, С.В.Бахрушин называет в Обдорском княжестве, расположенном у впадения Оби в океан, столичный город Пулно-ват-Ваш (Носовой), на месте которого русские поставили впоследствии свой Обдорский городок. Крупное значение, как место ежегодной оживленной ярмарки, имел город Войкар (Ночной), куда "по

первому зимнему пути березовская и пустозерская самоядь к ясачным остякам приезжают" торговать (34, с. 94 и 133). Это была крепость — "фактория" 90 саженой окружностью, защищенная валом пяти-саженной высоты. Кроме того, упоминаются города Уркар (Белый) и Каменный.

В Ляпинском хантском княжестве, размещавшемся на реках Сыгве (Ляпиной), Сосьве и на правом притоке Оби р. Куновате, документами названы 6 городков: Куноват (Кун-аут-ваш), Илчма, Ляпин (Лопынг-уш), Мунком (Мункес), Кил (Сек-телек-уш), Сутмут-вош (Березовый город) (32, с. 344).

В Кодском хантском княжестве (Великий князь которого Алач в конце XVI в. пользовался большим влиянием: "той бо бе во всех городах славен") (34, с. 115), насчитывалось 13 "городков" и каждый из них имел свою тамгу. У трех городов были тамги с изображением птиц, у других — оленя, стрелы и прочее (33, с. 171). Названия городков следующие: Кодский, Наргакор, Низанский, Кармыш-Юган, Шоркар, Килдясан, Чемашев, Нарыкор, Вежакор, Вонжакор, Карымкар, Большой Атлым, Малый Атлым (34, с. 116, 131).

К характеристике Кодского городка, который служил, наряду с Шоркаром, столичной резиденцией хантских князей Алачевых, необходимо добавить, что это был большой город. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что в 1600 г., приняв христианство, князья построили в городе храм Живоначальной Троицы с пределом Николая Чудотворца и вторую церковь, во имя соловецких угодников. В первой из церквей не только совершались богослужения, но и хранилось княжеское оружие (40 панцирей, 4 лука бухарских и 5 панцирных стрел), а также другие ценные вещи.

То были, например, "сосуды служебные серебряные", евангелия и кресты "под окладом с жемчуги и с камнем", целая библиотека церковных служебных книг (34, с. 95, 128). В Кодском городке находилась и княжеская сокровищница — амбар с казной Алачевых. Казна состояла не только из денег, но и из ценной пушнины, а также — серебряной посуды, пожалованной в свое время русским царем Федором и другими (800 сосудов серебряных позолоченных, 2 стопы, 6 чаш и т.п.) (34, с. 127-128).

Такова была эта резиденция хантских феодалов, для которых Кода являлась "их родственной вотчиной". Став вассалами русского царя, кодские князья своими военными отрядами сослужили ему великую службу в покорении народов Сибири. Они участвовали в

завоевании Пелымского, Обдорского княжеств, и так называемой Пегой орды, ходили "в тунгусы", "на государевых изменников" эвенков на Енисей (1627–1630), ездили "по соль" на Ямыш-озеро, исправляли подводную повинность.

Важной обязанностью их было содействие и помощь русским в строительстве острогов. Они ставили Березов (1593), Сургут (1594), Томский город (1604), Маковский (1618) и Енисейский (1619) остроги и, может быть, Нарым (1598) и Катский острог (1605). Во время енисейского похода хантские воины делали кочи и мелкие суда, носили за волок государеву соболиную казну и выполняли другие поручения русских воевод.

Надо ли удивляться, что московское правительство всячески примечало кодыских князей и их воинов, поставив их на постоянный ежегодный оклад хлебного жалованья. Когда в 1643 г. царское правительство покончило с Кодью, оно вызвало в Москву последнего князя Дмитрия Алачева и пожаловало его званием московского дворянина с окладом и одарило его большими подарками. Вместо Коды он получил вотчину на Вычегде – "волость зовомуу Ляну, близ Ерэнского городка". Позднее он исполнял почетные службы при царском дворе, наравне с русскими вельможами.

Надо сказать, что правительство и позже покровительствовало потомкам хантских князей, признавая их претензии на высокое положение. Так, в 1767 г. Екатерина II потомков первого известного обдорского князя Василия (казнен в 1607 г.) Тайшинных возвела в дворянское звание, подтвердив все "дипломы", дарованные их предкам прежними государями (34, с. 130–135).

Не обижены были и мансийские князья. В 1624 г. потомки кондинских и пелымских князей жили в Пелымском городе и были приписаны к местным "детям боярским". Сын князя Андрея Пелымского Семен Андреевич с 1642 г. – пелымский сын боярский, с 1654 г. был поверстан в верхотурские "дети боярские" с довольно высоким окладом. Дети князей Степана и Якова были в конце XVII в. детьми боярскими на Верхотурье, а внуки их Иван и Василий – определены в сибирские дворяне и дослужились один до чина поручика, второй – до титулярного советника.

Даже в 1842 г., когда обрусевший праправнук кондинского князя Сатыги (начало XVIII в.), скромный учитель Туринского уездного училища Александр Иванович Сатыгин, вдруг вспомнил о звании своих мансийских предков и подал ходатайство об утверждении его в

княжеском звании, правительство признало требование это вполне законным и Сатыгин был возведен в княжеское достоинство! (34, с. 145, 148-151).

Такого не удостаивался, кажется, ни один из потомков князей и князьцов XVI-XVII вв. из числа всех других коренных народов завоеванной русскими Сибири. Это лишний раз подтверждает феодальный статус князей и княжеств обских угров в XVI-XVII вв. и многовековое уважение их русским царским двором.

Вернемся, однако к хантским дорусским городам. Казымское хантское княжество располагалось на правом одноименном притоке Оби, имело три города: Казым (при устье р. Казым), Кинчикор или Кальчикар (в 40 верстах от него) и Черикор. По данным Б.О.Долгих в 1642 г. в Казымском княжестве насчитывалось всего 10 городков (36, с. 76).

Религиозным центром хантов нижнего течения Оби являлось Сосьвенское хантское княжество, с многочисленными городами: Искар, Тапсн, Нячин, Заглей, Вороней, Холикара или Люликара (Ели-уш). Служители культа занимали в его государственной структуре первое место.

Небольшое Белогорское хантское княжество, у слияния Иртыша с Обью, так же славилось своими святилищами и оракулами; в его кумирнях веками копились сокровища, в частности панцири и оружие. "Белогорскому шайтану" был послан в дар панцирь, снятый с Ермака в августе 1585 г. Оплотом и центром княжества был город-крепость, который "выкопан на высоких горах" и представлял собою сильно укрепленную и почти недоступную твердыню. Известно, что девять князьцов, под началом белогорского князя Самара, упорно сражались с казаками под его стенами. После гибели князя, русские источники называли город не иначе, как Самароным городком. На развалинах хантской крепости вырос затем русский Самаров ям (34, с. 138-140).

Два других хантских княжества XVI в. были расположены в долине р. Демьянки, впадающей в Иртыш ниже устья Тобола. Одним правил князь Боян, подчинившийся Ермаку. Его город позже назывался "городок Демьян". Вторым княжеством управлял "большой сборный князец" Нимняян - по-русски тоже Демьян. Его город, по указанию летописи, был "велик и крепок" и казаки Ермака с трудом взяли его лишь после трехдневного непрерывного штурма. В том же, будущем Тобольском округе, находились еще два хантских города.

Нары и Назым. Назым был первым остяцким городом на пути Ермака и крепко запомнился его казакам. Вот что сказано в Синодике ермаковым казакам: "... воеваше по Иртышу и по великой Оби их нечестивые улусы и городки, татарские и остяцкие, до Назима воеваше, и Назым город остяцкой взяша со князком их и со многими их остяками поплениша и в плен поймаша" (33, с. 162, 165).

Несколько хантских княжеств существовало в дорусский период и на Средней Оби. В конце XVI в. в районе Сургута, при впадении в Обь Трем-Югана, находился городок, князем которого был Бардак. Власть его распространялась и на самоедов, живущих вверх по р. Пуру (33, с. 140-142). В Сургут же платили ясак ханты Муалымского городка, находившегося при устье Иртыша в 1610 г. (32, с. 432). Там же находился Гуланг-ваш (Восточный город) (32, с. 267).

В документах встречается упоминание еще об одном хантском городке-святилище на р. Раче, который был захвачен казаками (33, с. 169) и впоследствии назывался Рачево городище (34, с. 109).

Что касается мансийских городов, то прежде всего необходимо сказать о Пельмском "государстве", расположенном на реках Конде, Пелыме и нижнем течении Сосьвы и Табды. Оно образовалось под сильным татарским влиянием, использовало тюркоязычную титулатуру и имена князей и было известно русским с середины XV в. Пельмские князья, упоминающиеся в русских источниках как Великие князья, имели связи с кодским и югорским великокняжескими домами. Княжеской резиденцией служил город Пельм при слиянии Пелымы и Табды. У города располагались священная лиственница, на которую вешали шкуры пожертвованных духам лошадей, а также священный городок с кумирней, содержащей идолов, с амбарами и юртами, где хранилось священное оружие (копья, стрелы) и т.п.

Пельмское "государство" включало в себя также и княжество мансеев по р. Конде. Конда, с резиденцией князей в городке Картауж, располагала хранилищем ценностей. Вокруг, в труднодоступных болотных местах находились мансийские языческие святилища со складами многолетних приношений. Еще одной частью "государства" было княжество Табары, занимавшее земли на одноименном притоке р. Табды, с городом при устье р. Табары. На Тааде же находились мансийские города князей Лабуты и Кашуки, и город Чандырь. Все они были захвачены Ермаком (33, с. 185; 35, с. 88). Манси, обитавшие к югу по р. Лозве, имели свой город - Наром-кар.

Пелымское "государство" было разгромлено русскими в 1594 г. В 1622 г. в документах упоминается уже "Пелымское старое городище" (ЗГ, с.283).

Известные нам русские источники XVI-XVII вв. зафиксировали далеко не все города местного обско-угорского населения Западной Сибири. Упомянута в связи с политическими или фискальными событиями, лишь какая-то часть из них. Ведь цель подробного их описания (размеры, устройство, принципы сооружения, строительные материалы, планировка, назначение, население и т.п.) никем не преследовалась.

Из приведенных скудных данных можно заключить, что среди укрепленных населенных пунктов были как большие города, так и городки-крепости. Вероятно, они не очень отличались от привычных для русских людей восточноевропейских, деревянных в своей основе, городов и городков. По мнению С.В.Бахрушина городки обских угров, состоявшие из общественных и частных домостроений, были укреплены валами и палисадами (34, с.112; 22, с. 208-209). Располагались они на холмах и горах с естественными скатами склонов и обрывами. Нередко их окружали овраги и болота.

Иногда источник прямо утверждает: "город их велик и крепок" и возвышается на "крепости горы". Например, в городе князя Демьяна после взятия свободно разместилась вся рать Ермака и "весновала", ожидая пока Иртыш очистится ото льда. Впечатляет сообщение, что в так называемом Кодском городке оказалось место и потребность в строительстве не одной, а двух христианских церквей с приделами, и, соответственно, с приходами.

Запоминается и Войкарский город на Обдоре, где проводилась, как мы бы сейчас сказали, "международная" ежегодная ярмарка, куда "по первому зимнему пути березовская и пустозерская самоядь к ясачным осякам приезжают" (34, с.94). Ханты продавали ненцам сухую рыбу и жир рыбий, а также живых оленей, и в обмен получали от них пушнину, и вероятно, продукты морского промысла. Туда же заглядывали и русские торговые и служилые люди, проезжая через Обдорь по пути в Сибирь или обратно, и скупали там ценные меха, жир рыбий и другие товары за топоры, котлы, ткани, деньги и хлеб (34, с.94).

Обобщая скудные сообщения рукописных источников, можно сказать, что в жизни обских угров города выполняли следующие функции: 1. административных центров; 2. религиозных центров;

3. хранилищ государственных ценностей; 4. мест торговли и обмена; 5. военных центров и арсеналов оружия; 6. крепостей-убежищ для населения окружающих деревень; 7. центров ремесел (главным образом - изготовление оружия и защитного вооружения). В той или иной степени эти черты характерны для всех городов известных в древней и средневековой истории человечества. К сожалению, письменные источники настолько односторонни, что не дают возможности составить сколько-нибудь удовлетворительное представление о собственно обско-угорских городах. Следует надеяться, что дальнейшие изыскания и главным образом, специальные тематические археологические раскопки, помогут раскрыть более полную картину их прошлой жизни (37).

Очевидно, что каждая последующая пришлая культура активно стирает предшествующую. Такая же участь постигла культуру сибирских аборигенов. К этому следует прибавить, что в природе вообще мало мест благоприятных для поселений человека. На особом счету всегда были открытые, обдуваемые ветром, высокие, естественным образом укрепленные места, расположенные по речным долинам. Именно их избирало издревле коренное население Сибири для сооружения своих оборонительных крепостей и городов. Но здесь же ставили свои города и пришельцы.

Так, на месте удачно расположенных старых угорских крепостей Чингиден и Сибирь в конце XII и XIII вв. были сооружены татарские города Чимги-Тура и Кашлык (Искер). Затем, Чимги-Тура, переименованная на Тюмень была разрушена ханом Маметом, а в 1586 г. на ее руинах была отстроена русская Тюмень.

На месте захваченных хантских и мансийских городов, русские люди строили свои города и остроги. На развалинах Пулноват-ваша сооружен Обдорский городок; на месте Сутмут-ваша (Березовый город) - русский Березов; на Кун-аут-ваше - русский Куноват; вместо остяцкого старого города на р. Пельме - основан русский Пельм; Сургут (1593) поставлен на укрепленном хантском поселении; Верхотурье (1598) - на развалинах мансийского города Нером-кара; Туринск - на Епанчине городке и т.д. Так были стерты с лица земли многие древние города сибирских аборигенов.

ж ж ж

Присоединение Западной Сибири к России в XVI-XVII вв. привело к широкому и всестороннему знакомству русских людей с новой гро-

мадной и богатой страной, с ее разноплеменным населением, с разнообразием его жилищ, городков и городов, с ее древностями в виде многочисленных городищ, курганов, древних рудников и наскальных рисунков (писаниц).

В "Отписках" и "распросных речах" царские воеводы и "дети боярские", руководившие отрядами казаков и служилых людей, продвигавшимися все дальше по Сибири на восток к Тихому океану, сообщали о многих увиденных неожиданных древних и современных им архитектурных сооружениях. О них писали и первые царские посланники в Монголию и Китай, и ранние сибирские "летописцы" и картографы.

Сосчитать общее количество "городов" и "городков" — крепостей, существовавших в Сибири в XVI—XVII вв. еще никто не решился. Однако только в указателе географических названий, приложенном к первому тому "Истории Сибири" Г.Ф.Миллера их перечислено 88, а ко второму тому — 25 (3I; 32). Сотни городов и городков, как мы видели, имели нижнеобские и приуральские ханты и манси; но десятки их имели и другие народы: среднеобские селькупы; барабинские, томские, чатские (верхнеобские), чулымские татары; алтайские телеуты и телёсы, енисейские киргизы-хакасы, калмыки, буряты и др. В 1619 г. из Мангазеи был объясачен где-то на севере самоедский Орлов городок (3I, с. 25, 587).

Начав продвижение из Западной Сибири далее на восток, русские служивые люди были вполне уверены, что они встретят города и городки местного населения и в Восточной Сибири. Это, например, видно из наказа царя Бориса Федоровича от 1601 г. князю Василию Мосальскому и Савлуку Пушкину, отправлявшимся с войском из Березова через Мангазею на Енисей: "а у мангазейской и енисейской самоедди ... расспрашивать их накрепко, сколько у них в Мангазее и в Енисее городков и волостей, и сколько в котором городке коей волости людей ... и велети в Мангазее и в Енисее городки и волости и по рекам мангазейскую и енисейскую самоедь переписывать, хто именем в городках и в волостях и по рекам дутчих людей и в котором городке и волости сколько людей" (32, с.398).

Летописи сообщают, что в районе Енисейска в Марковом городище жили кеты-кузнецы (35, с.190). В царской грамоте 1602 г. говорится о селькупском городке, взятом казаками: "были де оне на нашей службе в Пегой орде, и городок взяли" (32, с.409). В ряде документов 1604—1605 гг., связанных с основанием города Томска,

рассказывается о "тех де городков кочевные волости" тюркоязычных чатов и телеутов, о городках томских татар и о том, что "Чюлымские и Киргисские, и Мелесские горотки и волости преже сего (до основания Томска — Д.К.) в Кунгопской острог государев ясак давали..." и что "Чюлымские горотки и волости подошли ближе ... к Томскому городу" по своему месторасположению, чем к Кецкому острогу (32, с. 412—414; 39, с. 78, II6). В документах, относящихся к 1616 г. — времени войны казаков в Южной Сибири,

упоминаются взятые русскими городки кузнецких татар-абинцев и киргизов-хакасов: "... кузнецких Абинской улус повозовали, городок у них взяли и князьков и лутчих людей взяли на драке живых"; томский казак Богдан Терской докладывал царю Михаилу Федоровичу: "... и я холоп твой в поход ходил, тебе государю служил, киргизских людей, и кызыльских, и бугасарских три городка высекли, жен и детей в полон поимали; и я, холоп твой, на том деле тебе государю служил, мужика убил, а другого живова взял" (32, с. 325, 442—444).

Кроме трех упомянутых городков у киргизов-хакасов был центральный Белый каменный город на р. Белый Ир. Это — резиденция "Больших киргизов", то есть столица Хакасии XVII в. В расспросных речах еще упоминается: "а с Ирсу Белова от Калникаго городка мимо Балыклыкуля..." (38, Ватин, с.17). Кроме того, известны "каменный городок ниже Сыды-реки", "на речке Еник городок" в Кизыльской земле; на Тагарском острове по Енисею; "киргизский острожек" ближе к Красноярску и крепость "Лозановы осады" по выходе Енисея из Саянских гор (38, с. 8, 9, 50, 69; 52, с. 134, 381, 383, 384, 427).

В "Наказной памяти томских воевод" 1611 г. перечислено несколько городков томских татар: Тоянов на острове р. Томи, Евагин, Ашкенеев при устье Томи, городок на Оби в Кривой луке (31, с. 92, 220; 39, с. 34, II2). Городки назывались по имени правящих князьцов, также, как и у тюркоязычных чатов, заселявших земли выше по Оби. Чаты — в свое время союзники Кучума — жили все в городках, не зная неукрепленных поселений. По данным Б.О. Долгих в XVII в. у чатов было 4 городка (36, с. 101). Центральными городами являлись "Чацкий и Мурзин городки" (39, с. 35—36, II2; 41). Чатский городок располагался при устье р. Чик в районе современной Колывани (40, с. 146, 153). Это была могучая крепость, выдержавшая в 1617 г. тяжелую осаду, во время которой в течение 3 не-

дель два тайши с тысячью калмыцких воинов упорно приступали к ней, но взять не смогли (ЗІ, с. 9І, 96, 97). Крепость надежно защищала от калмыцких набегов подходы к Томску.

К началу 1624 г. относится сообщение: "И Чацкой, государь, городок зделан новой и крепок, и рвы выкопаны, и караулы у них крепкие и день и ночь" (ЗІ, с. 310, 583). Как видим, в первой половине XVII в. чатские князья продолжали восстанавливать и строить новые свои военные крепости. В 1630 г. их мурза Тарлав, вынужденный оставить свою резиденцию Чатский город, перешел на р. Чингиз, где построил новый земляной городок. На исходе зимы 1631 г. его осадил и взял штурмом томский военачальник Яков Тухачевский (ЗІ, с. 583). Сообщалось также, что еще в 1621 г. "иные все тайши и черные колмаки пришли все на Обь реку ... на устье Чумыша, сделали городок..." (ЗІ, с. 272; 42, с. 57).

В нескольких верстах ниже Чатского города на Оби располагался Мурзин – собственный укрепленный городок двух чатских мурз Кислана (Кызлана) и Бурлака (20–30-е гг. XVII в.). Весной 1630 г., во время междоусобиц чатских и телеутских князей "Мурзин городок, в котором в то время чатские татары из числа людей Кислана и Бурлака молотили хлеб, подвергся новому нападению. Татары были перебиты, хлеб сожжен" (ЗІ, с. 90–101). Отсюда видно, что в городках хранились хлебные запасы чатских земледельцев. В Отписке томских воевод 1630 г. в Москву Мурзин называется, то "городком", "то острожком" – очевидно он, поверх земляных укреплённых стен и рвов, имел деревянные стены с палисадом, отчего и пишется "острожек выжгли и хлеб пожгли" (ЗІ, с. 360, 369).

Неподалеку от Мурзина находился еще один – Нандрин городок (ЗІ, с. 364).

В русских документах XVII в. есть сведения о телеутских городках в предгорьях Алтая, о взятии городка алтайцев-телёсов (1642 г.), о городке киргызского князья Талая на р. Улеле (1634), где ныне расположен г. Горно-Алтайск (15, с. 228, 230; 41, с. 54, 121, 292; 42). В это же время стали известны "особые убежища – городища" хакасов-качинцев на Енисее, а в 1643 г. – бурятские городки с каменными стенами (43, с. 300 и 338). Около 1665 г. сообщалось, что в земле бурятов на р. Селенге есть "каменный город" Тушету-хана (44, с. 50).

К 1651 г. относится донесение о том, что даже в бассейне Колымы, на р. Алазее находился икагирский деревянный острог, ко-

торый "поставлен велик, а в обе стороны человеку добру из луку стрелит мочно, а их... якагиров всех двести человек... оприч подростков, а олени у них у всех собраны в том же острожке..." (45). В 1676 г. русские рудознаты докладывали с р. Аргуни: "И около тех мест от Нерчинского острога в тридцати днищах города и юрты и многие жилья и мельницы каменные и жерновы и осыпи земляные не в одном месте". Они спрашивали у местных жителей: "какие де люди на том месте наперед сего живали и города и всякие заводы заводили", но тунгусы отвечали, "что того они не ведают и ни от кого не слыхивали" (48, Кузин, с.109-110).

Продвигаясь на Дальний Восток царские воеводы добивались от служивых людей и казаков новых сведений о туземных городах. В наказной памяти 1652 г. якутский воевода требовал, например, от Н.Прокопьева, отправлявшегося на Амур: "Даурских людей расспрашивать, как мочно, всякими мерами, в Даурских землях много ли городов, и какие грады и на каких местах и реках которой град стоит" (46, с.81). Известный Василий Поярков, попав на р. Зею, сообщал о хане "который живет ордою, а город у него рубленой, около города вал земляной, а бой у них лучной и огненной и пушек много, а имя ему Барбой..." (46, с. 84, 85). Позднее он же открыл Даурский острог (36, с.582).

По данным Б.О.Долгих, в 1651 г. Е.П.Хабаров нашел на Амуре даурские городки: Албазин, Атуев, Толгин, четыре безымянных, Кокуреюв - против устья Зеи, Ачанский - за устьем Сунгари. В 1665 г. на месте даурского городка Албазин был построен русский Албазинский острог (36, с. 579-580). На Амуре русскими казаками открыты городки: Лавкаев, Досулаев, Гойтударов, Банбулаев, Чипин, Гильдеги, Дасаулов, острожек Дувы (36, с. 586-587) и др.

Кроме того, от тунгусов служивые люди получили известие, что, якобы, на р. Саленге "стоит китайского государства порубежный город" (46, с.89), а также были собраны сведения о городах монголов.

ж ж ж

Разнородные данные о лежащих в руинах древних и средневековых городах Сибири (городищах), а также о существующих городах местного населения содержат разнообразные донесения сибирских канцелярий и отчеты царских послов XVII в. в Монголию и Китай.

В 1617 г. в своих "распросных речах" в Москве наблюдательные русские послы В.Тюменец и И.Петров, ездившие в 1616 г. из Томского острога через Хакасию, Саянский хребет и Туву к западно-монгольскому Алтын-хану на озеро Убсу-нур, пишут о развалинах древних зданий, которые они видели в верховьях Енисея. "Горами каменными шли 10 дён, от Киргиз бывали полаты, а ныне де то место пусто. И мы про те хоромы и полаты розспрашивали Золотого царя старых людей. И они нам сказывали про те хоромы и про полаты: тогда живали ... Золотого царя люди". Судя по маршруту, атаман В.Тюменец и десятник И.Петров, проезжая по долинам рек Манчурек, Ак-Сут и Хемчик, видели остатки уйгурских бастионов и крепостей VIII-IX вв. (15, с.58; 47, с. 5, 59-63).

Неизвестный русский автор интересных статей о Сибири середины XVII в., описывая Южную Сибирь, отмечал: "есть же по тем рекам многие грады каменные и великие полаты по степным местам, а все пусты, а иные от давних лет осыпалися, а какие люди сталися никто о сём не весть..." (48, с.52).

В 1670 г. сибирская канцелярия сообщила царю Алексею Михайловичу, что "не в дальнем расстоянии от р. Иртыша на сибирской стороне имеется город с великими каменными башнями и с строением каменных полат. Во оный город башкиры по вся годы приезжают для отправления своих молитв ... башкирец, де, именем Батайко им объявил, что от Иртыша в заливе на острове видел город, построенный из дикого камня и около того города каменный ров; а при том городе нашел он древних лет построенную плавильную печь и от выплавленной руды шлаки или сок. По примеру тот город шириною 50 сажен или больше; около того города течёт река..." (48, с.22; 49, с. 38-40). По другим расчетам размер города составлял 213,36 x 106,68 м (см. 48, Кузин, с.98).

Уже в начале XVII в. русским властям было известно о наличии в Сибири многочисленных остатков древних городов и селищ. К 1630 г. относится государев указ об использовании их для нужд государства. В Тобольском, Томском и других Сибирских уездах приказано было произвести разыскание "старых городищ и селищ", которых "земля к селитренному делу пригодилась" и о заведении там "селитренного варенья" (50, с.119).

В XVII в. начинается период активного строительства в Южной Сибири калмыцких городов, ламаистских монастырей и административных центров. Сведения о них содержатся в тех же русских ис-

точниках. К 1616 г. относится известие о городе в верховьях Иртыша, названном русскими Семь палат. Главное здание в нем было каменным, со стенами из плитняка на растворе, а остальные постройки - сырцовые. Некоторые из них имели колонны, были побелены, а стены их - украшены фресками (51, с.129). В 1620 г. калмыками был построен городок на Оби при устье ее притока Чумыша (31, с.272; 15, с.112). В отписках тобольских воевод от 1638, 1644 и 1649 гг. сообщается, что у калмыков "городок сделан каменной... а в стенах де... в том городке сделаны жилые лабины (ламские - Д.К.) избы и поварня каменные ж. А во все 4 стороны тот городок по 50 сажен, а в вышину 2 сажени".

О том же городе подробно сказано в отписке тобольского воеводы Пронского: "Тайша и ево контайшины колмацкие люди повныше Ямыша-озера в урочище Кубак-Саре городок каменный поставили. А в стенах в том городке деланы жилые избы. А во все, де, 4 стены тот городок по 50 сажен, а в вышину 2 сажени. А делали, де, ево китайские и мунгальские люди. Да и наряд, де, в том городке железные пушки есть".

В другом документе говорится, что калмыцкий хунтайджи Батур "кочует на Сарыкобьяке в городе, где у него пашни". В ином месте разъясняется, что он "ныне кочует у своих городов в Кубаке. А у Кон де тайши 3 города кирпичных: один белой, а четвертой де город заводит вновь. А от города де до города езду по днищу. А в тех де ево городех живут его контайшины лаби (ламы - Д.К.) и пахотные ево люди. А он де, Контайша, кучует около тех своих городов". Все четыре упомянутых города находились в предгорьях юго-западного Алтая (52, с. 149, 150, 234, 239, 416).

Интересные сообщения доставил "Статейный список" посольства Федора Исаковича Байкова в Китай. Путешествие состоялось в 1654-1658 гг. и началось оно переходами вверх по долине р. Иртыш вплоть до его верховий. В землях калмыцкого тайши Аблая русское посольство прибыло в урочище "Кабангасун - калмацким языком, а по-руски - полата кирпичная, кирпич эженой, пустая, дело старинное" (52, с.401; 53, с. 116 и 150).

Это средневековое здание на последующих картах С.У.Ремезова (1696 г.) и в Атласе Российской Академии наук (1745 г.) изображено в сопровождении надписей: "Мечать, урочище, Кабан-Гасун пустой" или "Калбасунская башня". Существуют также рисунок и описание той же докалмыцкой татарской мечети, сделанные в

1734 г. экспедицией Г.Ф.Миллера (54). К сожалению, датировка этого монументального архитектурного сооружения не определена. Для Ф.И.Байкова его создание уже было "делом старинным".

Выше по Иртышу посольство осмотрело городок калмыцкого ламы: "2 полаты бурханские кирпичные, кирпич женой, смазваны известью, а пашни у того лабы пахут бухарцы. А родится у них пшеница и ячмень, и просо, и горох... Избы у пашенных бухарцов глиняные ... А промеж пашен течет речка невелика, имя ей Карбуга ... И мельницы на той речке поставлены, а мелют в них весной". После двенадцатидневного перехода посольство оказалось на речке Бешке, где "Аблай-тайша делает 2 полаты кирпичные, кирпич женой". Этот город впоследствии получил название Аблайкит. Он славился большим буддийским храмом (51; 52; с. 401-402; 53, с. II6, II7, II9, I5I, I52).

Спустя 14 дней караван экспедиции пришел в третий город калмыков на Иртыше, не доходя оз. Зайсан. Здесь находилась ставка самого хунтайджи: "Городок глиняной, а в нем 2 полаты кирпичные, кирпич женой. А стоит тот городок в низком месте меж гор. А живут в том городке лабы калмыцкие, а по-руски попы" (53, с.120). Ввиду того, что в литературе господствует не вполне справедливое мнение о чисто кочевом образе жизни калмыков, нельзя не привести здесь малоизвестное свидетельство очевидца о занятии части их орошаемым земледелием. Вот что сказано в статье сибирского ученого ХУ в. С.У.Ремезова "О калмыках, как весьма известном в Сибири народе", написанной в 1698 г.: "хлеб сеют при реках и речках на покатных местах и в наволоках. И за редко бывающими дождями для жаркого там климату те речки несколько запруживают и тем воду зводят; во время же сухости по пахотным местам по нарочно копаным малым и частым канальцам ту воду ис прудов пускают и тем свои пашни как полевом волгою устраивают. Жито у них родится все больше яровое, а озимей не бывает; по большей части ячмень, проса, полба, пшеница, овес, горох и конопля. А из овощей: ретка, репа, морковь, огурцы, дыни, арбузы и бобы" (55, с.231).

Другой русский посланник в Китай Н.Г.Спафарий, проезжавший через Сибирь в 1675 г. иным путем (через города Енисейск и Нарчинск), упоминает в своей книге о городищах Кошелёвском и Рачевском на Иртыше, называет "городок" остяцкого князя Самары; "городки копаные" барабинских татар; "пустой городок и шанцы Кучу-

ма" на р. Сибирке, в котором тобольские татары мечеть "подновляют"; Урлюково городище на р. Кети, Марково городище на левом берегу Енисея (в котором "живали тунгусы"). В Забайкалье у Далай-озера Спафарий увидел "город великой, каменной, со всяким строением, и палаты в нем каменные белы, и говорят, что в том городе от мору все люди пропали и осталось имение все их там, и иноземцы в тот город итти не смеют, а смотрят все издали, а иные говорят, что все от войны запустело". Переехав через речку Тербул, Спафарий встретил "на степи еще один городок земляной же, а в них 4 ворота проезжие" и отметил, что в степи таких пустых городков много разбросано.

Н.Г.Спафарий знал также о маршруте Ф.И.Байкова и повторяет в своей книге его описания калмыцких городов, их земледелия: "и у Контайши родится всякий яровой хлеб и овощ всякий русский". Интересно его сообщение о ярмарке на Ямышевом озере: "...здесь близко есть возле реки Иртыша три озера: два — направо, а третье — налево, все соленые. А по-татарски слывет Ямышево озеро, и здесь кончается царство Сибирского рубежа, а на тех озерах ежегодно ходят из Тобольска и из Томского и из иных сибирских городов по 30 и по 40 дошаников по соль, и соль собирают в дошаники из озера самородную в пост успения богородицы. И то Ямышево-озеро от реки Иртыша — верст с 5, а есть исток из Иртыша до озера. А в то время, как русские люди собирают соль из озера, учинится ярмарок. И приходят многие тысячи людей: калмыки, и бухарцы, и татары и торгуют с русскими людьми. И они продают лошади и ясырь (пленников — Д.К.), и иные китайские товары. И держат тот ярмарок недели по 2 и по 3, и русские люди, взяв соль и торгуя, возвращаются к Тобольску, а калмыки и прочие — в улусы свои, и то место остается опять пусто; а можно бы в том месте острог построить при реке Иртыше или при озере" (56, с. 34, 36, 40, 45, 78, 143-145).

Как видно из этого свидетельства, к концу XVII в. бывшие южносибирские торговые города теряют свое экономическое значение, о них уже никто не сообщает, и торговый центр смещается на север к новым границам Русского государства в Сибири.

Третий русский посол в Китай (1692-1695 гг.) Избрант Идес упоминает об остатках древних крепостей с каменными стенами, осмотренных им на пути из Нарчинска до р. Аргуни, где "жили тунгусы" (то есть эвенки). Он пишет в специальном разделе своей

книги: "Множество старых, разрушенных укреплений в тунгусских долинах. Во многих местах там и сям по долинам я нашел сотни старых и отчасти развалившихся укреплений, сделанных из сложенных вместе обломков скал. Они, как мне рассказывали тунгусы, были сооружены опытными военными много лет назад, когда монголы и южные татары соединились и напали на государство Нючжу" (то есть чжурчженей) (57, с. 160 и 307).

Целый ряд древних городов и остатков монументальных сооружений помечены на чертежах Сибири, составленных в конце XVII в. известным картографом и историком Сибири "тобольским сыном боярским" С.У.Ремезовым. Им указаны "следы древних городов или построек: на правом берегу реки Каратала, правом притоке реки Тургая", "град пустой" (лист 22-й); на левом берегу Ишима между реками Тесир-гор и Тылкара-"город каменный" (лист 22-й); на реке Сары-су - "мечать без собственного имени", "мечать Булганана" и "мечать Талмасата" (лист 22-й); на Иртыше-"мечать урочище Кабалгасун" (лист 22-й), между реками Юсами Черным и Белым - "городок каменной"; в вершинах Енисея - "город каменной старой, две стены целы, а две развалились, а которого города, того не знаем" (лист 17-й)" (54, 58, с. 316-319).

На "Чертеже земли всей безводной и малопроездной Каменной степи" между р. Абакан и Телецким озером С.У.Ремезовым сделана надпись "Царство Алтырско" и вблизи устья "р. Чюлушман" нарисован условный знак города (54, л.22). Вероятно, в этом городе в конце XVII в. находилась ставка князей Алтырского хакасского княжества.

Приступив согласно указу 1696 г. к составлению карты Тобольского уезда, Ремезов поставил себе целью отметить на ней "древних чюдских и кучюмовских жилья, мольбища и городища, крепости и курганы" (54, с.7). Действительно, на его чертежах встречаются указания отдельных городищ, например, Урлюкова на границе Нарымского и Кетского уездов, Орлова в Енисейском уезде, городища на перевале через Урал на месте Сускара (Рогового города) и т.д. (34, с.225).

Нельзя не привести здесь же заключения известного голландского ученого Николая Витсена, основанного на многих переданных ему русскими вельможами чертежах и записях. Витсен посетил Россию в 1664-1665 гг. и к 1687 г. создал карту, тогда же опубликованную в Голландии. Именно он первым указал, по данным русских информаторов, что Обь вытекает из Телецкого озера и, тем самым,

уничтожил легенду об огромном "Китайском озере" (59).

В своей книге о Сибири, которая называлась "Северная и Восточная Татария" (трижды издавалась - в 1692, 1705 и 1785 гг.), Витсен сообщает по русским источникам о развалинах городов на Иртыше (Семи палат и Аблайкита) и в других местах. В связи с этим он писал: "Говорят, что в Сибири в некоторых местах можно увидеть пришедшие в упадок старые стены и развалины бывших там, по-видимому, городов и что иногда там находили разные памятники. Из последних явствует, что в более древнее время страну эту населяли народы более высокого развития, нежели ныне, потому что теперь подобных построек там вовсе не знают. Сибиряки говорят, что народы, когда-то соорудившие эти города и постройки, совсем выселились оттуда по направлению к юго-востоку". В одном из писем Н. Витсен писал: "Развалины разрушенных городов в дикой Татарии заслуживают, чтоб их исследовали. Лежат они адали от людей" (48, с. 58, 61, 129; 60, с. 32).

Этим завещанием, дошедшим до нас от ученых людей ХУП в., можно в сущности закончить рассказ о древних и средневековых городах Сибири, ставших известными русским людям постепенно в течение XII-XVII вв.

Примечания

¹ ПСРЛ. Т.2. М., 1962; ПСРЛ. Т.4. СПб., 1848.

² Насонов А. Князь и город в Ростово-Суздальской земле // Века. Исторический сборник. Т.1. Петроград, 1924.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.:Л., 1950.

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.:Л., 1949.

⁵ А н у ч и н Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Древности: Тр. Моск. археолог. об-ва. Т.14. М., 1890.

⁶ Цит. по: З а м ы с л о в с к и й Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884.

⁷ Г о д о в и к о в а Л.Н. Иностранцы писатели XVI века о русском городе // Русский город. Вып.8. М., 1986.

⁸ Г е р б е р ш т е й н С. Записки о Московии. М., 1988. (Ср.: З а м ы с л о в с к и й Е. Указ.соч.)

⁹ Р ы б а к о в Б.А., академик. Русские карты Москов. ХУ - начала XVI века. М., 1974.

¹⁰ Атлас СССР. М., 1954. Ср.: Б а л а н д и н А.Н., В а х р у ш е в а М.П. Мансийско-русский словарь. Л., 1958. С.35.

¹¹ Торговые люди "Дели-индийцы" ездили по Сибири еще в начале XVIII в. (К н з л а с о в Л.Р. В Сибирю неизвестную за письманами таинственными // Путешествия в древность. М., 1983). Некоторые индийские купцы участвовали в 1654-1657 гг. в посольстве Ф.И.Байкова в Китай (см.: Д е м и д о в а Н.Ф., М я с н и к о в В.С. Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966).

¹² Цит. по: Б е л е н и ц к и й А.М. Карта мира по Бируни // Учен. зап. ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып.1. Л., 1949.

¹³ А л е к с е е в М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Т.1. XIII-XVII вв. Иркутск, 1932; Ср. А н д р е е в А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып.2: XVIII век. М.;Л., 1965. С.42; Записки капитана Ф.И.Стратенберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. I: Северная и Восточная часть Европы и Азии. М.;Л., 1985. С. 44 и 164.

¹⁴ Р о з е н М.Ф. Алтай на чертежах и картах XVI-XIX вв. // Историческая география и топонимия Алтая. Томск, 1980.

¹⁵ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607-1636. М., 1959; Д е м и д о в а Н.Ф., М я с н и к о в В.С. Указ.соч. С. 54, 55, 62-64.

¹⁶ В настоящее время Каратал (тюркское: Черная ива) - название двух рек: а) южного притока оз. Балхаш и б) левого притока р. Черный Иртыш.

¹⁷ П л и г у з о в А.И. Первые русские описания Сибирской земли // Вопросы истории. 1987. № 5.

¹⁸ ЦГАДА. Сибирский приказ. Кн.1; Ср.: Б о я р ш и н о в а З.Я. К вопросу о присоединении Западной Сибири к Русскому государству // Тр. Томск. гос. ун-та. Т.136. Томск, 1957.

¹⁹ Книга Большому Чертежу. М.;Л., 1950.

²⁰ ПСРЛ. Т.36: Сибирские летописи. М., 1987.

²¹ Г е н и н г В.Ф., О в ч и н н и к о в а Б.Б. Пахомовский могильник // Вопросы археологии Урала. Вып.8. Свердловск, 1969; Н е с т е р о в А.Г. Средневековые курганы у озера Синеглазово // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск, 1982; Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988.

²² О г о р о д н и к о в В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Ч.1: История до-русской Сибири. Иркутск, 1920;

Ч.П. вып. I: Завоевание русскими Сибири. Владивосток, 1924.

23 Н е с т е р о в А.Г. Государство шейбанидов и тайбучи-
дов в Западной Сибири в XIV-XVII вв. Археология и история. Авто-
реф. канд. дис. М., 1988.

24 Б о я р ш и н о в а З.Я. К вопросу о присоединении За-
падной Сибири к Русскому государству // Труды ТГУ. Т.136. Томск,
1957.

25 А х м е д о в Б.А. Государство кочевых узбеков. М.,
1965.

26 Б о я р ш и н о в а З.Я. Население Западной Сибири до
начала русской колонизации. Томск, 1960; Ср.: Б а х р у -
ш и н С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.
// Научные труды. Т.3. М., 1955.

27 Е г о р о в В.Л. Историческая география Золотой Орды в
XIII-XIV вв. М., 1985.

28 Полное собрание ученых путешествий по России. Т.6. СПб.,
1824.

29 Л е в а ш е в а В.П. О городищах Сибирского юрта // СА.
Т.13. М.;Л., 1950; Т а л и ц к а я И.А. Материалы к археологи-
ческой карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. № 35. М., 1953.
С.273.

30 П и г н а т т и В.Н. Искер // Ежегодник Тобольского му-
зея. 1915. Вып.25; С о б о л е в В.И. Раннесредневековые горо-
да татарского населения Западной Сибири // Города и деревни Си-
бири досоветского периода в их взаимосвязи. Новосибирск, 1988.

31 М и л л е р Г.Ф. История Сибири. Т.2. М.;Л., 1941.

32 М и л л е р Г.Ф. История Сибири. Т.1. М.;Л., 1937.

33 С к р ы н н и к о в Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака.
Новосибирск, 1982.

34 Б а х р у ш и н С.В. Научные труды. Т.3, ч.2. М., 1955.

35 ПСРЛ. Т.36. Сибирские летописи. М., 1987.

36 Д о л г и х Б.О. Родовой и племенной состав народов Си-
бири в XVII веке. М., 1960.

37 М о г и л ь н и к о в В.А. Культура племен лесного При-
иртышья IX - начала XIII в. // Труды Камской археол. экспедиции.
Уч. зап. Пермского гос. ун-та. Пермь, 1968.

38 А б д и к а л к о в А. Енисейские киргизы в XVII в.
Фрунзе, 1968; Ср.: В а т и н В.А. Минусинский край в XVIII веке.
Минусинск, 1913.

- 39 Б о я р ш и н о в а З.Я. Население Томского уезда в первой половине ХУП века // Тр. Томского гос. ун-та. Т. II2. Серия историко-филологическая. Томск, 1950.
- 40 С и н я е в В.С. Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 году // Вопросы географии Сибири. Сборник 2. Томск, 1951.
- 41 У м а н с к и й А.П. Телеуты и русские в ХУП-ХУШ веках. Новосибирск, 1980.
- 42 У м а н с к и й А.П. К вопросу о датировке и этнической принадлежности верхнеобских городищ - "кокуев" // Вопросы археологии Сибири: Науч. тр. Новосибирского ГПИ. Вып. 38. Новосибирск, 1972.
- 43 О к л а д н и к о в А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937.
- 44 З а л к и н д Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958.
- 45 Архив ЛОИИ. Ф.160. Д.284. Л.7.
- 46 Л е б е д е в Д.М. География в России ХУП века. М.; Л., 1949.
- 47 К н з л а с о в Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. С. 5, 59-63.
- 48 Р а д л о в В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 2 // МАР. № 5. СПб., 1891. Приложения. Ср.: К у з и н А.А. История открытий рудных месторождений в России. М., 1961. С. 98.
- 49 П е х а р с к и й П.П. Известие времен царя Алексея Михайловича, о золотых и серебряных вещах и посуде, попадававшихся в татарских могилах в Сибири // Известия Археологического общества. Т. У. СПб., 1865.
- 50 О г л о б л и н Н.Н. Сыские дела о кладях ХУП в. // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Книга УП. Киев, 1893.
- 51 Ч е р н и к о в С.С. Памятники архитектуры ойрат-калмыков // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. I. Элиста, 1960.
- 52 Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636-1654. М., 1974; См. также: ЦГАДА. Ф. Сибирский приказ. Стлб. 83. Л. 152-153.
- 53 Д е м и д о в а Н.Ф., М я с н и к о в В.С. Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966. С. II6 и 150.
- 54 Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882. Л. 22; Атлас

Российской Академии наук. СПб., 1745. Табл. С 15; Р а д -
л о в В.В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3 // МАР. № 15. СПб.,
1894. С. 57.

55 Г о л ь д е н б е р г Л.А. Статья С.У. Ремезова "О кал-
мыках, как весьма известном в Сибири народе" // Страны и народы
Востока. Вып. ХУШ. М., 1976.

56 Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и гра-
ниц Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорож-
ный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В. Арсеньева //
Записки Русского географического общества по отделению этногра-
фии. Т. X, вып. I. СПб., 1882; Ср.: М и л е с к у С п а ф а -
р и й, Николай. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.

57 И д е с И. и Б р а н т А. Записки о русском посоль-
стве в Китай (1692-1695). М., 1967.

58 Журнал Министерства народного просвещения. 1883, июнь.
Ч. 227; А н д р е е в А.И. Очерки по источниковедению Сибири.
Вып. I. М.: Л., 1960. С. 193.

59 Р о з е н М.Ф. Вершина реки Оби и Телецкое озеро на
первых чертежах и картах Сибири // Страны и народы Востока.
Вып. ХУШ. М., 1976.

60 З и н н е р Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских
путешественников и ученых ХУШ века. Иркутск, 1968.

4. СВЕДЕНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIII-XIV ВЕКОВ О СИБИРИ И ЕЕ ДРЕВНИХ ГОРОДАХ

... Я могу указать в Сибири на остатки целых городов и построек в дебрях, где теперь нет ни людей, ни домов, а находятся только дикие звери и покинутые остатки зданий.

Н.Витсен, около 1710 г.

Западноевропейские путешественники и писатели мало знали о древних городах Сибири. Поэтому настоящий раздел нашей книги по необходимости будет кратким.

Посланники-европейцы к монгольскому каану в XIII в. монахи Плано Карпини и Гильом Рубрук сами в Сибири не были. Но они передают все услышанное об этой стране. Плано, например, первым сообщает о монгольском походе к самоедам: "...к Самоедам, а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей. Подвинувшись оттуда далее, они пришли к некоей земле над Океаном, где нашли неких чудовищ, которые, как нам говорили за верное, имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у ног быков, и голова у них была человеческая, а лицо как у собаки" (I, с. 48).

Описывая города, разрушенные монгольскими завоевателями в Средней Азии и в других землях, Плано, вместе с тем, трижды пишет, что каан Угэдэй "построил некий город, который называл "Омыл" (I, с. 38, 39, 73). Очевидно, он стоял на р. Эмель в современной Джунгарии. Этот же каан строил и укреплял столичный город Каракорум.

Гильом Рубрук сообщает, что "из великой Булгарии и Паскатира, то есть великой Венгрии, из Керкиса (все эти страны лежат к северу и полны лесов) и из многих других стран с северной стороны, которые им (то есть монголам — Д.К.) повинуются, им привозят дорогие меха разного рода, которых я никогда не видел в наших странах и в которые они одеваются зимою" (I, с. 98). В другом месте своего сочинения Рубрук указывает: "Язык Паскатира и Венгров — один и тот же; это пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией. От этой земли к востоку, по упомянутой северной стороне, нет более ника-

кого города. Поэтому Великая Булгария — последняя страна имеющая город" (I, с. 122-123).

Непосредственно о Сибири Рубрук пишет следующее: "К северу также нет ни одного города, а живет народ, разводящий скот по имени Керкисы (то есть кыргызы на Енисее и Абакане — Д.К.). Живут там также Ореугаи (то есть лесные урянхайцы — Д.К.), которые подвизывают себе под ноги отполированные кости (лыжи — Д.К.) и двигаются на них по замерзшему снегу и по льду с такой сильной быстротой, что ловят птицу и зверей. И еще много других бедных народов живет в северной стороне, поскольку им позволяет холод; на западе соприкасаются они с землей Паскатири (башкиры — Д.К.), а это — Великая Венгрия... Предел северного угла неизвестен в силу больших холодов. Ибо там находятся вечные льды и снега. Я осведомлялся о чудовищах или чудовищных людях... Татары говорили мне, что никогда не видали подобного, поэтому мы сильно недоумеваем, правда ли это" (I, с.154).

На обратном пути от города Каракорума до нового Сарая, построенного Бату на восточном берегу Волги, Рубрук ехал по северной полосе современных казахских степей: "мы ехали до Бату два месяца и 10 дней, не видя за это время ни разу города или следа какого-нибудь здания, кроме гробниц, за исключением одной деревеньки, в которой не вкушали хлеба" (I, с.183).

Как видим, послы папы и короля итальянский и французский монахи Плано Карпини и Рубрук, совершившие удивительные и опасные по тем временам путешествия из Рима и Парижа в далекий Каракорум и обратно, очень традиционно и вполне по-европейски были информированы о той северной стране, которую мы ныне называем Сибирью.

Похождения венецианских купцов Николая, Матвея и Марка Поло, побывавших и живших в Монголии и Северном Китае при каане Хубилае, описаны в известной книге Марко Поло в 1298 г. В ней, по рассказам сведущих людей, описана и Западная Сибирь, входившая в то время, по автору, в удел хана Кончи, правнука Джучихана. В той земле "нет ни городов, ни замков", много скота и пушных зверей. Рассказано о езде северных народов в саних, запряженных собаками, и о том, что существует организованная ямская езда на перекладных собачьих упряжках.

"Сани они покрывают медвежьей шкурой, и туда влезает гонец; возят их по шести больших собак, и собаки везут их прямо к сто-

янке, не сбиваясь с дороги, по льду и по грязи; и так ездят от стоянки до стоянки. А вот кто сторожит стоянку, садится так же в сани, погоняет собак и едет дорогой кратчайшей и лучшей. На другой стоянке, как приедут, — собаки и сани уже готовы, и едут дальше; а те собаки, что привезли, возвращаются назад; и так каждый день ездят на собаках.

Те, кто живут здесь в горах и в долинах, большие охотники; ловят они много дорогих животных, высокой цены, и большая им от этого прибыль и выгода; ловят они горностаев, соболей, белок, черных лисиц и много других дорогих животных; из них они выделывают дорогие шубы высокой цены ... от великого здешнего холода их дома под землею, а иногда живут и над землею ... На север от этого царства есть темная страна; тут всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звезд; всегда тут темно, также как у нас в сумерки...

Соседние народы оттуда, где свет, покупают здешние меха; им носят меха туда, где свет, там и продают; а тем купцам, что покупают эти меха, большая выгода и прибыль. Люди эти, скажу вам, рослые и статные; они белы, без всякого румянца" (2, с. 225-226).

Все последующие западноевропейские путешественники XIII-XIV в. в Монголию, Северный Китай и Индию также мало знали о Сибири. "Великой Татарией" они называли только Юаньскую империю, созданную великим кааном Хубилаем (3), а не Сибирь.

Особую важность среди сведений о Сибири имеет карта 1367 г., составленная итальянскими купцами Франциско и Доменико Пицигани. На ней изображена вся территория Золотой Орды от западных рубежей до восточных окраин, включающих Хорезм, Урал, и Сибирь. Из 40 золотоординских городов, как наиболее восточный отмечен в Западной Сибири город Себур, то есть город Сибирь (городище Искер на Иртыше близ современного Тобольска). Южнее Себура изображен город с развевающимся над башнями флагом, очевидно, Тюмень. В конце XIV в. этот город назывался Чимги-Тура. Он был административно-политическим центром обширного Сибирского улуса-юрта и это подчеркнуто водруженным над городом флагом.

На этой же карте за р. Яик (Урал) изображен безымянный город, а к северу от него — другой. Судя по большому размеру рисунка башен и развевающемуся над ними флагу, этот безымянный город — второй крупный экономический и административный центр в Южном Зауралье, входившем в Сибирские владения (4, с. 130-134).

Некоторые авторы полагают, что впервые "Сибирь" (страна "Sebur") отмечена уже на известной Каталонской карте 1375 г. (5, с.54). Другие ученые считают, что первым в западноевропейской литературе название "Сибирь" — "Wissibur" упоминает в своей "Книге путешествий" (1427 г.) немецкий солдат Иоганн Шильтбергер, который находился в плену в Золотой Орде. Около 1410 г. он стал непосредственным участником одного из наездов хана Едигея на Сибирь, куда из Поволжья им пришлось ехать два месяца. "В стране этой и при всем этом я был сам и все видел собственными глазами", — пишет Шильтбергер. Он, следовательно, был одним из первых западноевропейцев, непосредственно побывавших в Сибири, и поэтому его свидетельства особенно ценны.

"В стране этой находится гора, называемая Арбус (Урал? — Д.К.) и простирающаяся на тридцать два дня ходьбы; живущие там люди полагают, что за горой этой находится пустыня (очевидно, тундра — Д.К.), доходящая до оконечности света: никто не может также пройти через эту пустыню или жить в ней, по причине (возникающих там) диких зверей и гадов. На вышеупомянутой горе живут дикие люди, не имеющие постоянных жилищ; тело же у них, за исключением рук и лица, покрыто волосами; подобно другим животным, они скитаются по горе, питаются листьями и травой и всем, чем придется" (5, с.52). И если эта часть рассказа возможно содержит традиционное мифологическое описание "края света", то к дальнейшему рассказу Шильтбергера мы, вероятно, должны отнестись с полным доверием, как к сообщению очевидца: "В упомянутой стране Сибирь есть также собаки, которых запрягают в повозки, зимою — в сани; они возят также по стране поклажу и так же велики, как ослы, а едят они (жители — Д.К.) также собак. Еще следует заметить, что люди в этой стране поклоняются Иисусу Христу подобно трем святым царям, пришедшим для принесения ему даров в Вифлеем и увидевшим лежащим его в яслях; поэтому в их храмах можно видеть изображение Христа (икон? — Д.К.), представленного в том виде, как застали его три святых царя, и этим изображениям приносят они дары и на них молятся. Приверженцы этой веры называются уйгуры (Uygiur); в Татарии встречается много людей этой веры... В этой стране сеют только просо и хлеба не едят вовсе" (5, с.53).

Как видим, Шильтбергер в начале XV в. застал в Западной Сибири высокую культуру пришлых с монголами христиан-уйгуров и, хотя он не пишет о городах прямо, но упоминает христианские хра-

мы, которые не строились одиноко посреди степи или в лесу.

К тому же XV в. относится сообщение другого европейца, итальянца Юлия Помпония Лата (около 1480 г.), который сообщал: "Вблизи берегов Ледовитого океана живут лесные люди, называемые югры; это несомненно скифы, очень отдаленные от остальных людей. Они не знают ни золота, ни серебра, ни других металлов; с ближайшими народами ведут меновую торговлю, а также с жителями За-волочья. Так рассказывали мне люди, живущие у истоков Танаиса" (5, с.68). И далее: "За Рифейскими горами (Уралом - Д.К.) начинается Индия (так Лэт называет Сибирь - Д.К.). Одно следует еще заметить: в Скифии и Сарматии городов очень мало, поселений же - неисчислимое множество". Здесь же Лэт упоминает топоним "Сибарина" - возможно, это город Сибирь (5, с.69).

Многочисленные западноевропейские авторы XVI в., описывая по-разному Уральские горы и Сибирь, мало сообщают о городах аборигенного населения. Особое значение для нашей темы представляют "Записки о Московии" австрийского посла барона С.Герберштейна, который побывал в Москве в 1517 и 1526 г. и выпустил свою книгу в Вене в 1549 г. (5, 100; 6). Описание Сибири, как указывает сам автор, почерпнуто из переведенного им "русского дорожника". Поэтому об этих данных мы уже рассказали в разделе, посвященном русским источникам.

Здесь же можно сказать лишь, что, по данным Герберштейна, "область Сибирь" (Sibier) в начале XVI в. - это только часть Южного Зауралья, входившая во владения ногайского правителя Ших-мамая: "Область Сибирь граничит с Пермией и Вяткой; не знаю достоверно, есть ли там какие-нибудь крепости и города. В ней начинается река Яик (Урал - Д.К.), которая впадает в Каспийское море" (6, с. 163-164). Но на карте, приложенной к книге Герберштейна (1549 г.), при устье реки Сосны показан город Обеакас (Обская крепость), южнее - города Тером (Иером) и Тумен; в самых верховьях Оби, на правом берегу, отмечен город Грустина (7, рис.3), а также в тексте описаны Серпонов и другие города. Укажем здесь, что на картах немецких географов Антония Вида (1542 г.) и Себастьяна Мюнстера (1544 г.) Обь показана как морской залив, шириной до 120 верст, а на ее левом берегу изображен город Сибир (Sybur). На том же месте город Сибир (Siber) показан и на карте англичанина Антонио Джанкинсона (1562 г.). На карте Ортелиуса (1570 г.) - три города: Кингола, Сибир и Крустина (7, с. 5-

15; рис. 2, 4, 6). На карте Герарда Меркатора (1595 г.) в верхнем течении Оби показан город Грустина, а в среднем ее течении — город Серпонов, то есть города, указанные в "русском дорожнике", опубликованном С. Герберштейном (7, с. 15–17, рис. 7).

Западноевропейский представления о городах Сибири, может быть, отражает поручение, данное английским мореплавателем Артуру Пету и Чарльзу Джаммену, отправлявшимся в 1580 г. через Сибирь "для открытия Китая": "Если вам придется перезимовать именно так, то нам хотелось бы, чтобы будущим летом вы сделали открытия по реке Оби насколько возможно дальше. Если вы найдете, что эта река, которая, говорят, очень широка, действительно судоходна и годна для далекого плавания вглубь страны, то, может быть, вы доедете, до города Сибири или до другого какого-нибудь города с населением на берегу Оби или близ нее, и тогда у вас явится желание перезимовать вторично; в этом случае поступайте по своему усмотрению" (8, с. 133). Но их путешествие не состоялось.

Другой англичанин Антон Марш был более удачлив. Благодаря русским мореходам, нанятым им на Печоре, он в 1584 г. доплыл до устья Оби, но вверх по реке подняться не посмел. По его просьбе русские бывалые люди написали ему памятку: "Мы должны проехать мимо пяти городков, расположенных на р. Оби. Первый называется Тазовский городок и находится в устье реки Пады. Второе селение Носовой городок стоит на самом берегу р. Оби. Третий называется Necheiour-goskoy. Четвертый — Charedmala. Пятый — Надежная, то есть крепость спокойствия и доверия. Она стоит на реке ниже всех других городков и ближе к морю. Некогда ваши люди (то есть англичане — Д.К.) уже достигли устья названной реки Оби на корабле, который потерпел кораблекрушение, а люди ваши были убиты самоедами, которые думали, что они приехали ограбить их" (5, с. 187).

Но по данным английского торгового агента и дипломата Джерома Горсея (почти 20 лет, с перерывами, прожившего в России), ему в 1586 г. в Москве рассказывал пленный сибирский царевич (Маметкул? привезен в 1585 г.), что "в его стране живут несколько англичан или по крайней мере людей, похожих на меня, взятых с кораблем, артиллерией, порохом и другими припасами, которые за два только года перед тем (в 1583 г.?) пытались отправиться по Оби, чтобы отыскать северо-восточный путь в Китай" (8, с. 106–107).

Ко второй половине XVI в. относится также карта неизвестного географа, на которой изображена река, вытекающая из "озера Китая"

На правом ее берегу обозначен город Грустина, напротив его, близ устья левого притока реки стоит город с подписью "Тегон" (Ту-ра? - Д.К.) (5, с.133, рис.19).

Сведения С.Герберштейна о Сибири многократно воспроизводились в Европе во второй половине XVI и в XVII в. (см. Алессандро Гваньини, 1578) (5, с. 150-153). Картографы использовали их почти до конца XVII в. Так, на карте И.Гондиуса (1606 г.) указаны города Серпонов, Грустина и Камбалнк (6, рис. 5); на карте Д.Кантелли (Рим, 1683) изображены различные города, как полагают некоторые ученые - "надуманные" (7, с. 18-19, рис.9); на карте Г.Сансона (Рим, 1688) на верхней и средней Оби обозначены города Грустина, Серпонов, Сахадруг и Аржа (7, с. 20-21, рис.10). Даже на карте голландского ученого Н.К.Витсена (1687 г.), хорошо знавшего русские карты того времени, на правом берегу р. Бии изображен город Катунан (Катуньский? - Д.К.), а на правом берегу Катунь, вблизи устья, показан все тот же город Грустина (7, с. 29-30, рис.13).

Очень важно для развития исторической науки заключение Николая Витсена (1641-1717), ученого голландца специального собиравшего, будучи в России, разнообразные сведения о Сибири: "Говорят, что в Сибири в некоторых местах можно увидеть пришедшие в упадок старне стены и развалины, бывших там, по-видимому, городов и что иногда там находили разные памятники. Из последних явствует, что в более древнее время страну эту населяли народы более высокого развития, нежели ныне, потому что теперь подобных построек там вовсе не знают. Сибиряки говорят, что народы когда-то соорудившие эти города и постройки, совсем выселились оттуда по направлению к юго-востоку" (9, с.32).

В феврале 1612 г. один английский купец и моряк Джосиас Логан, будучи в городе Пустозерске на Русском севере, записал со слов русских и зырянских торговых людей многие любопытные данные о Сибири. Например, упоминается известный нам Носовой городок на Оби. В них рассказывается и о реке Енисее: "Местные жители утверждают, что выше по реке и южнее живут татары (тюркоязычные люди - Д.К.), которые ездят на лошадях. Он (русский информатор - Д.К.) утверждает также, что они находили части плугов, которые были принесены с гор во время разлива, вызванного таянием снегов" (5, с.210). Вероятно, здесь речь идет о качинцах - земледельцах, живших в начале XVII в. на Среднем Енисее и управлявшихся князем Толькой (Тольго-пигом - Д.К.). В этих же записках со-

держатся ценные сведения относительно Белого каменного города на Енисее: "Кроме того за Тазом имеется еще большая река, называемая Енисеем, которая, говорят, больше и глубже Оби. Никто не знает, на каком протяжении она течет, хотя вверх по течению ее уже плавали по четырнадцать дней. Этого нельзя узнать у местных жителей, которые называются тунгусами и являются особым народом. Самоеды же говорят, что видели белый город, который, казалось, был построен из камня, но они не посмели подойти к нему, чтобы убедиться в этом; и они слышали также, что у них (жителей города — Д.К.) есть животные, имеющие длинную гриву и хвост, которые не имеют рогов, и что копыта у них круглые и не раздвоены, как у оленей; по-видимому, это лошади.

Далее они рассказывают, что к ним вышли люди, все сделанные из железа; я полагаю, что это были люди, одетые в латы. Так как они говорят, что 200 таких людей могут, по их мнению, завоевать все их царство, то из этого вы можете заключить, что они находятся недалеко от Китая и Хинны. Таким образом, я вам открыл самый большой секрет и то, что, насколько я знаю, ближе всего подходит к истине" (5, с. 211-213).

Очевидно, этот секрет о кратком пути в Китай дошел до английского поэта Джона Мильтона (1649-1652), в записках которого говорится буквально следующее: "Около 1610 года некоторые из этих самоедов продолжали свой путь, пока не увидели Белого города, в котором им слышался большой звон колоколов: они рассказывали, что к ним вышли с ног до головы вооруженные железом люди" (5, с. 298).

В последних рассказах речь шла несомненно об енисейских киргизах (хакасах) и их Белом городе, который был известен и по русским источникам XVII в. Он находился на р. Белом Июсе. Среди западноевропейцев, киргизов упоминает в своих записках, относящихся к 1666 г., один немец, побывавший в Сибири (имя его осталось неизвестным): "Есть там также народ, называемый киргизы; это тоже природные язычники; живут на реке Оби по направлению к Китаю; имеют очень странные одежды, зимою ходят в грубых платьях из оленьей кожи, ворсом наружу (то есть в дохах — Д.К.). Их женщины носят на голове украшение из древесной коры, широкое и круглое, как сито, которое они обвязывают тряпками. Эти люди поедают сырыми и мясо и рыбу" (5, с. 336 и 357).

И, наконец, следует упомянуть о карте еще одного иностранца, сержанта шведской артиллерии И.Г.Рената. Как военнопленный, после Полтавский битвы 1709 г., он был поселен в Сибири, служил в известной экспедиции Бухгольца и зимой 1715-1716 гг. еще раз попал на Иртыше в плен калмыкам. В Джунгарии он плавил железную руду, отливал пушечные стволы и бомбы. Только в 1733 г. ему удалось вернуться на родину.

Ренат не только хорошо знал местность, но и калмыцкую картографию. В основу его карты положена известная ему калмыцкая. Для нас интересны две надписи на карте Рената. Одна - севернее оз. Зайсан - "Брусы живут здесь и имеют железные заводы", другая - западнее р. Бухтарма - "Железный завод" (7, с. 32-34, 10). Очевидно, что неизвестные брусы (может быть бирюсинцы? - Л.К.) в начале XVIII в. производили в верхнем Прииртыше добычу и плавку железных руд, причем, вероятно, промышленным способом. У северного обреза карты, на правом берегу Катуня надпись: Томтура, то есть город Томск (10).

Таковы известные нам сведения западноевропейских источников о древних и средневековых городах коренного населения Сибири. Можно заметить, что некоторые из них основаны на фактах, полученных иностранцами от сведущих русских людей.

Примечания

¹ Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. М., 1957.

² Книга Марко Поло. М., 1956.

³ После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. М., 1968.

⁴ Егорова В.Л. Историческая география Золотой Орды XIII-XIV вв. М., 1985.

⁵ Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Т.1: XIII-XVII вв. Иркутск, 1932.

⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

⁷ Воробьева И.А., Малолетко А.М., Розен М.Ф. Историческая картография и топонимия Алтая. Томск, 1980.

⁸ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. с англ. Ю.В.Готье. Л., 1937; Горсей Дже-

ром; Записки о России. XVI - начало XVII в. М., 1990.

⁹ З и н н е р Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.

¹⁰ Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом, во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год // Записки Русского географического общества по общей географии. Т.II. СПб., 1888.

ПАМЯТЬ СИБИРСКИХ АБОРИГЕНОВ О ДРЕВНЕСИБИРСКИХ ГОРОДАХ И ДАННЫЕ НАУКИ XVIII-XIX ВЕКОВ

I. О ПОНЯТИИ "ГОРОД" В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

На этих горах воссияет благодать
божья, будет город Великий, и
воздвигнет Бог много церквей.

"Повесть временных лет". XII в.

Понятие "город" существовало в истории человечества во всех общественно-экономических формациях. Соответственно существовал на разных языках и термин "город". Но смысл, содержание этого термина были различными в каждую отдельную эпоху. Исследователи, при историческом подходе к явлениям, постоянно должны иметь в виду это условие, помогающее избежать невольной модернизации термина.

Материальное воплощение, как и социально-общественная, историко-культурная и философско-религиозная сущность понятия "город" изменялись, таким образом, в соответствии с конкретно-историческими условиями места и времени. Независимое зарождение городов восходит в Передней Азии, по-видимому, еще к неолитическому периоду (Иерихон, VII тыс. до н.э.), когда раннеземледельческие общины начинают окружать свои разросшиеся поселения каменными стенами с башнями. В эпоху энеолита и раннебронзового века (конец IV – начало III тыс. до н.э.) в Шумере и Египте уже существуют первые городские цивилизации и государства, возникшие в недрах рабовладельческого способа производства. В Индии и Китае окруженные стенами поселения и первые города также появляются довольно рано – в середине и второй половине III тыс. до н.э. и особенно широко распространяются в начале II тыс. до н.э., т.е. еще у земледельцев бронзового века (1; 2).

Как известно, основными признаками классического раннеклассового общества на Древнем Востоке являются: наличие сложного хозяйственно-административного аппарата, несовместимого с родо-вым строем; зарождение письменности, возникшей из потребностей

учета экономической деятельности населения; возникновение города как административно-ремесленного, религиозного и торгового центра; сооружение царских гробниц.

Гордон Чайлд писал: "Термин цивилизированный, в соответствии с этимологией этого слова, применяется к людям, живущим в городах; и город должен не только обладать определенной величиной, но также служить местом сосредоточения по крайней мере значительного меньшинства людей, извлекающих средства к существованию не непосредственно из охоты, рыболовства или сельского хозяйства, а из ремесла, торговли и других занятий.

В археологии за критерий цивилизации удобно брать находки предметов с надписями, то есть существование письменности. Варварские деревни и городки по занимаемой ими площади можно сравнивать с настоящими городами; они могли насчитывать значительное число жителей, среди которых, хотя и всегда в незначительном меньшинстве, имелись ремесленники — кузнецы, плотники и даже гончары; в их развалинах можно найти привозные материалы и изделия, которые, однако, за исключением оружия, редко служили непременным предметом обихода рядового горожанина. В решении вопроса о том, когда количественный рост населения и увеличение числа ремесленников и торговцев породили качественно новое образование — город, хорошим мерилom является письменность. (В моей книге "Человек создает себя" — я показываю, как в результате экономического развития письменность сделалась необходимой и что она, как правило, связана с заменой родовой основы общественной организации территориальной)" (3, с. 29-32).

Впоследствии в науке утвердилось мнение, что для определения цивилизаций особенно важны три основных признака — монументальная архитектура, города и письменность (2, с.8).

Ученые задавались вопросом: как отличить город эпохи цивилизации от "варварских" городов, занимавших значительные площади, имевших густое население, развитие ремесла, торговлю и мощную систему укреплений? Приводилось два признака: появление больших дворцовых ансамблей — жилищ правителей и сооружение вместо святилищ монументальных храмов. Но главным, по мнению некоторых авторов, было то, что горожане сами не производили продовольственных продуктов. Это были ремесленники, чиновники, торговцы, банкиры, жрецы, воины и т.д.

Неземледельческий характер населения таких городов очевиден. Без подвоза продуктов извне город погибал (4; 5). Но устойчивый прибавочный продукт, получаемый от производящего высокоразвитого земледелия и скотоводства, при участии развитого ремесла и торговли, концентрировался и перераспределялся в городах. Порождением концентрации людей и прибавочного продукта в городе стал рынок. В городе обособлялись люди непроизводственных профессий, шел процесс отделения умственного труда от физического, происходило ускоренное развитие знаний, культуры и идеологии. Города являлись центрами прогрессивного развития общественных институтов.

Великий арабский мыслитель Ибн Халдун (1332–1406 гг.) писал: "Знай, что науки, кои служат предметом изучения и обучения в городах, делятся на два вида: 1) естественные для человека, кои он приобретает умозрительным путем; 2) традиционные, кои он перенимает от того, кто положил им начало" (6, с.622).

Несомненно, однако, что в многосложной и длительной культуре человечества феномен города многогранен и нередко имеет черты локального своеобразия. Например, традиционно считается, что для города обязательной особенностью является фортификация, но исторически известно, что при сильной военной мощи государства городские укрепления не сооружались. Таким, например, были города, строившиеся монголами в эпоху империи, и некоторые средневековые города Средней Азии.

У ранних городов, даже при обширной их площади, нередко не было регулярной планировки (например, в Месопотамии и др.). Многие города Средней Азии (особенно в Семиречье), имевшие цитадели (в которых размещались дворцы правителей), шахристаны – густо застроенные основные массивы жилищ (с узкими улочками, базарами, храмами, общественными сооружениями и мастерскими), рабады – городские предместья (заселенные ремесленниками, содержателями заезжих домов, церквями, кладбищами) имели еще окруженные длинными стенами сельскохозяйственные округа с пашнями, садами, усадьбами и замками богатых землевладельцев. Последние содержали собственные дома и в городских центрах – шахристанах (5; 7). Иные ремесленники не порывали связи с земледелием. Такие же, обнесенные стенами округа, на западе например, были у городов Болгарского царства, в Поволжье, Придунавье (Плиска, Преслав и др.).

Средневековые города, нередко окруженные величественными укреплениями, также не всегда и не всюду имели регулярную пла-

нировку с функциональным членением районов. Концентрация населения и капитала, многообразные здания, обязанные своим сооружением не только административным и культовым целям, но в значительной степени задачам развития ремесла и торговли, вели к увеличению площади городской застройки. Требования элементарной санитарии вызвали в городах развитие коммунального хозяйства — сооружение водопровода и канализации. Объекты монументальной архитектуры (дворы, храмы, общественные здания, гробницы царей и знати) способствовали становлению не только архитектурного искусства, но живописи, скульптуры и малой пластики.

Археологи при раскопках городов находят: предметы собственности (печати, тамги, клады, деньги и т.п.), разнообразные вещи, относящиеся к предметам роскоши, культа (атрибуты святилищ и храмов), материальные показатели власти (стелы с надписями, скипетры, диадемы) и т.п. Встречаются и специфические остатки местных производств в виде разнообразных шлаков, бракованных и недоделанных изделий различного ремесла.

Очевидно, что город — многосложное явление в культуре человечества. Возникнув, он, в свою очередь, оказал огромное воздействие на выработку новых форм культурного развития людей, на изменение идеологии человеческих сообществ, обитавших на всех континентах нашей планеты. Какими входили первые города в сознание древних людей?

Как известно, становление мифологического мышления древнего человека соотносится с особым периодом в истории культуры людей, и в том числе в развитии искусства (архитектуры, живописи, скульптуры и т.п.). Исследователи подчеркивают, что этот период отражает более глубокое осознание человеком себя как особой части природы, отличной от других ее частей, и характеризуется антропоморфизацией сил природы в образном строе. Он формируется в условиях перехода к производящему хозяйству, когда воздействие человека на природу еще очень ограничено, но уже начинает проявляться.

Вспомним арабоязычного философа IX в. ал-Фараби: "И город и дом нужно сравнить с телом человека" (8). Идея подобной образности восходит, как мы видели, к античности и к еще более ранним представлениям населения древнего мира. Филологи-классики отмечают, что в культуре Древней Греции "герои трагедии были некогда мифологическими воплощениями "городов", а истории этих героев —

историями разрушения и созидания городов ... Участников трагедии слушают города, земли, реки, воздух, светила: это указывает, что и "город" занимал место среди стихий..." (9, с.361).

В близком по своим исходным представлениям, контексте следует, очевидно, понимать возникший в одной из древнейших книг человечества – в Библии, красочный аллегорический образ знаменитого города Вавилона в виде женщины – "великой блудницы": "Жена же, которую ты видел, есть Великий город, царствующий над земными царями" (Откровение Иоанна Богослова, гл. 17,18). (В еврейском языке слово "город" женского рода и потому сравнение города с блудницей возможно). Продолжение той же мысли мы находим в пророчестве Исаии: "И я обращу руку свою на тебя и очищу, как щелочью, твое нечистое серебро, и отделю все олово твое. И я верну судей твоих, как прежде, и членов совета твоих, как раньше. После этого ты будешь назван городом справедливым, городом верным" (10, с.48; Исаия, I, 25–26).

Неоднократно говорилось, что религия древних христиан впитывала в себя многое из мифологических представлений, выработанных человечеством в предшествующие эпохи. В раннем евангелии от Фомы изречено: "Иисус сказал: Город построенный на высокой горе, укрепленный, не может пасть, и он не может быть тайным". Справедливо, что истина не пришла в мир обнаженной, но она пришла в символах и образах (II, с. 254 и 284).

Так что же такое город? Ученые давно уже обратили внимание, что у разных народов, в том числе и у славян, человеческое тело и жилище имеют общие названия для различных своих членов и частей: лоб, лицо, окно (око), усы, устье (уста), чело, ноги, зад. Жилище, таким образом, уподобляется с древности телу человека. Вспомним, что при трудных родах женщины люди в старину непременно открывали дверь дома, а также ворота (12, с.159).

Знатоки мифологии и древних литератур поясняют: "... открыть ворота значит родить и ворота однозначны женскому рождающему органу. Материнская утроба при родах – открывающиеся небесные ворота, а пройти сквозь ворота, через дверь – значит спастись, родиться. Но такая семантика относится уже к земледельческому периоду. Ей предшествовала стадия, когда городские ворота (ограда, межа, камень, всякая граница) осмыслились как ворота небесные ... солнце, восходя утренней зарей, рождалось заново, входило в ворота города снизу вверх, как бы на гору, покидая

темную преисподнюю и вступая в небесный город, навёрх на небо (отсюда образ "небесного Иерусалима"). Этот вход солнечного божества в небесный город означал спасение города, избавление его от врагов мрака, от смерти и стал предметом обряда... въезжало само солнце, которое в пышной процессии следовало по городу и направлялось в свой храм..., а сам храм является при этом жилищем бога, тем местом, где он пребывает, то есть небом"... "Въезд в город (в свое жилище - храм) есть метафора выхода из смерти..." (9, с. 497, 498, 524).

Итак, в ранних представлениях человека огороженное поселение или город обретали антропоморфные формы, или принимали образы стихийных явлений природы, или же воспринимались как космические тела и символы вселенной (небесный город, как обитель солнечного божества или же его антипод - город мертвых в потустороннем мире). Космос всегда противостоял хаосу. В представлении многих народов их миры окантовывали цепи священных гор (ср. 13). "Городские стены, построенные по квадрату, ориентированному по сторонам света, также ассоциировались с границами мира, понимаемого как совокупность городских построек и населения" (13, с.209). Поэтому стены городов, городских округ и длинные стены оазисов, отделяющие "наш мир", символизировали собою горы. Великая стена отгораживала от хаотического пространства заполненного "варварами" организованный мир китайцев - "Срединное государство" (Чжунго) в "Поднебесной вселенной" (Тянься). Для мусульман такой же оградой от страшных полчищ яджуджей и маджуджей были длинные стены, якобы сооруженные по горам, где-то на севере Александром Македонским. Существовало представление, что когда рухнут эти стены, то настанет конец мира, ибо вырвавшиеся на простор потусторонние злые и бессмысленные существа уничтожат мыслящее человечество. Хаос победит космос.

В русском крестьянском быту, как известно, понятие "мир" означало общину; "наш мир" - деревню, поля которой огорожены поскотиной; "их мир" - "чужой мир" - это или соседняя деревня, или нередко огороженный укреплениями город (отсюда, например, Миргород); под выражением "мир посмотреть" - понималась полная опасностей поездка в уездный городок; сказочный "чужой мир" - это известный "град на острове Буяне" и т.п. Ясно, что здесь "мир" или "город" - это и есть "вся вселенная" (ср. слова русской народной песни "Всю да я вселенную объехал..."). Несомненно речь идет о

модели вселенной в представлении народа-земледельца.

Когда в средние века русские люди говорили: "Великий город" (например, "Великий город Киев", "Великий Новгород", "Великий город Булгар", "Великий город" в верховьях Оби и т.д.), то они имели в виду отнюдь не размеры и не степень политического и административного могущества этого города в какой-то земле. Великим назывался в народе тот город, который, как мыслимая "модель мира", достигал с "божьей помощью", в глазах народа тождества с Великой Вселенной. Это, было, следовательно, некое вселенское святое величие.

Ибо в предании о возникновении Киева, записанном в "Повести временных лет" (XII в.), сказано, апостол Андрей "... пошел вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: "Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать божья, будет город Великий, и воздвигнет Бог много церквей" (I4, с.27). В том же источнике величие Киева подтверждено еще раз: "В лето 1037. Заложил Ярослав город Великий, у того же города Золотые ворота; заложил же и церковь святой Софии, митрополию и затем церковь на Золотых воротах - святой Богородицы Благовещения, затем монастырь святого Георгия и святой Ирины" (I4, с.92). Андрей Первозванный по житийным оказаниям ходил и в Великий Новгород.

Нельзя не видеть в этих воззрениях древних русских людей связи со Священным писанием. Вот пример: "И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне Великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога" (Откровение Иоанна Богослова, глава 21, 10). Очевидно, что Великим в глазах народа являлся тот город, который как бы был создан самим богом и затем дарован им людям.

Город, окруженный стенами и рвами, в первоначальном семантическом смысле воспринимался его строителями и обитателями в качестве земной проекции известного им космического мироздания. Цитадель (замок, кремль) с дворцом правителя, с зиккуратом или собором (церковью или мечетью с минаретами), возвышающаяся над городской застройкой почти всегда на естественном холме или на горке, - есть ничто иное, как вертикальная ось вселенной. В самой сердцевине ее находились дворец царя или правителя, приравнивающего себя к небожителям, и храм - несомненное жилище (Дом, Domus) небесного божества. С этой точки зрения каждая церковь,

храм, мечеть с минаретом – понимались, как вертикальная ось Вселенной.

Известны две основные схемы городской планировки: круг (овал) и квадрат (прямоугольник). Несмотря на некоторые исключения, древние и средневековые города Востока (Египет, Двуречье, Индия, Средняя Азия, Китай) – квадратные, а Запада (Древняя Греция, Западная и Восточная Европа и др.) – круглые в плане (I5). В тех странах, где активно взаимодействовали воззрения Запада и Востока (например, Римская империя или Средняя Азия), известны различные формы городских планов, но в разные эпохи. Таковым и был, по представлениям жителей соответствующих земель, образ организованного космоса – Вселенной. По данным семиотики "... выявляется связь квадрата с такими отправляющимися от геометрической специфики квадрата идеями, как число четыре, абсолютное, равенство, простота, прямота, единообразие, порядок, правота, истина, справедливость, мудрость, честь, земля. Квадрат или четырехугольник, как и соотносимый с ними круг, образуют горизонтальную плоскость схемы древа мирового; при этом особенно выделяются углы и середины сторон, обозначающие четыре или восемь основных направлений ... Квадрат служил моделью многих храмовых сооружений (зиккурат, пирамида, пагода, церковь, чум и т.п.), которые в свою очередь рассматривались как образ мира... Квадрат в его определенной символической функции нередко определял форму поселения, в котором видели образ космоса, "малый" мир. Так называемые "квадратные" поселения нередко противопоставлялись "круглым". Противопоставление квадрата кругу принадлежит к числу наиболее значимых и повсеместно распространенных, причем оно определяет структуру разных уровней – от состава космоса (ср. в старокитайском трактате "Ли цзи" утверждение о том, что небо кругло, а земля квадратна) до основного принципа членения человеческого коллектива (с квадратом соотносится мужское, а с кругом женское)" (I6, с.630).

Что касается круга, то особенно акцентируется выражение идеи "единства, бесконечности и законченности, высшего совершенства ... Круг выступает как универсальная проекция шара, признаваемого идеальным телом ..., во многих традициях космос представляется именно, как шар ... Перенесение мифологических пространственно-космических представлений на социальную среду можно усмотреть в распространенном способе изображения структуры брач-

ных классов как круга, в структуре архаического поселения в виде круга" и т.п. (I7, с. I8-I9).

Недаром же, в учении Платона (428-347 гг. до н.э.) идеальная форма города - это круг в плане, а согласно учению его далекого современника древнего китайского философа Мэнцзы (372-289 гг. до н.э.) - это квадратный город (I5, с. 50 и 79). Для западноевропейских архитекторов в течение всего средневековья образом был идеализированный образ священного города Иерусалима - круглого в плане с крестовым внутренним расчленением, а в Китае, вплоть до современности - квадратный город (чэн) также с крестовым внутренним расчленением. В столичных городах центральный двор "запретного города" символически олицетворял для китайцев центр мироздания (I5, с. I66-I68 и 208-2I2).

Нет сомнения, что город - многоплановое историческое явление, изучению которого будет еще посвящено много исследований в различных областях науки и культуры. Все это следует иметь в виду и нам, изучая историю древних и средневековых городов Сибири.

Примечания

- ¹ История древнего мира. Ранняя древность. Изд.2. М., 1983.
- ² М а с с о н В.М. Первые цивилизации. Л., 1989. См.:
- А н д р е е в Ю.В. Ранние формы урбанизации // ВДИ. 1987. № I.
- ³ Ч а й л ь д Г. Прогресс и археология. М., 1949.
- ⁴ Г у л я е в В.И. Некоторые вопросы становления раннеклассового общества у древних майя // СЭ. 1969. № 4.
- ⁵ Б е л е н и ц к и й А.М., Б е н т о в и ч И.Б.,
Б о л ь ш а к о в О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- ⁶ И б н Х а л д у н. Введение (фрагменты) // Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1961.
- ⁷ К о ж е м я к о П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.
- ⁸ Г р и г о р ь я н С.Н. Из истории философии Средней Азии и Ирана VII-XII вв. М., 1960.
- ⁹ Ф р е й д е н б е р г О.М. Миф и литература древности. М., 1978.

10 Ш и ф м а н И.Ш. Ветхий завет и его мир. М., 1987.

11 Апокрифы древних христиан. М., 1989.

12 Б а й б у р и н А.К. "Строительная жертва" и связанные с нею ритуальные символы у восточных славян // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979.

13 К н з л а с о в И.Л. Воплощения вселенной (Археологические памятники как объект палеоастрономии) // Историко-астрономические исследования. Минувшее, современность, прогнозы. XXI в. М., 1989.

14 Рассказы Начальной русской летописи / Подг. изд. Т.Михельсон и Д.Лихачев. М., 1966.

15 С а в а р е н с к а я Т.Ф. История градостроительного искусства. М., 1984; Г у р е в и ч Л.Л. К вопросу о происхождении круглых городов индоевропейцев. Тезисы докладов коллоквиума "Этруски в их связях с народами Средиземноморья". М., 1990; К о ш е л е н к о Г.А. Градостроительная структура "идеального" полиса // ВДИ, 1975. № 1.

16 Т о п о р о в В.Н. Квадрат // Мифы народов мира. Т.1. М., 1987.

17 Т о п о р о в В.Н., М е й л а х М.Б. Круг // Мифы народов мира. Т.2. М., 1988; Rosenau H. The Ideal City. Its architectural evolution in Europe. L.; N - V., 1986.

2. ДРЕВНИЕ ГОРОДА В ПАМЯТИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ. (ФАКТЫ ЭТНОГРАФИИ, ЯЗЫКА И ФОЛЬКЛОРА)

В здешней стране, кажется, был
город чудского народа

Хакасская бивальщина, 1896 г.

Знали ли коренные народы Сибири о древних городах? Да, знали. И не только потому, что изредка, при земляных работах, встречались с видоизмененными временем остатками городских укреплений, жилищ или производственных объектов. В руинах, среди обломков кирпичей, углей и кусков шлаков люди иногда находили черепки битых древних горшков, проржавевшие орудия труда и оружие, обломки раздробленных костей.

Существует много свидетельств тому, что русские служилые и чиновные люди, охотники и торговцы, ученые путешественники и крестьяне "открывали" в XVII–XX вв. в Сибири остатки древних городов ("городища"), деревень ("селища"), крепостей ("городки") по непосредственному указанию аборигенных жителей. Об этом мы уже рассказывали ранее в разделе книги, посвященном сведениям русских источников.

В наших поисках местонахождений бывших городов определенную помощь может оказать русскоязычная топонимика, многократно содержащая наименования: "городище", "городок", "палаты" и т.д.

Исследователи – филологи и фольклористы обнаружили почти повсеместное бытование рассказов или отдельных сообщений о самобытных сибирских или заморских городах в устных героических сказаниях, исторических преданиях, бивальщинах и сказках у большинства разноязычных коренных народов Сибири. Составление свода таких сведений настолько обширная тема, что решение ее не под силу неспециалисту, тем более, что устные фольклорные произведения записываются на самобытных языках каждой из сибирских народностей. К сожалению, фольклористы специально "городскую" тему не выделяли и потому сводные работы по этой проблеме отсутствуют.

По представлениям русских людей XVII–XIX вв. в степной Сибири в дорусский период жил довольно большой народ чудь. Ему приписывали все находимые культурные древности – древние курганы и остатки развалин неизвестных городов. Русские летописи указывали: "А как сибир-стии гради имены нарицалися, и се неведано и ни от

кого же неиспытно, понеже бо прежде живяще по всей Сибирской земли чудь, посему и писания несть" (I, с.32).

По русскому преданию гордая чудь, узнав от своих жрецов, что всю страну скоро завоят люди Белого царя, якобы, предпочла порабощению собственную гибель. Люди соорудили глубокие землянки и вошли в них. Затем чудские мужчины подрубили столбы, поддерживавшие засыпанные землей крыши, и погребли себя вместе с женщинами и детьми. И не стало на земле чудского народа, вместе с которым, якобы, исчезла в Сибири и древняя культура. Остались лишь "чудские курганы", с могилами под их насыпями. Сказание о самопогребении чуди возникло в Западной Сибири во второй половине XVII в. (2, с. 49-54) и впоследствии было широко разнесено русскими людьми среди коренных сибиряков. От грамотных русских людей узнали о чуди и хакасы. Они называли чудь: "ах карахтыг чонны", то есть "белоглазый народ".

Известный тирколог и этнограф, урожденный хакас, профессор Казанского университета Н.Ф.Катанов, находясь в 1896 г. в научной командировке на левом берегу р. Абакана (улус Аппаков), записал текст, свидетельствующий, что по представлениям местных хакасов, до них в долине Абакана обитал этот неизвестный народ чудь. В этом тексте, между прочим, сказано: "В здешней стране, кажется, был город чудского народа" ("Чуут чоннын кооратды полган") (3, с.5). Таким образом, в хакасском народе в конце XIX в. еще была жива память о существовавшем на их земле древнем городе. Правда, его считали "чудским".

Аналогичные упоминания о городах встречаются в фольклоре других коренных народов Сибири, имеющих в своем языке самобытные термины для обозначения понятия "город". Например, у кетоязычных соседей хакасов еще в XVIII в. зафиксированы термины "город", варьирующие по их говорам и диалектам, но одинаковые по значению ("коледа", "келет", "коледе") (4, с.163). У хайдинцев "город" - "толу" (5, с.125), у коттов - "пачатура", у ненцев - "мар", у обских угров - "ваш", "вач" ("вош", "воч"), у коми-пермяков "кар" ("кор"), у маньси "город" - "уус" ("уш"), "городок" - "уусике" и т.п. (6).

В шорском героическом эпосе описывается мир, который предстает как "черный город", огороженный железным забором с железными же воротами: "Внутри черного города, вокруг земли раскинувшегося, девяносто кузнецов куют" (7, с. 96, 97, 134-137). В

фольклорной традиции существует указание, что умерших селькупов "отправляли" через море мертвых, за которым где-то на далеком севере находится город мертвых – "латтырьль кэтты" (8, с.59). Посетивший обских утров Ф.Белявский сообщает интересный факт: по словам остяков, "места, где жили прежде их князцы и владельцы, назывались городами и отличаются (они) ... изобилием рыболовства" (9, с.52). Те же места почитались как священные.

С.К.Патканов перечисляет названия остяцких городов, упомянутых в былинах и сказаниях хантов: Тапарвош (около Цингалинских юрт); Карыпоспат-урдаш-вош – "богатырский город у Стерляжьей протоки" в нижнем течении р. Конды; Эмдер-вош – около Эмдерской в Березовском округе; Нан-хуш-вош и Сон-хуш-вош в нижнем течении Оби; Хут-вош – на Иртыше; Тун-пох-вош – на Иртыше; Руш-вош и другие. Рядовое население жило в неукрепленных поселениях "пугош", которые группировались вокруг городов знати, и в случае военного нападения врагов жители "пугош" укрывались в городской крепости (10, с.100). В былинах также упоминаются: "глава города" (воч-ух или вочум-ворт-ига), богатые и бедные люди, рабы и рабыни, прислуживающие богатырям.

В Горном Алтае обнаружены топонимы: Йер-балык (Земляной город) и Ай-балык (Лунный город). Топонимы эти, возможно, свидетельствуют, что во времена древних тюрков в Курайской степи существовали города (древнетюркское "балык" – означает город) (11, с.181). Их остатки следует искать археологам.

Термин "Город" сохранился в хакасском языке в двух формах: новой и древней. Тура (город) – общий термин для всех западно-сибирских тюркоязычных языков от Тобола и до Енисея. В значении "крепость" он отмечен уже в Древнетюркском словаре (12, с.587). Аба-Тура есть хакасское название г. Кузнецка, Том-Тура – г. Томска, Хызылчар-Тура – г. Красноярска и т.п. (13, с.240). "Крепость" в хакасском – "сiвее" или "свє" (ср., в том же значении, алтайское – шибє, тувинское – шивээ, монгольское – шивээ).

Более древний термин, "саар", обозначающий понятие "город", бытует в хакасском фольклоре и в местной топонимике. Хакасское "саар" – полная параллель киргизскому и восточнотуркестанскому "шаар" – город. Эта стяженная форма от персидского "шахар" – город характерна для восточных тюркоязычных народов (14, с.894). Восточный Туркестан в XIX в. назывался местными тюрками, то "Алтышаар" (Шестиградье), то "Ияттишар" (Семиградье). Во многих

героических сказаниях хакасов встречается (обычно в экспозиции, места действия) "Ах саар" - "Белый город" (точнее - "Прекрасный город") (15, с. 12, 118):

"На берегу Белой великой реки
Прекрасный город стоял"

Примечательно, что на том же берегу Абакана, где Н.Ф.Катановым свыше 90 лет назад записано воспоминание о "городе чудского народа", сохранился топоним "Саар". Совпадение этих фактов, по-видимому, свидетельствует, что город там действительно был. "Саар" в настоящее время - название горной гряды, протянувшейся между левыми притоками Абакана реками Аскиз (хак. Асхис) и Камышта (хак. Ёкк). Посреди этих гор расположено красивое урочище Саар исты ("Внутри Саара"), в котором бьют родники, текут ручьи и ныне живут скотоводы.

Как бы в продолжение хребта Саар, с левого берега Камышты и до реки Уйбата, тянется другой хребет, называемый хакасами Сахсаар (что быть может означает, "Военный город"). Он также имеет внутри гор урочище, в котором текут ручьи родникового происхождения. На основной вершине Сахсаара расположена крепость "све" (хак.), окруженная каменными стенами, сложенными из плащя уложенных плит. Но крепость - это средневековое убежище, а не город.

Остатки большого столичного города были найдены Л.Р.Кызласовым в 1959 г. на степи при устье того же Уйбата, выпадающего слева в р. Абакан в 15 км к востоку от хребта Сахсаар (16, с.143). Об этом городе будет рассказано ниже.

В будущем полезно было бы проделать работу по выборке из лексики языков коренных обитателей Сибири тех самобытных терминов и понятий, которые свидетельствуют о знании ими строительного дела, о знакомстве не только с соответствующими орудиями труда, но и с деталями и приемами строительства деревянных, сырцовых, глинобитных и каменных зданий. Составленные словарики докажут самостоятельность аборигенного зодчества и строительного искусства. Такой документальный материал, к сожалению, еще никак не собран.

В качестве первого опыта приведем здесь некоторые примеры из фольклора и лексики тюркоязычных народов Южной Сибири. В сказаниях алтайцев и хакасов XIX в. постоянно встречаются: золотые (белые) дворцы, красные и черные города; золотые, железные и се-

ребра́нные мосты́; золотая дверь, желе́зная изгоро́дь, желе́зные столбы́ и коло́нны (17, с. 301-425; 18, 19).

Дворе́ц "замо́к" – örgöö или ут-тура (большой дом), ибо "ту-ра" не только "город", но и "дом"; каменны́й дом – тас тура (17, 18); дом – үге (хак. бельтир); строение (здание) – пүди́ріг (хак.); ты́рма – хариб (хак.); четырёхугольная изба – чарча (хак.); крыша – чабыг (хак.), дабу (алт.); мати́ца (балка) дома – архы (хак.); тоормош (алт.); коло́нна (опорный столб) – теек (хак.) (Алтын Те-ек – Золотая колонна – имя в фольклоре – 20, II, с.13); окно – кө́зине́к (хак.), кө́знөк (алт.); сте́кло – куган (шор.), сү́лей (сев. алт.), шили (алт.), сү́лейке, сү́дье (хак.); пол – салты́м (шор), такта (алт., хак.); погре́б (подполье) – ора (хак.); поро́г – иркын (хак.), бозого (алт.); кровать – орган, орты́х, онты́х (хак.), орын (алт.); пе́чь – ке́беге (шор.), кемэ́ге (сев. алт.), кэмэ́гэ (чулым.), кимэ́гэ (сиб. татар.), камин-соол (хак.), шаал (шор.), чоол (алт.), цуал (сиб. татар.).

Строите́льство – пүди́ріг (хак.), тудар, будурер, эдер (алт.), строите́ль – пүди́рігчи́ (хак.), штукатурка – сыба́нды (хак.), шыба́нты (алт.); штукатур – сыба́чан кызы́ (хак.), шыба́чы (алт.), гвоздь – каты́г, позут (шор.), каду (сев. алт.), бозу, позы́г (хак.); ворота – халха, изы́к (хак.); забор – хана, сиде́н (хак.); колоде́ц – хутук (хак.), кутук (алт.), кудук (тув.); ле́стница – ма́кыш (шор.), пасхы́с (хак.), тепки́ш (алт.), баскы́ш (тув.), паскы́ш (сев. алт.) (13, 15, 17, 18, 19, 20). Вал (земляная насыпь) – үү́лдире урган чир (хак.), кү́рее (алт.).

Здесь уместно вспомнить алтайскую загадку: "Вокруг деревя́нный гроб – в середине́ голубое поле", – которая означает окно в стене дома (21, с.152). В фольклоре южносибирских тюрков упоминаются здания с сорока углами, а также девяносто и стогранные дворцы, желе́зные дворцы и изгоро́ди и даже, как говорилось выше, желе́зные города. В одном хака́сском сказании рассказывается о сорокаугольном доме, внутри которого "сорок мужчин ку́ют молоты, сорок человек – пи́лы и подпи́лки и сорок человек ку́ют ши́пцы..." (17, с.219; 18). В шорском сказании говорится: "Внутри черного́ города, вокруг земли́ раскину́вшегося, девяносто ку́знецов ку́ют..." Упоминаются горы, ши́пцы, молоты, "медный амбар", "черный дворе́ц" и т.п. (7, с. 97, 133-137). Конечно, приведенные нами выборки из фольклора и лексики языков южносибирских тюркоязычных народов случайны, но они показывают возможности для углубленной разра-

ботки нашей темы фольклористами и лингвистами.

Что касается этнографов, то наиболее проникательные из них, анализируя материальную и духовную культуру коренных народов, улавливали мощное воздействие на них бывших городских цивилизаций. Так, например, С.В.Иванов, внимательно изучавший хакасские шаманские бубны и красочные рисунки на них, указывает: "Простая и ясная в своих истоках тематика, связанная с облавными охотами, восходящая к глубокой древности, обростала сложной тканью представлений, содержание и характер которых говорят о том, что они складывались под влиянием феодальных порядков и городской культуры каких-то центрально- или восточноазиатских государств, по отношению к которым тюрко-, самоедо- и кетоязычные племена находились в свое время на положении вассалов. Значительную роль при этом играли, по-видимому, енисейские кыргызы, создавшие сильное государство еще в VI в.н.э." (22, с. 220-222).

Как видим, этот исследователь вплотную подошел на своих материалах к разгадке былого существования в средние века местных енисейских городов. Добавим, что в сюжетах и семантике изображений на бубнах народов Саяно-Алтайского нагорья С.В.Иванов так же увидел представления этих народов "о многокомнатных каменных дворцах, о ханах, тюрмах"; о дворцах с оградами, о мостах, лестницах, книгах и т.п. аксессуарах городской культуры (22, с. 259-261).

Можно упомянуть еще интересное заключение В.П.Дьяконовой: "Известным феноменом в религиозно-культовой практике у тюркоязычных народов Саяно-Алтая является жертвоприношение небу у хакасов, о котором сообщают Н.Ф.Катанов и С.Д.Майнагашев, назвавшие его "тигир таих". Культ неба такого характера не описан и не зафиксирован ни для какой другой этнографической группы или народа Саяно-Алтая" (23, с.176). Исключительность этого культа, возможно, указывает на его происхождение от той средневековой религии, которая культивировалась в храмах и святилищах древне-хакасских городов, о которых подробно мы еще расскажем. Приведенные здесь, далеко не полные сведения и факты, почерпнутые из этнографии, фольклора, языка и топонимики, содержат объективные свидетельства о древнесибирских городах и о поразительной исторической памяти коренных сибиряков, сохранившей представления о давно погибшей самобытной городской цивилизации. Все эти данные явились предвестниками археологических поисков в сибирской земле остатков древних и средневековых городов.

- ¹ ПСРЛ. Т.36. Сибирские летописи. М., 1987.
- ² Ш м и д т А.В. О чуде и ее гибели // Записки Уральского общества любителей естествознания. 1927. Т. XI. Вып.2.
- ³ К а т а н о в Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии // Уч. зап. Казанского университета, 1854. Кн. 5, 6. Казань, 1897.
- ⁴ Д у л ь з о н А.П. Словарные материалы. XVIII в. по кетским наречиям // Уч. зап. ТГПИ. Т.19. Вып.2. Томск, 1961.
- ⁵ Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973.
- ⁶ Т е р е щ е н к о Н.М. Ненецко-русский словарь. М., 1965; Б о л ь д т Е.П. Именное словообразование нганасанского языка. Новосибирск, 1989.
- ⁷ Д ы р е н к о в а Н.П. Шорский фольклор. М.;Л., 1940.
- ⁸ П р о к о ф ь е в а Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире // Сб. МАЭ. Т. XX. М.;Л., 1961.
- ⁹ Б е л я в с к и й Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833.
- ¹⁰ П а т к а н о в С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. Вып. 3-4. СПб., 1891.
- ¹¹ М о л ч а н о в а О.М. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.
- ¹² Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- ¹³ Хакасско-русский словарь/ Сост. Н.А.Баскаков и А.И.Инкижекова-Грекул. М., 1953.
- ¹⁴ Киргизско-русский словарь/ Сост. К.К.Юдахин. М., 1965.
- ¹⁵ Д о б р о в М.К. Хан Мирген. Абакан, 1969.
- ¹⁶ К ы з л а с о в Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.
- ¹⁷ К а т а н о в Н.Ф. Опыт народной литературы тюркских племен. Ч.9. СПб., 1907.
- ¹⁸ С у р а з а к о в С.С. Алтайский героический эпос. М., 1985.
- ¹⁹ Ч и с п и я к о в Э.Ф. О лексических особенностях саяно-алтайского ареала // Лексикология и словообразование хакасского языка. Абакан, 1987.
- ²⁰ К а т а н о в Н.Ф. Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся во втором томе "Образцов народной литерату-

ры тюркских племен, собранных В.В.Радловым". СПб., 1888.

²¹ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1988.

²² И в а н о в С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сб. МАЭ. Т. XVI. М.;Л.. 1955.

²³ Д љ а к о н о в а В.П. Религиозные культы тувинцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977.

3. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА XVIII-XIX ВЕКОВ О ДРЕВНЕСИБИРСКИХ ГОРОДАХ

Да и город каменный есть близко Иредяша озера, и оброс тот город большим великим диким лесом. И полаты каменные в том городе многия ...

Из докладной записки царю Петру I. начало XVIII в.

Российская историческая наука зародилась в XVIII в. Зачинателями ее явились такие крупные ученые и просветители, как М.В.Ломоносов, В.Н.Татищев и Г.Ф.Миллер. Все они оставили свой след и в изучении сибирской истории (I, с. 56-80, 107-163; 212-222; 2). Их предшественниками были первый сибирский историк и картограф тобольчанин С.У.Ремезов и побывавшие в начале XVIII в. в Сибири ученые-путешественники Д.Г.Мессершмидт и Ф.И.Страленберг (2, с. 31-36, 48-49), а последователями - И.И.Лепехин, И.П.Фальк, И.Г.Георги, П.С.Паллас, А.Н.Радищев и др. (I, с. 34-40, 223-253).

Всеим этим исследователям в той или иной степени были известны сведения о древних или средневековых городах сибирского аборигенного населения, оставленных, по их мнению, древним легендарным народом "чудь", татарами, калмыками или другими неизвестными народами. На карте С.У.Ремезова 1701 г. были помечены на верхнем Иртыше два города: на р. Бешке, притоке Иртыша, изображена полукруглая стена с надписью: "Булгагана" и южнее - "г. Калмак Тологай", а западнее: "кочевья Аблая" (9).

К началу XVIII в. относится также записка, хранящаяся в "кабинетных делах Петра Великого", в которой сказано, что в горах, между вершинами рек Уфы и Урала, "в том месте изстари сибирские татаровя тое руду ломали и серебро и золото себе плавили. Да и город каменный есть близко Иредяша озера, и оброс тот город большим великим диким лесом. И полаты каменные в том городе многия. А в тот город башкирцы съезжаются по вся годы на мольбище. А у всех башкирцев твердость положена, что отнюдь про тоё руду и про город никому не сказывать. И таят крепко, чтоб про тоё руду и про город великие государи российские или казылбашской (персидский - Д.К.) шах не сведал" (3, с. 256-257; 38, с.234).

В 1718 г. в верховьях Иртыша русскими солдатами была построена крепость Семипалатная, названная так по древним сооружениям, которые были обнаружены и поименованы в народе "Семь палат" еще в начале XVII в. Вот что зафиксировано в одном из документов, относящихся к 1801 г.: "Город название свое получил от семи палат или древних иновечерских каменных строений, на сем месте бывших, которых развалины еще и поныне при самой крепости существуют. В них найдено 1654-го года на тунгутском языке много рукописных книг, которые тогда ж в Москву и были отправлены" (36, с.316).

Об остатках старинных монументальных зданий, сохранившихся от древнего города, упоминает находившийся в 1719 г. в Tobольске сотрудник посольства Л.В.Измайлова в Китай, англичанин Джон Белл, состоявший на русской службе: "Дом, называемый Семь палат, лежит по правую сторону, если спускаться вниз по реке (Иртышу). Поразительно видеть среди степи такое правильное здание. Некоторые из татар говорят, что оно построено Тамерланом, которого татары называют Темир-аксаком или Хромым Темиром, другие же приписывают его постройку Чингиз-Хану. Здание, согласно лучшим сведениям, какие я мог получить, сложено из кирпича или камня, хорошо отделано и поныне остается в целости. Оно состоит из семи комнат под одною крышей, откуда и явилось название "Семь палат". Несколько комнат были наполнены свитками глянцевиной бумаги, прекрасно исписанными; на многих из них золотые буквы. Некоторые свитки черные, но большая часть — белые. Язык, на котором они писаны, тангутский или калмыцкий. Когда я был в Tobольске, то встретил там на улице солдата со связкою таких бумаг в руке. Он просил меня купить их, что я и сделал, заплатив небольшую сумму. Я оставил их у себя до прибытия моего в Англию, где роздал их моим друзьям, особенно же ученому антикварию Гансу Слоуну, который оценил их очень высоко и дал им место в своем знаменитом музее. Два таких свитка послано было, по приказанию императора Петра Первого, в Королевскую академию в Париже. Академия возвратила перевод их, который я видел в кунст-камере в Санкт-Петербурге.

Один из них содержал поручение ламе или жрецу, другой форму молитвы к Божеству. Насколько можно полагаться на этот перевод, я не берусь определить. Татары считают все их священными письмами, как это видно по заботе, прилагаемой ими к сохранению этих бумаг. Быть может, они содержат несколько любопытных отрывков, особенно по древней истории. В нескольких днях пути от Семи па-

лат вниз по Иртышу, на западном берегу его, стоит старая башня, известная под именем Калбазинской башни" (4, с.51; ср. 5, с. 50-51).

Калбасунская башня и Семь палат описаны в специальном исследовании Г.Ф.Миллера, который сам посетил в 1734 г. развалины Семи палат, а Калбасунскую башню тогда же по его указанию описал и зарисовал отправленный к ней "рисовальщик" Лурсениус. Рисунки всех этих зданий были опубликованы (4, вып.3, с. 57-60). Согласно Г.Ф.Миллеру "Так называемые "Семь палат" лежат на восточном берегу Иртыша... Калмыки называют их Дархан-Зорджин-Кит, говоря, что здания эти построил некий жрец Дархан-Зорджи, который и пребывал в них. Когда это было, они не знают. В Томени, древнейшем городе Сибири, я нашел в архиве грамоту царя Михаила Федоровича от 25 октября 1616 г., в которой эти здания упомянуты под именем "каменных мечетей". К этому времени они, может быть, и относятся. Судя по материалу, из которого они сделаны, они едва-ли могут быть древнее... Разорены были эти здания, по моему мнению, около 1660-1670 годов, когда, как я узнал из сибирских архивов, страшная междоусобная война нанесла калмыцкому господству множество поражений. С тех пор часто могло случаться, что русские входили в разоренные капища и уносили с собой письма и идолы, находившиеся там в значительном количестве... До Бухгольцовского похода (первой попытки пробраться в Бухарию в 1714 г. - Л. К.) ничего про них не было слышно и никто о найденных в Сибири неизвестных письменах не упоминал. Те, которые сибирским воеводою поднесены были Петру Великому, по общепринятому мнению добыты отсюда. Сообщу все, что видел своими глазами, когда из Семипалатной крепости отправился к этим развалинам" (4, вып.3, приложения, с.58).

По данным Г.Ф.Миллера и его спутника И.Г.Гмелина, описываемый городок состоял из шести зданий. Но так как одно строение включало две комнаты, прилегающие друг к другу одной стеной, то русские посетители развалин считали, что всего палат семь. Все здания были сооружены из сырцового кирпича и лишь одно, центральное, было двухэтажным, причем нижний этаж был сооружен из каменных плит.

Внутри некоторых зданий сохранилась алебастровая побелка стен и остатки живописи, которые "изображают людей, частью стоящих, частью сидящих, животных, драконов, птиц и преимущественно

цветы". В трех зданиях — упавшие деревянные колонны, местами разукрашенные цветами, с деревянными скульптурами львов и драконов, которые служили капителями. Кое-где валялись обрывки рукописей. Двери зданий были обращены к реке (4, там же, с.58-59).

Здесь же, Миллер упоминает, что он видел развалины подобных зданий (то есть другого аналогичного городка) в 20 верстах от Семи палат, на том же берегу Иртыша, в 37 верстах от Семипалатной крепости по дороге в Усть-Каменогорскую крепость. Там возле зданий сохранились оросительные каналы и остатки заброшенных пашен. Сравним это известие с более ранним, относящимся к ХУП в., сообщением Н.Витзена: "от этих зданий (то есть от Семи палат) вверх по Иртышу живет калмыцкий жрец, который построил себе два довольно большие кирпичные здания, снаружи покрытые известью. Он содержит при себе бухарцев и живет землепашеством. Там растут пшеница, ячмень, горох и другие злаки" (4, вып.3, приложения, с.60).

В 1734 г. Семь палат посетил и описал геодезист Василий Шишков (4, вып.3, с.142).

Таким образом, обобщая все вышеприведенные факты, можно заключить, что в начале и первой половине ХУП в. на верхнем Иртыше существовали калмыцкие города, которые были в основном храмовыми. Их населяли буддийские ламы-монахи, а также среднеазиатские (ремесленники и землепашцы, храмовые служки). Нередко возле монастырей находилась ставка хана или другого административного лица с чиновным аппаратом, воинами и мастерами по ремонту и изготовлению походного снаряжения и вооружения. Сюда подходили караваны проезжих купцов, здесь велась торговля и устраивались многолюдные религиозные празднества — цамы.

Наибольшую известность приобрели подробные описания Миллера остатков города Аблайникита ("Аблайкит у сибиряков называется городом, потому что окружен стенами" (4, там же, с.61), которые он сам, по какой-то причине, лично не посетил, хотя и был 11 августа 1734 г. в Устькаменогорской крепости. Аблайнихийд, как его называли калмыки, расположен в 60 км к югу от Устькаменогорска, в Калбинских горах, в верховьях правого притока Иртыша р. Себинки (Облакетки) (6).

Этот город-монастырь впервые был обследован в 1720 г. экспедицией под руководством майора И.М.Лихарева. Экспедиция была послана Петром I для "разыскания путей" в Восточный Туркестан, а также с целью укрепления границ России в Приалтайском крае.

Она начала свою работу с сооружения осенью 1719 г. Устькаменогорской военной крепости. При разведках 1720 г. экспедицией был обнаружен заброшенный калмыками монастырь, собраны в его храмах тибетские рукописи и составлен сохранившийся до нашего времени рукописный чертёж — "план Аблайкитских палат". На нем изображен стоящий на горе одноэтажный храм с трехярусной крышей, окруженный стеной (7, рис. I; 36, с. 241). В 1721 г. для Академии наук была сделана даже деревянная модель храма Аблайкита (4, вып. 3, с. 140).

Это открытие стало широко известно (36, с. 241). Во всяком случае, уже Ф. И. Страленберг в своей книге, вышедшей в Стокгольме в 1730 г., писал: "В 1720-м году, когда русские с несколькими полками военного люда отправились из г. Тобольска вверх по р. Иртышу, то они нашли там не только много древностей и старых языческих капищ, но и далее от этой реки, между верховьями р. Тобола и Ишима (куда, впрочем, ходят немногие) встретили, как мне рассказывали тобольские татары и русские, очень много вытесанных из камня изображений людей и животных; в тех же степях находятся развалины различных городов" (4, вып. 3, приложения, с. 24).

В настоящее время известно, что город Аблайкит был основан в 1654 г. ханом западных ойратов Аблаем-тайджи, из племени хошутов. Возле монастыря располагалась ставка хана. Здесь вели торговлю приезжие купцы, в округе было заведено хлебопашество и огородничество.

В 1654 и 1657 гг. в Аблайките побывал первый русский посол в Китай Ф. И. Байков. В 1671 г. Аблайкит был захвачен джунгарским владетелем Галданом-Бобохту, а разбитый Аблай с хошутами откочевал на р. Урал. С тех пор храмовый город пришел в запустение.

В 1737 г. первое описание Аблайкита с приложением рисунка целого еще храма, второго здания и их деталей составил на месте геодезист Василий Шипков и чертежи его по сей день хранятся в областном архиве г. Свердловска (4, вып. 3, с. 141; 6). Эти документы впервые были опубликованы Г. Ф. Миллером (4, вып. 3, приложения, с. 61-65). В 1735 г. в Аблайките побывал начальник Уральских металлургических заводов В. И. Геннин. Он осмотрел памятник, собрал оставшиеся тибетские рукописи; ему же принадлежит и важное археологическое открытие. В. И. Геннин раскопал у стен храмового города захоронение человека, который лежал "... на выбитой золотой тонкой доске, а поверху его платья наложено было золо-

тыми тонкими листами, выбитыми толстотой против бумаги, всего золота с пуд" (7, с. 23, 32). Геннин составил чертеж необыкновенного погребения (8). Затем он посетил и старый монастырь "Семь палат".

В течении всего XVIII в. собирали сведения об Аблайнките, изучали и старались перевести его тибетские рукописи, изыскивали исторические документы об эпохе его существования не только русские путешественники или состоявшие на русской службе ученые-иностранцы (И.Г.Гмелин, Г.Ф.Миллер, П.С.Паллас), но и иностранные географы и лингвисты (Н.Витзен, братья Фурмон, Т.З.Байер, монгольский лама Агванпунцог Дордже, И.Б.Менке, М.Лакроз и др. (7, с. 19-26)

Не ослабело внимание к изучению Аблайнкита и Семи палат и в XIX-XX вв. В 1900-1901 гг. здесь производил раскопки В.Никитин, в 1928 г. А.А.Адрианов, а в 1935 и 1937 гг. — археолог С.С.Черников, который не только снял планы развалин зданий и всего города, с детальными обмерами и обследованиями, с фотофиксацией и т.п., но и произвел небольшие раскопки на его объектах (6). Этот последний исследователь Аблайнкита совершенно справедливо заключил: "Можно смело сказать, что никакой другой памятник Казахстана не пользовался такой широкой известностью в научных кругах... Аблайнкит является одним из немногих памятников, на котором мы можем проследить все стадии его последовательного разрушения, отмечаемые различными исследователями в течение более чем 200 лет" (6, с.125).

Некоторые материалы о древних городах Сибири собрал Д.Г.Мессершмидт, путешествовавший по ее просторам в 1720-1726 гг. В 1720-1721 гг. его спутником являлся Ф.И.Страленберг. Это была первая научная экспедиция по изучению Сибири. Она ставила перед собою многочисленные задачи по почти энциклопедическому описанию огромной неведомой страны, а также по сбору сведений о ее древних сооружениях или их развалинах (1, с. 15-16). К сожалению, ввиду недоизученности архивных материалов Д.Г.Мессершмидта и их неопубликованности, его открытия и наблюдения остаются малоизвестными.

Исследователь обнаружил развалины крепости на р. Уруленгуй, впадающей в Аргунь, и по рассказам красноярских казаков узнал о наличии древних палат на берегах р. Тес-Хем в южной Туве (4, вып.3, приложения, с. 80-81, 84, 90).

М.В.Ломоносов был одним из первых ученых, который при подготовке к созданию своей "Древней Российской истории" ясно осо-

знавал необходимость привлечения для изучения древних периодов истории Российского государства археологических и этнографических источников. Около 1760 г. им через Академическую канцелярию была разослана по различным губерниям специальная анкета. Среди ее вопросов был и следующий: "26. Назначить, где есть старых городов развалины или городища, в каких состоят остатках и признаках и как их называют?" (10, с.119).

К подобному анкетированию прибегал еще в конце 30-х годов XVIII в. и В.Н.Татищев. Среди многих пунктов его программы было: "103. Нет-ли где в уезде каких признаков и видов, где наперед сего города или знатные строения были и нет-ли известия, как именованы, когда и кем разорены" (4, вып.3, с.142). Именно Татищев послал в 1735 г. в Южную Сибирь геодезиста Василия Шипкова "для описи тамошних мест и положения на ландкарту, а паче, чтобы старался о древностях обстоятельно узведать, описать и, где возможно, сознаменовать". Известно, что В.Шипков "весьма ревностно описывал и курioзным местам учинил чертежи" (4, вып.3, с.140).

Отвечая на 103 пункт программы В.Н.Татищева, В.Шипков, как говорилось выше, обследовал, зарисовал и вычертил точные планы древних городов Аблаинкит и Семь палат. Помимо ландкарт и архитектурных обмеров зданий, он детально описал их строительные материалы и приемы, а также зарисовал акварелью буддийские изображения и реликварии (ср. I, с.71). Всего Татищевым было послано в Сибирь восемь геодезистов.

Один из них — "геодезии поручик" Иван Шипков подробно обследовал в 1739–1743 гг. Томский и Кузнецкий уезды. Отвечая на 103 пункт Татищевской программы, он сообщал: "103. По известию от канцелярии Томского ведомства в уезде никаких известных признаков и видов, где наперед сего города или знатные строения были, не показано, а по усмотрению во время описания в Томском уезде в разных местах находятся небольшие горотки круглые и четвероугольные, кругом рвы и небольшие валы и видно, внутри были ямы и признава-ется, что подобны тому строению, как ныне иноземцы здешние имеют земляные юрты; в некоторых местах от слуху известно, что жили татары и кыргысцы; такожь находятся в называемой Кыргыской степи и в протчих местах довольно бугров или старинных могил, а какие люди жили, о том неизвестно и признать невозможно; оные бугры от русских людей и для добычь разрыты".

О древностях Кузнецкого уезда Иван Шипков сообщал: "103. В уезде том такие признаки, что напредь сего небольшие городки бы-

вали, находятся в разных местах, однакожь видно, что оныя были не знатные, ибо положением весьма малы, такожь по степям довольно находятся старинных могил, а как те места именовались и когда и кем разорены, известия не имеется" (4, вып.3, с. 142-145).

Как видим, в первой половине XVIII в. геодезисты Шишковы зафиксировали не только поздние калмыцкие города и монастыри, но сумели увидеть еще и сохранявшиеся остатки старинных городков-крепостей аборигенного населения Южной Сибири.

Чтобы оценить уровень исторической науки того времени, напомним, что сам В.Н.Татищев делил историю Сибири на три основных периода: сарматский – I тысячелетие до н.э. (наиболее ранним памятником являлись древние строения Семь палат на Иртыше, которые автор отождествлял с г.Иседоном, упоминаемым Птолемеем); татарский с XV в. (татары построили свои города на Оби, Иртыше, Тоболе. Ученый считал, что лет за 100 до Ермака хан Магомет построил город Сибирь на Иртыше, по имени которого стали именовать всю страну). Последний период – русский, с конца XVI в. (I, с.67-76; 2, с.64).

Татищев отмечал важность для исторических исследований топонимических данных, особенно оставшихся от древних "оних сарматских языков, у которых преданиями древности, где прежние их обиталища были... хранятся не меньше же, когда звание городов, рек, озер, их языка в тех местах остались, то наипаче оное утверждается" (I, с.78). Как видим, никаких сомнений в ранней древности существования аборигенных сибирских городов у Татищева не было.

О том, что подразумевал под терминами "город" и "городище" этот крупнейший ученый первой половины XVIII в., дает представление составленный им в 1745 г. "Лексикон Российской...": "Город, славян, град, есть место, укрепленное или без укрепления, в котором многие дома разных чинов, яко военные и гражданские служители, купечество, ремесленники и чернь или подлой народ, и все обшче называются граждане; состоит под властью начальства. Но у нас токмо тот городом именуется, которой уезд подспудной имеет, а протчие или крепости, или пригороды и остроги"; "Городище называется место, где прежде бывал город и опустошен, каковых в Российской империи не токмо по степям или пустыням, но и между селениями немало находится, и большей части имени неизвестны" (II, с.242). Две отдельные статьи "Лексикона" посвящены "Аблайкиту" (II, с. 153, 328).

Ввиду того, что Татищева среди археологических источников особенно интересовали "остатки городов и знатных строений", то

в его архиве собраны важные и значительные материалы о древних городах Сибири, до сих пор еще не освоенные и не оцененные исторической наукой.

Наибольшие заслуги в истории изучения городов аборигенного населения Сибири в дорусский период и в выявлении их судеб за более чем 130-летнее пребывание Сибири в составе Российской империи, безусловно имел Г.Ф.Миллер. Этот выдающийся ученый известен науке, как отец сибирской истории, ибо он первым создал научную "Историю Сибири", основанную на добросовестном изучении русских рукописных документов, непосредственно собранных автором во многих сибирских губернских, уездных и городских архивах в период почти десятилетнего путешествия по Сибири в 1733-1743 гг. Деятельность Г.Ф.Миллера получила должную оценку в историографии Сибири (1; 2; 4, вып.3, приложения; 12, 13 и пр.).

Любопытно отметить, что Академия Наук, отправляя в Сибирь "Беринговую" 2-ю Камчатскую экспедицию в 1733 г. (в которую были включены Г.Ф.Миллер и И.Г.Гмелин), выдала ее участникам подробную инструкцию относительно их обязанностей. В § 9 этой инструкции сказано: "все и всякого рода камни или разваленныя здания или палаты, старне гробы или кладбищи, статуи, сосуды... идолы или болваны... и протчая иныя нарисовать прилежно должен..." (4, вып.3, приложения, с.55). Нечего говорить, что Миллер добросовестно выполнял требования академической инструкции, поскольку они полностью совпадали с его собственными научными интересами.

Это очевидно при рассмотрении другого документа - инструкции самого Миллера, очень подробной, составленной им для адъютанта Фишера, собиравшегося позднее в особое путешествие по Сибири. В ней 10 начальных пунктов посвящены городам и городкам-крепостям в степях, в долинах Оби, Иртыша, Аргуни, татарских кучумовских, остяцких и вогульских, особо "Семи Палат и Аблайкита". В 9 пункте он указывает, что "в верховьях Оби, на башкирской границе, находится старинное полуразвалившееся здание, которое я не знаю, к какому отнести времени"; а в 12 пункте указано: "В Нерчинской степи виден земляной вал, который, говорят, тянется по прямой линии из Монголии чрез Аргунь до Амура" (4, вып.3, прилож., с. 107-108).

Наблюдательный Миллер отмечает увиденные им на Иртыше татарские могильные сооружения, "которые внутри были выложены сырцевыми кирпичами в виде свода, а из распросов я узнал, что встре-

чались также подобные подземные могильные своды из обожженных кирпичей..." (4, вып.3, с.110). Возможно, о последних сооружениях говорится в другом сообщении исследователя: "На Саусканском мысу восточного берега реки Иртыша, в нескольких верстах ниже города Сибири, из давних времен находится татарское кладбище, на котором, как сказывают, и прежние ханы мертвые тела своих фамилий погребали" (4, вып.3, прим.1).

Г.Ф.Миллер также пытался собрать многие сведения путем анкетирования, рассылая свои вопросники по всем городам. Вот какие данные он запрашивал, например, из города Пелыма: "Как зачался город Пелым, в котором году и кем построен и до строения города Пелыма какой был прежний город на Лозве реке, и на каком месте или урочище. И оной Лозвинской город в котором году построен и с которого году и чего ради тот оставлен; и ныне на том Лозвинском городище есть ли какая остатки или признаки, что в прежние времена там город был, о чем можно допросить пелымских жителей, русских и иноверцев. И нет ли где в иных местах такие ж признаки, по которым рассуждать надлежит, что в давние времена там было русское или зырянское поселение или остроги, или какие крепости.

И где и в каких местах и на которых урочищах находятся старинные вогульские и остяцкие городки и села, на высоких местах, на горах или на холмах. И не находятся ль холмы такие при видимом насыпные; и при оных городках видны ли валы и рвы или острожные остатки, или одна вершина места их бывлой крепости?" (13, с.66).

Как видим, владея письменными источниками, Г.Ф.Миллер знал и не сомневался, что до русских города и городки в Зауралье строили и зыряне, и вогулы и остяки, что городская местная культура являлась некогда привычным и закономерным достоянием народов Сибири.

Выше говорилось, что уже в XVI-XVII вв. старая культура аборигенных городов, крепостей, храмов и капищ стиралась новой западной православной культурой — большинство первых русских городов и острогов были сооружены прямо на месте средневековых городов местного туземного населения. На первых порах завоеватели Сибири многократно проявляли нетерпимость к чуждой для христианской Московской Руси мусульманской религии, характерной для Сибирского юрта, и "языческой" шаманистской идеологии других народов Сибири. Последняя клеймилась как "зловерья", "идолобесие",

"богомерзкое кумирослужение". (Г.Новицкий, 1715) (14).

В 30-х гг. XVIII в. в нетерпимости завоевателей к аборигенной культуре пришлось убедиться Г.Ф.Миллеру. Он пытался тогда разнискать аборигенные города и храмы дорусской Сибири. Но даже те из них, которые еще были незастроены, лежали в развалинах, то есть их уже превратили в объекты археологии. Археологии как науки в то время, к сожалению, еще не существовало и, следовательно, не было профессиональных методов для научной реконструкции первоначального вида обследуемых памятников и для их оценки. Чаще всего месторасположение их указывалось русскими сибиряками или же "инородцами". Опыт работ привел ученого к необходимости фиксации исследуемых памятников. Миллер производил тщательную регистрацию, описание и иногда раскопки древних объектов. Зарисовывались находки, составлялись планы древних укреплений, городищ и их построек (I, с.138). Однако у ученого не было ни сил, ни времени для исследования хотя бы наиболее значительных развалин.

Весьма интересны выводы, сделанные Миллером на основании проведенных им разысканий. Так, Миллер осмотрел "Кучумово городище", на котором "следов от каменных зданий нельзя было увидеть. Кучумовцы, должно быть, жили в деревянных хижинах" (I, с.116; 4, вып.3, с. 56 и 117; 14, с. 232-237). Предположение неверное, так как ученый не сопоставляет этот вывод со своими же наблюдениями на татарских кладбищах, где склепы сооружались из сырцовых или обожженных кирпичей. Впрочем он и об Искере пишет, что жилища могли быть построены "по бухарскому обычаю из необожженных кирпичей, так как от них не осталось никаких следов" (14, с.233).

Обследование среди остатков Кучумовской столицы - городища Искер одной лишь цитадели не позволило ему представить расположение и масштабы всего бывшего города, и он сделал осторожное заключение: "там могли жить только немногие знатные татары, если не предполагать, что это место в то время могло быть значительно больше" (14, с. 232-233; 4, вып.3, с.117). На примере осмотренного им бывшего городка князя Самара на Иртыше Миллер смог судить и об остяцких крепостях; наблюдение за остатками одного из татарских городков на Иртыше привело его к остроумной догадке о причинах наименования города в русских документах острогом и т.п. Исторический подход к исследуемым явлениям помогал Миллеру в его разысканиях: "Миллер учитывал, что время может стереть следы прошлого с лица земли, оставив их в легендах и летописях. Мил-

лер не нашел на местности Туртаское городище, упоминаемое на вклеенных местах "Истории Ремезова" и, несмотря на это, не подверг сомнению его существование" (I, с.142; 4, вып.3, с.117; 14, с. 241, 246, 295). Он задавался вопросом: "Сколько не видно следов на разных местах по степям городков?" (4, вып.3, с. 115, 117). Ученый правильно предполагает: "Дворы по обыкновению сибирских татар построены были либо деревянные, либо по бухарскому обыкновению из нежженных кирпичей, потому что с того времени вовсе пропали".

Миллер пытался установить местоположение старых городов, ставших известными ему по письменным документам: "При слободе, называемой Орлово городище, стоящей у реки Ишима, весьма ясные следы и остатки старинного города видны"; "Тюмень. Остатки прежней татарской столицы там и теперь видны, а оные состоят в небольшом укреплении между двумя буераками речки Тюменки, текущей сквозь город в реку Туру... У тамошних татар... уведомился, что они старинную татарскую крепость... называют Чимги или Цимги-Тура"; "на Панином бугре (против Тобольска) никаких следов бывшего города (Бицик-Тура) более не видно"; "Тарханский городок или острог (по-татарски Тархан-Кала), недалеко вверх по устью реки Туры при реке Тоболе"; "Карачинский городок ... на правом берегу Тобола, верстах в 16-ти от впадения его в Иртыш"; "Абалак, или по-татарскому произношению Ебалак, бывший татарский городок на восточном высоком берегу Иртыша, в 5 верстах выше ханского столичного города Сибири... Явлу-Тура, татарский городок бывший при р.Тоболе, где в последующие годы Ялуторовский острог построен" (4, вып.3, с.116).

Указываются в его дневниках и другие татарские города бывшего Сибирского юрта: два города с одинаковым названием Кысым-Тура (рус. Девичий город). Первый - "около устья реки Вагая, где р. Иртыш течет к востоку...", второй - "на восточном высоком берегу реки Иртыша, в двух верстах выше старого города Сибири" (4, вып.3, с.118); Черный город (рус. Черное городище) "в восточную сторону на высоком берегу р. Иртыша есть место в 40 верстах ниже Чернолуцкой слободы"; "Позади Бегизевского озера (на восточном берегу Иртыша) на горе... был татарский городок, которого остатки еще и поныне видны"; "Куллара (бывшая татарская крепостца) на западном берегу Иртыша, при озере Аусаклу, где ныне находится татарская зимняя деревня Куллар-аул" (4, вып.3, с.119); "Зубар-Ту-

ра или Чубарово городище, татарская крепостца на южном берегу Ничи, в 68 верстах от впадения ее в Тобол" (4, вып.3, с.120); "Слышал я о старинной татарской крепости, находящейся в 6 верстах от Исетского острога, вверх по Исети, при р. Юрум. Я отправился туда 2-го октября (1741 г.), но не нашел там ничего такого... местность отчасти уже от природы была укреплена, отчасти же с той стороны, с которой к ней был свободный доступ, была обведена валом и рвом" (4, вып.3, с.101).

Г.Ф.Миллер разыскивал и города остяков, о которых писал: "На Оби и Иртыше, при разных впадающих в них реках, у остяков и вогулов, на значительных возвышенностях, также много старинных укреплений, которые... служили этим народам убежищем во время неприятельских набегов татар и самоедов". В другом месте его записей говорится: "Внизу р. Иртыша и у Оби находятся многие старинные (остяцкие) городки"; "Обдорский городок, древнее остяцкое местечко, что ныне русский острог в Березовском уезде недалеко от устья реки Оби"; "Табаринский городок, при устье речки Иксы"; "Чандырской городок. А ныне под сим именем находится последняя Колшуккой волости деревня"; "прежней Демьянский городок. Остяки называют сие место Чукас... Остяцкое местечко Рачево городище, где стоял славный идол Рача, по которому оно и прозвано". Там же упоминаются: Цынгальское городище, Колшухов городок, "все Кодские городки и волости по Оби реке", Казымский городок (рус. Казымское городище), Назымский город или Янг-ваш (рус. Клин-городок), Лабутинский городок, Гуланг-ваш (рус. Восточный городок); Вой-карра (стоит на левом берегу реки Оби в 18 верстах ниже Аспугля); Муалымский остяцкий городок при устье Иртыша; Кинырский при р. Туре и др. (4, вып.3, с. 107, 116-119).

Перечислены в записях также городки томских татар и верхнеобских чатов (Тоянов, Евачин, Ишкенов, Безъимянный, Чацкий и Мурзин). На Кети указано "Урнуково или Урлюково или Орликово городище" а также "городище на восточном берегу Енисея, в 26 верстах вверх от Енисейска. Может быть Марково городище?" (4, вып.3, с.120).

Исследователь подробно указал месторасположение бывших вогульских городов и крепостей: Кун-Аут-ваш (рус. Куновацкое старое городище), Лопынг-уш (рус. Ляпин), Юильские городки (их было два - вогульский на р. Сигве и остяцкий при р. Казиме), Ели-уш - на Созве; Березовый городок (рус. Березов) или по-вогульски

Халь-уш, а по-остячки Сугмут-ваш (и то и другое означает по-русски - Березовый) (4, вып.3, с.119).

Г.Ф.Миллер хорошо различал устройство лесостепных городов и крепостей и степных, о которых писал: "Местами, особенно в степях, встречаются старинные укрепления, окруженные земляным валом. Из них одни четырехугольны, другие круглы, некоторые выведены в виде дуги по направлению к защищенной природою возвышенности".

Кроме Семи палат, Аблаинкита и еще двух заброшенных калмыцких монастырей, Миллер собрал от красноярских казаков сведения о нескольких разрушенных зданиях с рукописями, обнаруженных ими в 1711 г. на р. Тес-Хем, на границе современной Тувы и Монголии. Казаки эти три здания называли Лозановыми палатами и рассказывали, что сооружены они были "из сырого кирпича" (одно было двухэтажным). На их балках, покрытых лаком, имелись писанные красками изображения, а на досках были "будто подобно человека персоне" - видимо изображения будд. Монголы этот город называли Лоозанкит, по имени одного из Алтын-ханов, правившего в Туве и Северо-западной Монголии с 1660 до 1680 г. (4, вып.3, с. 75-81; 13, с.48).

Древние города и крепости Миллер и Гмелин обнаружили, описали и увековечили чертежами и в Восточном Забайкалье на р. Аргуни. Там были четыре города, окруженные по четырехугольнику валами с бастionsами, рвами и с цитаделями посредине (4, вып.3, с. 81-84, 90-91; 1, с.117; план см. 14, рис.28).

Интересное "старинное укрепление" на горе Уньюк, на восточном берегу Енисея, путешественники осмотрели 29 сентября 1739 г.: "... в 10 верстах от Абаканска, с востока впадает в Енисей р. Сыда. Старинное укрепление на ней состоит из двойного рва и земляного вала; внутренний вал берет начало близ Енисея, на верху горы со стороны Абаканска, и полукругом опять примыкает к Енисею с той стороны, где гора отлога, по направлению к Сыде, у подножия горы; наружный вал идет сажень на 50 к востоку от первого, с вершины горы по прямой линии вниз до подошвы ее. Внутренний вал вышиною в человеческий рост, наружный ниже. Рвы идут около валов с наружной или сухопутной стороны и земля из них выброшена на валы. На верху горы хорошая степная почва, так что, по всей вероятности, казаки этого укрепления в военное время уходили туда со своим скотом" (4, вып.3, с.98, прим.4).

Спутник Миллера И.Г.Гмелин, иногда совершал на маршруте самостоятельные поездки и вел отдельный дневник. Им описаны два особых укрепления. Одно - "четыреугольное, окруженное рвом возвышение, шагов 70 в квадрате, в настоящее время совершенно заросшее" на р. Хаштате - "в углу, который образуют западная и северная стороны возвышения, видны остатки плавильной печи, т.е. кирпичи и шлаки. Кое-где встречались углубления, где, кажется, стояли некогда строения". Второе - на р. Уйен (возле Абаманского зимовья на Оби): "Остатки старинного укрепления... Эти остатки представляют продолговатый четырехугольник.. С южной стороны крутой спуск, а с трех остальных сторон, обращенных к реке, проведён ров... глубиною около 1 арш. Восточная и западная стороны, кроме того, обведены другим рвом в 1/2 аршина глубины, который несколько шире внутреннего рва... Посередине пространства, обнимаемого внутренним рвом, находятся остатки 8 строений..." (4, вып.3, с.105; на с.106 опубликован план, составленный И.Г.Гмелиным).

Г.Ф.Миллер собирал сведения и про "прочие Даурские города и остроги" (I, с.120). Наибольшее количество письменных известий о древних и средневековых городах Сибири собрано Г.Ф.Миллером, как уже говорилось, в его трудах и в особенности - в "Истории Сибири" (I4). Последователь Г.Ф.Миллера и спутник по экспедиции, студент С.П.Крашениников отмечает в своем описании Камчатки, что коренные ее жители (ительмены - Д.К.) продолжают жить в "острожках", то есть в укрепленных поселениях.

Оценивая труды Г.Ф.Миллера, И.Г.Гмелина и их учеников, С.В.Бахрушин писал: "Результаты работ Академической экспедиции были очень значительны... Была выяснена с большой тщательностью топография хантских и мансийских городков в момент прихода русских и даже описаны важнейшие хантские и мансийские городища: Самарово, Куноватское, Гуланг-ваш близ Обдорска, Бардаково и др.. эвенкийское Урлюково, или Орликово, городище и т.д." (I7, с. 226-227). Что касается результатов поездки по Сибири в 1739-1747 гг. последователями Миллера адъюнкта Академии Наук И.Э.Фишера, то известно лишь, что он упоминает в своем отчете древний город у Белого озера (очевидно - оз. Билё) в Хакасско-Минусинской котловине (I, с. 163-178). Будучи убежденным европоцентристом, ненаблюдательный и чванливый адъюнкт пришел к необоснованному выводу: кочующие народы никогда не старались о создании го-

родов и крепких мест" (18, с. 54-55).

Некоторые краткие сведения о городах собраны учеными, путешествовавшими по Сибири позднее - в 1771-1772 гг. Так, академик И.И.Лепехин в своих записках отметил, что почти обрусевшие уже манси все еще продолжали жить "в так называемом Вогульском городке, 25-ти верст не доезжая до Тарабанской слободы, где вогуличей от русских крестьян как образом жития, так и во всех крестьянских приборах распознать не можно" (I, с.35). Отдельные археологические памятники были осмотрены доктором И.П.Фальком. Им было обследовано городище, находившееся на Иртыше, в 20 верстах ниже устья Ишима, на котором он обнаружил "развалины обрушившейся мечетной башни и большого каменного дома" (I, с.38; I5, с. 394-396), то есть фундаментальные постройки, возведенные квалифицированными архитекторами.

Внимательно изучал остатки древних городов и академик П.С.Паллас, описавший три старинных укрепления, осмотренных им в Хакасско-Минусинской котловине. Одно находилось в 7 верстах от деревни Каптыревой на реке "Малой Шунер, которой пред впадением в Енисей из двух речек составляется. На мысу промеж стечения речек выдавшемся лежит поперек заросший вал и ров с проездом". Второе - "с полверсты" от д. Шуша (ныне - с. Шушенское - Д.К.): "видно четверугольное на ровном месте и уже заросшее городище, округом шагов на тысячу и только с северозападного угла проезд имеющее. Оно кажется, что из двух больших валов глубокими рвами разделенных состояло".

Третьей по счету Паллас осмотрел знаменитую пограничную стену - укрепление на р. Жиксе (то есть Голубой), когда поехал "до городища мужиками, не знаю по какой причине Логиновом осадю прозванного, от Жуксы с версту, а татары называют его как и самыя тутошние горы и Саянской острог, Омай-Тура (крепость Омая - Д.К.). Она лежит совсем в углу в том месте, где горы кончаются к Енисею утесом и проезд за нею по нем совсем пресекают. Тут на горе лиственничными деревьями кое-где покрытой, от утесу до завалившейся Енисея протоки, по которой только в высокую воду вода протекает, проведен земляной с камнями большой вал без рву, прямо поперек горы длиною на несколько сот сажен, и как по следам видно с воротами" (16, с. 541-546; 2, с. 51-52).

Достижения Сибирских экспедиций XVIII в. широко использовали в своих трудах немногочисленные в то время ученые России и Ев-

ропы. В 1791–1796 гг. в самой Сибири этими материалами воспользовался сосланный в Илимск А.Н.Радичев. Он написал исторический трактат "Сокращенное повествование о приобретении Сибири", в котором история Сибири впервые предстает перед читателем, как повествование о прошлом ее народов, как история дорусской Сибири.

В этом заключается великая заслуга А.Н.Радичева перед общерусской и сибирской историографией. Он прозорливо подразделил историю автохтонных народов на ряд последовательных периодов. Древнейшей эпохой жизни человека в Сибири Радичев считал время употребления "острых и твердых камней", "служивших вместо топоров и ножей", то есть именно ту эпоху, которую мы теперь называем каменным веком. Следующая эпоха, по Радичеву, отмечена остатками материальной культуры, обнаруженными близ Усть-Каменогорской и Семипалатинской крепостей, где были исследованы развалины зданий. К ней же отнесены "могильные холмы и камни, при вершине Енисея и других ближних рек". Они принадлежали народам "ким деление меди и серебра было известно". Таким образом, речь идет уже об эпохе медного века. Итак, Радичев первым подчеркнул значение первобытного этапа в развитии истории человека в Сибири, чем далеко опередил современную ему историческую науку (I, с.232; 2, с.II7).

Нельзя не упомянуть также об относящихся к XVIII в. документах из архива Златоустовских горных заводов: "1775 г. № 82. Нижне-Увельской слободы по реке Синарке... находится остаток старинного чудского каменного городка в бору" и еще: "1775 г. № 83. Между Увельской и Санарской казачьей крепости по речке Каменной, впадающей в реку Санару, от устья вверх в 2-х верстах подле чудского городка старинных копей" (19, с. 291, 292).

Заключая раздел сведений о древних городах Сибири, ставших известными науке в XVIII в., приходим к выводу, что все исследователи в ту пору имели дело уже не с городами аборигенного населения, а с городищами, то есть с мертвыми археологическими остатками бывших полнокровных городов и крепостей, многие из которых еще в XVI–XVII вв. были обитаемы. Таким образом, городская цивилизация автохтонного сибирского населения, по археологическим данным, зародившаяся еще в бронзовом веке (во всяком случае, в середине II тысячелетия до н.э.), просуществовала до русского завоевания, и ее последний заключительный этап отражают свидетельства XVII в.

К началу XVIII в. собственно сибирских автохтонных городов не существовало. Такова цена, которую сполна уплатили коренные сибиряки за насильственное приобщение их к пришедшей с запада европейской культуре, насаждавшейся имперским самодержавием "Белого царя".

* * *

Остается предложить читателям краткий обзор дальнейшего развития нашей темы по немногочисленным данным, относящимся к XIX веку. Эта тема еще не исследована.

Выше мы уже цитировали документ 1801 г., разъясняющий причину появления названия города Семипалатинска. В нем сказано, что развалины Семи палат "еще и поныне при самой крепости существуют". Таким образом, этот древний городок посещался и в начале XIX в. Нечего и говорить, что Семь палат и Аблаинкит долго еще занимали умы ученых России. Их изучали и о них писали Г.И.Спасский (1811 г.) — опубликовавший рисунок развалин, сделанный с натуры; К.Ф.Ледебур (1826 г.), П.А.Чихачев (1843 г.), Влангали (1851 г.), В.В.Радлов (1865 г.) и др.

Г.И.Спасский установил, что "сохранившиеся до нашего времени памятники древности доказывают, что прежние обитатели Сибири стояли на гораздо высшей ступени образования, сравнительно с нынешними племенами". Среди "главных памятников" он указал на "городища и развалины некоторого рода построек" (20, 1857, с.114). Спасский описал (по Миллеру) Калбазинскую башню (по-калмыцки "Джалин-обо"), а также древние здания Центрального Казахстана (21). Он одним из первых сообщил о памятниках Восточного Забайкалья, о длинном многокилометровом вале, протянувшемся от озера Далай вниз по течению р. Аргуни и даже "переходя ее". Там же им отмечены три четвероугольные крепости и руины двух древних городов на речках Кыркыре и Кондуге, где "открыты следы прежде бывших некоторых зданий": кирпичи, черепицы, каменные базы и скульптуры драконов. Особо сказано о каменной Стеле "при развалинах Кыркирянских" с древнейшей монгольской надписью с упоминанием Чингис-кагана (22, с. 114-123). Ныне стела хранится в Гос. Эрмитаже.

Из памятников Хакасско-Минусинской котловины Спасский упоминает крепость Омайтуру, "от которой приметен доныне один толь-

ко длинный вал, проведенный поперек горы" (23, с.135).

В 1873 г. появилась статья Н.И.Попова, специально посвященная "чудским городкам" и копиям Минусинского края. К сожалению, работа компилятивна. По чужим публикациям автор описал некоторые из городищ ("более известные"): Змеиное ("Качинский городок") на правом берегу Енисея, против г. Красноярска; "Укрепление Сыдинское" на реке Унюк; "Городок" на левом берегу р. Тубы; Шушенскую крепость и "древнее укрепление за речкой Голубой" (по П.С.Палла-су); "древнюю татарскую нагорную крепость у Белого озера" (по И.Э.Фишеру).

Статья Н.И.Попова является одной из первых региональных сводок о древнесибирских городищах. Очевидно, к 70-м гг. XIX в. созрели потребности для появления в научной литературе сводных работ подобного рода.

Однако автор статьи откровенно тенденциозен. Он писал: "Всё, однакожь, показывает, что народы, здесь обитавшие, принадлежали к кочевымномадам, которые довольствовались в этом приятном климате войлочною юртою и не имели, по образу жизни, надобности в прочных постройках для жилья или цели религиозной, хотя и несомненно, что они оставались на одном месте более или менее продолжительное время.

Ни один памятник не свидетельствует о постоянном их жилище; никаких замечательных развалин, подобных древнеболгарским, исык-кульским, семипалатинским, аблайкидским, кондуевским: одни немногие насыпи и рвы — слабые свидетельства зачинавшегося общежития. Они-то и известны здесь под общим именем чудских городков или городищ, усвоенным впоследствии некоторым селениям" (24, с. 43-44).

Что касается взглядов Н.И.Попова, высказанных им попутно на историю "кочевых номадов", то к части русской науки далеко не все исследователи исповедовали европоцентристскую теорию. Так, известный патриот Сибири Г.Н.Потанин справедливо писал: "Пренебрежение ученых к степным народам задерживает развитие науки. Установлению правильных взглядов на роль этих "варваров" и на историю духовно-культурных заимствований мешают наше арийское высокомерие, ложная историческая перспектива..." (25, с.856).

И.Я.Словцов в рукописи "Археологические памятники Тобольской губернии" (1887 г.) описал почти 90 городищ в низовьях Оби и ее притоков. Составлением подобных сводок стали в XIX в. зани-

маться и другие авторы-краеведы (19). С.К.Патканов в Тобольском округе насчитывал 60 угорских городков, а Н.А.Абрамов в Березовском округе — более 40 (26, с.365; 19; 27, с.97; 28, с. 388—397). В "Хронике Тобольского музея за 1898 год" записано, что в 40 верстах от г. Тары "при р. Уй находятся руины старинной крепости. Бывший здесь город, по преданию, разрушен Ермаком. Местные жители утверждают, что на этом месте находят много старинных вещей... на высоком берегу реки находится городище с кирпичными ступеньками к воде" (19; с.273).

Сведения о старинных городах в южной полосе сибирских степей, переходящих в казахстанские, содержатся в трудах русского офицера, казаха по национальности, Ч.Ч.Валиханова (1835—1865): "В Киргизской степи (в Казахстане. — Д.К.) очень много развалин: остатки городов, мечетей, так называемых бастионов, разбросанных по рекам южной и западной части степи, и приписываются преданиям первые, то есть города, ногаям; ... в восточной (части) ... несколько ламайских хитов" (29, с.260).

Своеобразный итог научным знаниям XIX в. по нашей теме подвел в своей книге "История до-русской Сибири" Вл.И.Огородников. Автор признает бесспорным наличие городов у древних уйгуров, монголов, кипчаков, хакасов; городов и городков у остяков в дорусское время, "настоящие города" у татар Сибирского юрта и народов Амура, городки и острожки у камчатских туземцев. Говоря о "турско-татарских племенах" Сибири, Огородников подчеркивает: "Одни из них (туралинцы и тобольско-иртышские татары) обладали довольно развитой земледельческо-городской культурой" (30, с. 138, 140, 147, 167, 192—199, 218—229, 264—265, 280—282).

Как видим, традицией лучших представителей русской исторической мысли XIX в. являлось полное признание, согласно с имевшимися в то время источниками, факт существования древних и средневековых городов и крепостей у автохтонных народов Сибири, сохранявшихся вплоть до завоевания этой страны русским самодержавием.

Примечания

¹ М и р з о в В.Г. Историография Сибири (XVIII в.). Кемерово, 1963.

2 Мирзоев В.Г. Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970.

3 Старинное известие о золоте и серебре, добываемом в Уфимском уезде // Известия Императорского археологического общества. Т.5. СПб., 1865. См. 36: Спицын А.А. Сибирская коллекция Кунсткамеры ЗОРСАРАО. Т.8. Вып. I. СПб., 1906; 3в: Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.

4 Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I. Вып. 2 // МАР. № 5. СПб., 1891. Приложения; Он же. Сибирские древности. Т. I. Вып. 3 // МАР. № 15. СПб., 1894.

5 Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.

6 Черников С.С. Памятники архитектуры ойрат-калмыков // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. I. Элиста, 1960.

7 Княжецкая Е.А. Новые сведения об экспедиции И.М.Лихарева (1719-1720) // Страны и народы Востока. Вып. 26. Кн. 3. М., 1989.

8 Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937.

9 Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882.

10 Гурвич Д.М. М.В.Ломоносов и археология // КСИИМК. Вып. 41. М., 1951; Ср.: Белявский М.Т. Все испытал и все проник. М., 1986. С. 75.

11 Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979.

12 Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2: XVIII век (первая половина). М.; Л., 1965.

13 Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф.Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990.

14 Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.; Л., 1937; См. Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. 1715. Новосибирск, 1941.

15 Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб., 1824.

16 Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, половина первая, 1772 и 1773 годов. СПб., 1788.

17 Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3, ч. 2. М., 1955.

18 Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сиби-

ри... СПб., 1774.

19 Т а л и ц к а я И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. МИА. № 35. М., 1953; С п и ц ы н А.А. Зауральские древние городища // ЗОРСАРО. Т.8. Вып. I. СПб., 1906.

20 С п а с с к и й Г. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходство некоторых из них с великорусскими // Записки ИРГО. Кн. 12. СПб., 1857.

21 С п а с с к и й Г. О древних развалинах в Сибири // Сибирский вестник. 1818 г. Ч. 3. СПб., 1818.

22 С п а с с к и й Г. Памятники древности в Сибири северной и восточной // Сибирский вестник. 1818 г. Ч. 4. СПб., 1819.

23 С п а с с к и й Г. Примечания, служащие к пояснению // Сибирский вестник. 1819 г. Ч. 6. СПб., 1819.

24 П о п о в Н.И. О чудских городках и чудских копях в Минусинском крае // Известия Сибирского отдела РГО. Т. 4. № I. Иркутск, 1873.

25 П о т а н и н Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.

26 История Сибири. Т. I. Л., 1968.

27 П а т к а н о в С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. Вып. 3-4. 1891.

28 А б р а м о в Н.А. Описание Березовского края // Записки РГО по отд. этнографии. Кн. 12. СПб., 1857.

29 В а л и х а н о в Ч.Ч. Избранные произведения. М., 1986.

30 О г о р о д н и к о в Вл.И. Очерк истории Сибири до начала XIX стол. Ч. I: Введение. История до-русской Сибири. Иркутск, 1920; О н ж е. Очерк истории Сибири до начала XIX стол. Ч. II. Вып. I: Завоевание русскими Сибири. Владивосток, 1924.

Наши далекие предшественники и предки никак не могли знать, что их привольная, изобилующая природными богатствами и, прежде всего драгоценной пушиной, повсеместно обитаемая, цветущая сибирская Родина прослывет впоследствии не только "глухим медвежьим углом", но и краем губительной ссылки множества поколений бунтарей, отверженных от общества за свободомыслие или за уголовные преступления. Не знали они, что благословенная древним человеком Сибирь станет страной каторжных централов и концентрационных лагерей.

Процесс исторического развития коренного населения Сибири издревле шел нормальным прогрессивным путем. Никакого отставания от уровня развития племен Европы и Азии в длительную эпоху первобытно-общинного строя здесь не наблюдается (1). Иначе, как смогли бы первые группы древних этнических сибиряков, около 20 тысяч лет тому назад, перейти по существовавшему тогда берингоморскому перешейку на пустовавший континент Нового света? А главное, как смогли бы они положить начало прогрессивному развитию истории человеческих культур, охвативших со временем не только просторы Северной, но и Южной Америки? (1, с. 93, 151).

Их далекие потомки расселившись, создали в огромной области Мезоамерики и Южной Америки процветающие древние культуры и самобытные города. Доказано также, что древнейшие сибиряки породили не только коренное население Нового Света, но и первых поселенцев многих соседних с Сибирью островов Тихого океана и, в первую очередь, обитателей Японских, Курильских и Алеутских островов.

Коренное население Сибири, как показывают исследования археологов, в экономическом, социальном и технологическом отношении развивалось в эпоху бронзы и раннего железного века столь же прогрессивно и динамично, как и население других регионов Старого света, уступая только передовым странам так называемого Древнего Востока. Никакого отставания или, тем более, регресса, не обнаружено и в эти периоды истории даже в столь неблагоприятных для развития человеческого общества географических зонах, каковыми принято считать пространства "глухой" восточно-сибирской тайги или бескрайней тундры, окаймляющей студеные берега Ледовитого океана (2, с. 12-13, 32, 196, 208 и др.).

Конечно, существовала известная неравномерность историчес-

кого развития отдельных регионов Северной Азии, но никогда не было тупиковых географических ниш, где бы царила общественная застойность и полная хозяйственная стагнация, при бурном прогрессе соседних этнических групп. Все общественные коллективы были охвачены регулярными взаимосвязями, способствовавшими распространению стимулов для постоянного движения вперед.

Выше говорилось о недавнем открытии древнейших сибирских городов и крепостей бронзового века, относящихся к расцвету петрозско-синташтинской культуры. Они были построены и обитаемы в далеких ХУП-ХУІ веках до н.э. (3) В неотделимой от Сибири северной полосе казахстанских степей обнаружены так называемые "протогорода", относящиеся к поздней поре бронзового века. Площадь этих поселений охватывала от пяти до десяти и пятнадцати гектаров (например, Кентское). Вокруг них располагались "сельские" мелкие поселки. По данным археологов, "уже в конце бронзового века на крупных западносибирских реках таяжной зоны - Оби, Иртыше, Томи и др. - повсеместно возникают мощные земляные укрепления со рвом, валом и деревянным частоколом - так называемые городища" (4, с.154).

Широкое распространение укрепленные города-крепости получили по всей Сибири в раннем железном веке и позже в средневековый период: "Вся Западная Сибирь покрывается городками-крепостями, являвшимися центрами социально-политических единств, убежищами в дни опасности, местами хранения накопленных богатств" (4, с.154).

Многовековая непрерывность развития самобытной крепостной фортификации и городской монументальной архитектуры создавала базис для развития цивилизаций сибирских народностей в средние века. Несомненно этот процесс был исторически обусловлен постоянным воздействием социально-экономического прогресса. Многократно усилились издревле существовавшие торговые и культурные связи со старыми цивилизациями Средней Азии, Ирана, Индии и Китая.

Аборигенные города Сибири имеют, следовательно, свою историю, которая должна стать предметом специального изучения, с выявлением динамики и специфики особенностей их развития, как во времени, так и в пространстве, в соответствии с разнообразием географических зон этой огромной страны.

Итак, вы прочли книгу, в которой сделана попытка собрать разновременные и разноязычные письменные источники, в значитель-

ной степени освещающие исследуемую проблему. Анализируя приведенные данные, историк Сибири, надо надеяться, обратит внимание на несколько важных открытий. Прежде всего материалы полностью доказали, что в течение всего средневековья, и в более раннее время, многие народности и этнические группы Сибири обладали собственными городами, закономерно возникшими в местной среде в результате зрелости общественных взаимоотношений и экономических потребностей.

Весьма показательно, что разноязычные авторы – очевидцы и свидетели, путешественники и торговцы, собиратели знаний – приезжавшие в Северную Азию из разных стран Востока (арабы, персы, уйгуры, индусы, китайцы и др.), из Западной (австрийцы, немцы, голландцы, англичане, французы, итальянцы, шведы и др.) и Восточной (русские, молдоване, коми-выряне и др.) Европы – все они, наряду с сообщениями о селениях и крепостях, на своих языках называют термином "город" крупные населенные пункты аборигенов Сибири.

Каждый из разновременных авторов, не задумываясь и не сомневаясь, соотносил, следовательно, города сибирских народов с городами своей страны. Слово "город" самобытно звучавшее на языках разных систем, в те эпохи свободно устанавливалось в единый понятийный ряд. Это важнейшее обстоятельство свидетельствует об адекватности понятия "город" в языках средневековых людей Старого света и о том, что города автохтонов Сибири в те времена полностью соответствовали разнообразию представлений народов Европы и Азии о смысле и содержании этого термина. Такой факт подчеркивает историчность термина. Очевидно, что современное понятие "город" не следует, без временной коррекции, применять к средневековым и тем более к древним городам.

Открытием для историков станет и та совокупность собственных терминов "город" и "крепость", которые содержатся в лексическом фонде и фольклоре тюркоязычных, угорских, самодийских и других сибирских коренных народов. Ведь возникновение собственного термина с необходимостью происходит лишь в результате продолжительного и устойчивого знакомства людей – носителей языка с каким-либо явлением или предметом.

Значительным переменам во взглядах на историю Сибири, как на извечно отсталую в социально-экономическом и культурном отношении страну, будут безусловно способствовать показания некото-

рых раннесредневековых иноземных путешественников о том, что они лично видели в Сибири заброшенные развалины городов. Такие города, следовательно, были обитаемы еще ранее, на древнем этапе истории этой страны.

Выше сообщалось, что арабский путешественник Тамим ибн Бахр ал-Муттавай в начале IX в. (до 820 г.) увидел в юго-западных предгорьях Алтая "следы древнего города". Другой араб (в 40-х гг. IX в.) обнаружил на юге Западной Сибири несколько городов, лежащих в развалинах; мимо них он (Саллам ат-Тарджуман) шел целых 20 дней. Последующие арабские географы (например, ал-Идриси, XII в.), даже триста лет спустя, называли эту область разрушенных городов, расположенную в южном Зауралье, "Билад ал-хараб" — "Опустошенной землей".

Не исключено, что в последнем случае арабские путешественники обнаружили развалины древнейших сибирских городов бронзового века, относящихся к петровско-синташтинской культуре (XIII-XVI вв. до н.э.). Именно они были обнесены знакомыми для арабов глинобитными (пахсовыми) и сырцовокирпичными стенами. Руины этих городов выявлены ныне как раз в междуречье Тобола (на левом его притоке р. Синташта) и Урала (на левом притоке р. Б.Караганка) (3). Аналогичных по материалу развалин других городов там нет.

Что касается русских источников, то в них на протяжении всего XVII в. встречаются, как говорилось выше, сообщения об открытии в разных областях развалин древних зданий или городов. Из них наиболее ранними, как мы полагаем, уйгурскими крепостями, относящимися к VIII-IX вв., являются опустевшие "хоромы и полаты", которые обнаружили в южных предгорьях Западного Саяна царские послы В.Тюменец и И.Петров в 1616 г. (5, с.5).

В книге приведены значительные по объему фактические данные о древних городах с монументальными зданиями и фортификационными сооружениями, построенные опытными архитекторами и строителями. Остатки именно таких городов описываются русскими источниками, но к сожалению, подчас слишком лаконично, как "многие грады каменные и великие палаты".

Взятая с боем казаками Ермака 26 октября 1582 г. столица хана Кучума город Кашлык (Сибирь), хотя и запустела от прежних своих обитателей, однако ее капитальные строения никто не разрушал. Они ветшали от времени и потому, что Иртыш подмывал высокий обрыв, на мысу которого возвышалась цитадель ханского города.

Почти сто лет спустя, в 1675 г., как свидетельствует Н.Г. Спафарий, в опустевшей столице на р. Сибирке тобольские татары все еще "мечеть подновляли", то есть занимались ремонтом и укреплением старинных священных зданий. И только, спустя 150 лет после падения города, естественные оползни берега реки и добыча старого камня для строительства зданий русского Тобольска неузнаваемо изменили и значительно сократили площадь руин древнего города. Его "посад", то есть собственно город совсем исчез.

Осмотревший "Кучумово городище" в 1735 г. Г.Ф. Миллер записал: "следов от каменных зданий нельзя было увидеть. Кучумовцы, должно быть, жили в деревянных хижинах". Так как площадь ханской цитадели города от различных причин за 150 лет так же уже значительно уменьшилась, то, не будучи археологом, почтенный ученый не сумел представить себе объемы зданий, а также бывшие размеры и величие древнего города. И он, естественно, пришел к ошибочному выводу: "там могли жить только немногие знатные татары" (см. 6, с. 232-233, 476). Ныне же, 400 лет спустя после Ермакова завоевания, от территории бывшего городища Искер (Кашлыка) осталась лишь небольшая площадка с перерытым культурным слоем (7, с. 145-146).

История показывает, что периоды высочайшего подъема даже иного высокоразвитого общества нередко сменяются периодом упадка и регресса, в особенности если в это развитие вмешиваются междоусобные распри, войны или опустошительные вторжения иноземных завоевателей.

После эпохи расцвета сибирских городов, приходящейся на VIII-XVI вв., начался распад самобытной аборигенной цивилизации. К началу XVIII в. ее уже не существовало. Она была заменена новой городской культурой колонистов Российской империи.

В царских указах, направлявшихся в Сибирь воеводам, а также и в наказах воевод казакам давались весьма жесткие установки: "если всякие ясачные люди не похотят быть под государевою царьскою высокою рукою", то "прося у Бога милости... битца с ними сколько милосердный Бог помощи подаст, чтоб они впредь были под государевою царьскою рукою послушны и стоятельны и в вечном холопстве неотступны". Отказывавшимся от вступления в подданство и уплаты ясака, царь угрожал "вострою саблей" и приказывал казакам "с собою взять пушку" и "погромить непослушных иноземцев" (8, с. 79-80).

Завоевание Сибири прервало процесс самобытного исторического развития коренных сибирских народов и этнических групп. Оно привело к сложной трансформации социальной и экономической структуры местного населения, к видоизменению этнической карты страны, к возникновению новых общественных и этнических взаимоотношений. Вся жизнь, и особенно экономика, народов Сибири была регламентирована в интересах Русского феодального государства. Царизм превратил прекрасный привольный край в "страну суровую и угрюмую". Он сделал из цветущей, почти девственной Сибири страшную для всего цивилизованного человечества страну ссылки и каторги, страну вселенского ужаса.

Ссылать в Сибирь бунтарей, разбойников и воров царское правительство, вероятно, начало еще до гибели в 1600 г. хана Кучума. Первоначально выслались провинившиеся воинские чины и военнопленные европейцы. Их посылали на погибель в зону военных действий. Позднее, при царе Алексее Михайловиче, в Соборное уложение 1649 г. уже было вписано указание: карать за злоупотребления "жестоким наказанием" — кнутом и ссылкой в Сибирь, на Лену (9, с.136). На Енисей ссылать начали с 1653 г., когда было велено отправлять в Сибирь воров и разбойников, с отсечением у них одного пальца на левой руке. Прямой указ о ссылке издал в 1679 г. "добрый" царь Федор Алексеевич: "Которые вору объявятся... тех воров ссылать в Сибирь на вечное житье на пашню, а казни им не чинить, рук и ног и двух перстов не сечь..." (10, с.61).

С тех пор так и повелось — европейская Россия при всех режимах ссылает в Сибирь все "отбросы" своего общества. И, как известно, совсем не пашенными крестьянами становились там уголовники и "гулящие" люди. Именно их русские сибиряки называли варнаками. Постоянно пополняемый контингент озлобленных, разложившихся уголовников и ссыльнопереселенцев из Европы стал почти на 400 лет постоянной болью и кровоточащей язвой коренных народов Сибири, а также прижившихся местных русских сибиряков — чалдонов. Насилие и принуждение вызывало отпор, постоянную настороженность и страх.

Новоселами из Европы были принесены неизвестные до того болезни, нередко приобретавшие характер безудержных эпидемий, опустошавших целые волости и селения ясачного населения. В Сибирь были завезены небывалые прежде птицы, животные (например, воробьи, серые вороны, крысы и т.п.), а также паразитические насекомые.

Началось спавивание аборигенов русской водкой, распространилось повсеместно курение табака. Все это сопровождалось драматической и весьма болезненной ломкой старых связей и зависимостей, утратой бытовой культуры, стиранием прежних форм общественного сознания, мировоззрения и вековых религиозных верований.

Особенно трагично переживало коренное население насильственное обращение его в христианство (II, с. 62-99). Завезенное из Европы новоявленное вероучение было абсолютно чуждым психике и натуралистическому мировоззрению сибирских автохтонов, не отделявших себя от многих таинств их родной природы. Шаманистская религия в сибирских условиях оказалась настолько органичной, что услугами шаманов нередко пользовались даже русские христиане. Есть сообщения, что шаманам верили не только служивые люди в XVII в., но и воеводы, которых не обвинишь в вероотступничестве, а в XIX в. многие крестьяне (I2, с.40; I3, с.326).

С конца XVI в. началось невиданное и неслыханное для коренных жителей хищническое разграбление природных богатств страны. Как говорится в "Историческом описании завоевания Сибири": "С сего времени последовало точное завоевание Сибири и в последующия годы более частными людьми из жадничества к богатству" (I4). Особенно быстро была опустошена извечная кормилица сибиряков - тайга. Прибывшие из России частные промышленники настолько интенсивно, энергично и массово истребляли пушного зверя (соболя, бобра, выдру, белку, куницу, росомаху, лисицу, рысь, волка, медведя и др.), что за 50 лет тайга была почти полностью опустошена (I5, с. I05, II4, I35, I39, 346). Уже в середине XVII в. царское правительство принуждено было запретить в большинстве уездов Западной Сибири русский соболиный промысел (I5, с.I39). Даже в Якутии в 40-х гг. XVII в. соболий ясак из-за полного истребления соболей указом был заменен на лисичий (I6, с.I0). Сургутские ясачные ханты вынуждены стали ходить с р. Оби "на зверовые промыслы в дальние места на Енисей и на Таз" (I6, с.30). Промышленники нередко самовольно вторгались в охотничьи угодья ясачного населения, нанося ему большой ущерб (I6, с.35). Участились случаи разграбления лабазов коренных жителей. Это приводило к кровавым вооруженным столкновениям (I6, с. 35, 39, 40). Одиноким промышленникам "захватывали в полон" или принуждали к сожительству местных женщин и нередко даже продавали их друг другу (I6, с. 94-95). Несть числа жертвам, притеснениям и обидам...

Очевидно, что в исследовании важной для изучения истории народов России темы "Городская цивилизация коренных народов Сибири" мы находимся еще в начале пути. Для полного освоения источников следует проработать материалы многих архивов, среди которых важнейшими являются фонды Сибирского и Посольского приказов, хранящиеся в ЦГАДА. Однако на основании фактов, собранных в настоящей работе, мы уже пришли к определенным выводам.

Аборигенная Сибирская земля, от берегов Ледовитого океана на севере до предгорий Саяно-Алтая на юге, на протяжении XII-XVII вв. представляла перед иноземными воинскими и торговыми людьми как страна административных и торговых городов, как континент городков-крепостей и святилищ, деревень и поселков оседлого местного населения. Важно, что города и "городки" в средние века имели как северные самоеды-оленоводы и охотники, выезжавшие на рать на собаках; угорские народности Оби и Урала - охотники и рыболовы, занимавшиеся скотоводством и отчасти земледелием, так и сибирские татары-скотоводы и земледельцы; тюркоязычные группы рудопромышленников-металлургов и торговцев Южной Сибири, а также кочевники-калмыки, тюркоязычные, монголо- и тунгусоязычные народности Восточной Сибири и Приамурья.

Находясь на разных этапах социально-экономического развития, все они в то же время были втянуты в тесные обменные и торговые отношения с цивилизованными странами далекого юга. Мощными посредниками на этом меридиональном торговом пути являлись сибирские города-фактории, игравшие также роль перевалочных пунктов.

Без учета цивилизаторской роли городов, которые являлись центрами исторической активности народов, невозможно установить степень социально-экономического развития народностей или этнических групп местного населения Сибири в те или иные исторические периоды.

В нашей литературе до последнего времени уровень самостоятельного развития аборигенов Сибири несправедливо занижался. Мнение о том, что к востоку от Урала издревле обитали лишь бродячие лесные охотники, рыболовы и оленоводы, а также степные кочевники-скотоводы, не знавшие ни оседлости, ни городской культуры, теперь должно быть оставлено и забыто.

Особое внимание следует обратить на изучение сведений о развалинах и остатках древних и средневековых городов Сибири, которые можно соотнести с данными письменных западных и восточ-

ных источников, а также с археологическими открытиями неизвестных цивилизаций городского типа, сделанными за последние 25 лет в Южной и Западной Сибири. К сожалению, материалы эти в большинстве своем остаются не опубликованными.

Совокупность комплексных источников о древних и средневековых городах прольет новый свет на историю народов Сибири и будет способствовать восстановлению подлинных характеристик этапов пройденного ими сложного исторического пути.

Примечания

- ¹ История Сибири. Т. I: Древняя Сибирь. Л., 1968.
- ² Археологические открытия 1984 года. М., 1986.
- ³ З д а н о в и ч Г.Б. Феномен протоцивилизации бронзового века урало-казахстанских степей // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.
- ⁴ К о с а р е в М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.
- ⁵ К ы з л а с о в Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
- ⁶ М и л л е р Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.; Л., 1937.
- ⁷ З ы к о в А.П. Раскопки городища Искер // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.
- ⁸ Л е б е д е в Д.М. География в России XУП века. М.; Л., 1949.
- ⁹ К л ы ч е в с к и й В.О. Курс русской истории // Сочинения. В 9 т. Т. 3. М., 1988.
- ¹⁰ А н д р е е в А.И. Этнографические труды С.Ремезова о Сибири // Советский Север. 1938. № I.
- ¹¹ Н о в и ц к и й Г р и г о р и й. Краткое описание о народе остячком. 1715. Новосибирск, 1941.
- ¹² Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979.
- ¹³ Я д р и н ц е в Н.М. Русская народность на Востоке // Дело. 1874. № II.
- ¹⁴ Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.
- ¹⁵ П а в л о в П.Н. Пушной промысел в Сибири XУП в. Красноярск, 1972.
- ¹⁶ П а в л о в П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XУП в. Красноярск, 1974.

Список сокращений

АО - Археологические открытия.

АСТЭ - Археологический сборник Гос. Эрмитажа.

ВДИ - Вестник древней истории.

ГПИ - Государственный педагогический институт.

ЗОРСАРАО - Записки отделений Русской и славянской археологии Русского археологического общества.

ИАК - Известия археологической комиссии.

ИРГО - Императорское Русское географическое общество.

ИСОАН - Известия Сибирского отделения Академии Наук СССР.

ИЭ - Институт этнографии АН СССР.

ЛОИИ - Ленинградское отделение Института истории АН СССР.

МАИКЦА - Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.

МАР - Материалы по археологии России.

МАЭ - Музеи антропологии и этнографии ИЭ АН СССР.

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.

МИКК - Материалы по истории киргизов и Киргизии.

ПСРЛ - Полное собрание русских летописей.

РГО - Русское географическое общество.

СА - Советская археология.

СО АН СССР - Сибирское отделение Академии наук СССР.

СТ - Советская тюркология

СЭ - Советская этнография

ТТПИ - Труды Томского государственного педагогического института.

ТТУ - Томский государственный университет.

ЦГАДА - Центральный государственный архив древних актов.

	Стр.
Введение	3
Глава I. Письменные известия о древних и средне- вековых городах Сибири	12
1. Античная традиция о благословенном городе в центре Азии	12
2. Города Северной Азии в средневековой тра- диции восточных географов	22
3. Самобытные города и крепости Сибири в свете русских источников XII-XVII веков ...	35
4. Сведения западно-европейских путешествен- ников XIII-XVII веков о Сибири и ее древних городах	73
Глава II. Память сибирских аборигенов о древнесибир- ских городах и данные науки XVIII-XIX веков	83
1. О понятии "город" в древности и средневе- ковье	83
2. Древние города в памяти коренных народов Сибири (Факты этнографии, языка и фоль- клора)	93
3. Историческая наука XVIII-XIX веков о древ- несибирских городах	101
Заключение	123
Список сокращений	132

Учебное издание

Кызласов Леонид Романович

Письменные известия о
древних городах Сибири

Спецкурс

Зав. редакцией Г.М.Степаненко

Редактор И.А.Барам

Технический редактор Т.А.Корнеева

Н/К

Подписано в печать 1.07.92.

Формат 60х90 1/16. Бумага тип. № 2. Офсетная печать.

Усл. печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 7,84.

Тираж 1000 экз. Заказ № 138/ Изд. № 2205. Цена 90 коп.

Заказное.

Ордена "Знак Почета" издательство Московского университета.

103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Типография ордена "Знак Почета" изд-ва МГУ.

119899, Москва, Ленинские горы.

